

Увлекательный остросюжетный роман от автора
мировых бестселлеров «P.S. Я люблю тебя» и «Клеймо»

Сесилия Ахерн

ИДЕАЛ

Annotation

Долгожданное продолжение бестселлера «Клеймо», дебютного романа в жанре «young adult» от автора международных бестселлеров Сесилии Ахерн.

Селестина Норт – примерная ученица, любящая дочь и сестра, девушка обаятельного Арта Кревана – в один миг разрушила свою жизнь, совершив поступок, признанный всемогущим Трибуналом порочным. Отныне она – Заклейменная, вынужденная скрываться от стражей, преследующих ее по приказу верховного судьи Кревана, отца ее любимого Арта. У Селестины есть опасная тайна, способная уничтожить и Кревана, и сам Трибунал. Ее она доверила лишь загадочному и привлекательному Кэррику, единственному, на кого она теперь может положиться. Решится ли Селестина отвергнуть свою новую любовь и обретенных в несчастье друзей ради надежды вернуться к прежней счастливой жизни?

Права на экранизацию романов «Клеймо» и «Идеал» приобретены компанией Warner Bros.

-
- [Сесилия Ахерн](#)
 -
 -
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Сесилия Ахерн

Идеал

Cecelia Ahern
PERFECT

© 2017 Cecelia Ahern

Фотография автора на обложке ©Matthew Thompson Photography

© Сумм Л.Б., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Издательство Иностранка®

* * *

*Ивонне Коннолли,
идеалу друга*

ИДЕАЛ: нечто совершенное, образцовое, безупречное, замечательное, лучшее в своем роде, достигшее высшего уровня. О человеке: обладающий всеми желательными или требуемыми качествами, свойствами или характеристиками; настолько хороший, насколько это возможно.

Часть первая

1

Есть тот человек, кем ты считал нужным стать, и тот, кто ты на самом деле. Но я утратила и то и другое.

2

Сорняк – это цветок, выросший не на месте.

Это не мои слова, это дед так говорит.

Он видит красоту во всем; точнее, все, несоответствующее условностям, оказавшееся не на своем месте, он считает самым красивым – лучше всего прочего. Я каждый день замечаю в нем эту черту: он любит старый крестьянский дом больше, чем отремонтированный флигель, варит кофе в древней железной кастрюльке на газовой плите, на живом огне, а блестящая новенькая машинка для эспresso, которую мама подарила ему три дня рождения тому назад, так и собирает пыль, забытая на кухонной стойке. Нет, он вовсе не враг прогресса, он первый ринется в бой ради перемен, но он любит подлинное, истинную форму каждой вещи. Взять даже сорняки: он восхищается их дерзостью, как они пробиваются повсюду, хотя их никто не сажал. Это свойство дедушкиного характера и привело меня к нему в час нужды – и теперь он рискует собственной безопасностью, чтобы предоставить мне убежище.

Убежище.

Это слово звучит в приказах Трибунала: *Каждый, кто окажет помощь Селестине Норт или предоставит ей убежище, понесет суровое наказание.* Какое наказание, они не уточняют, но, зная репутацию Трибунала, можно догадаться. Дедушка, похоже, вовсе не страшится той опасности, которую навлек на себя, приняв меня на своей земле, наоборот, угрозы еще более убеждают его в том, что он обязан меня защитить.

– Сорняк – это растение, которое хочет расти там, где люди не хотят его видеть, – добавил он, наклонился и толстыми, крепкими пальцами выдернул нахала из земли.

У него руки бойца, большие, широкие как лопаты, но и нежные: эти руки умеют растить и собирать урожай с его собственной земли, обнимать и защищать дочь и внуков. Эти руки, способные задушить мужчину, – те самые руки, которые вырастили дочь, возделали эту землю. Наверное, земледельцы – самые сильные бойцы, потому что у них есть связь с чем-то глубинным и драгоценным, есть ради чего биться, есть то, что стоит спасать. У дедушки – свои сто акров, в том числе клубничные поля, где мы сейчас, их он открывает летом для всех желающих, приезжают целые семьи собирать клубнику, и на эти деньги, как говорит дед, ему удастся поддерживать хозяйство. И в этом году нельзя нарушать заведенный порядок не только из-за денег, но и потому, что Трибунал догадается: я прячусь у него. За дедом следят. Он должен делать то, что делает каждый год, а я постараюсь не думать, каково мне будет услышать голоса ребятишек, радостно рвущих ягоды, или насколько опаснее станет моя жизнь, когда в фермерскую усадьбу хлынут посторонние люди – они же запросто могут заодно с клубникой отыскать и меня.

В детстве я любила приезжать сюда вместе с моей сестрой Джунипер, мы тоже собирали клубнику, хотя под конец дня больше ягод оказывалось в животе, чем в корзине, но теперь это место уже не кажется волшебным, как прежде. Теперь приходится полоть сорняки по-настоящему, раньше-то все была игра.

Я знаю, эти рассуждения деда о сорняках, растущих там, где им не рады, относятся ко мне, это его специальная «крестьянская терапия», но, хотя намерения у него самые лучшие, мое положение от таких слов становится чересчур очевидным:

Я – сорняк.

Пять Клейм на теле и тайное шестое – за то, что помогла Заклейменному и солгала перед Трибуналом. Мне дали понять яснее некуда: общество не хочет меня знать. Меня оторвали от родной почвы, выдернули с корнями, встряхнули и отбросили в сторону.

– Но *кто* решает, что это – сорняки? – продолжает дед, пока мы пропалываем грядки. – Не природа. *Люди* так решили. Природа *позволяет* им расти. Природа назначила им это место. Но *люди* заклеили эту траву – мол, сорняк – и в сторону.

– Но они же душат цветы, – пробормотала я наконец, подняв глаза от земли: спина разболелась, под ногтями земля.

Дед пронзил меня взглядом из-под низко надвинутой твидовой кепки: глаза голубые, зоркие, словно у сокола.

– Они – бойцы. Они борются за свое место под солнцем и выживают.

Я – сорняк. Я буду биться и выживу. Я – Заклейменная.
Сегодня мне исполняется восемнадцать лет.

Человек, которым я собиралась стать: Селестина Норт, дочь Саммер и Каттера, сестра Джунипер и Эвана, невеста Арта. Я бы сдала недавно выпускные экзамены и готовилась к поступлению в университет, чтобы серьезно изучать математику.

Сегодня мне исполнилось восемнадцать.

Сегодня мы бы праздновали мой день рождения с двадцатью ближайшими друзьями и членами семьи, на яхте, принадлежащей отцу Арта, может быть, устроили бы даже фейерверк. Боско Креван обещал предоставить яхту на весь день в полное мое распоряжение – такой подарок. На борту шоколадный фонтан, все обмакивали бы в него зефир и клубнику. Я представила себе Марлену, любимую подругу, с шоколадными усами, с вечно серьезным выражением лица, и прямо-таки услышала, как ее парень, не из самых умных, грозит сунуть под шоколадную струю ту или иную часть своего тела, – Марлена закатывает глаза, я хохочу. Шуточная ссора, они всегда так, им нравится пикироваться, а потом мириться.

Папа захотел бы покрасоваться перед моими друзьями на танцполе, показал бы, как умеет подражать Майклу Джексону. Мамочка – знаменитая модель, мне видится, как она стоит на палубе в свободном летнем платье с цветочным узором, длинные светлые волосы слегка приподняты ветром, словно за ее спиной расположили идеально отлаженную машину для спецэффектов. Внешне она держится спокойно, но ее ум работает стремительно, подмечая все вокруг: и что нуждается в исправлении, и кому долить, кого не включили в разговор – щелкнет пальцами и проплывет среди гостей в своем цветочном платье и все уладит. Мой брат Эван объелся зефиром и шоколадом и бежит в запусте со своим другом Майком, оба красные, потные, ухитрились допить капельку со дна пивной бутылки, придется увезти их домой пораньше, животы разболелись. А вот и моя сестра Джунипер, в уголке с подругой, смотрит во все глаза, но сама всегда держится в стороне, наблюдает с тихой и довольной улыбкой, всегда наблюдает и понимает лучше, чем все остальные.

А вот и я – конечно же танцую с Артом. Я должна быть счастлива, но что-то не то. Я смотрю на Арта – нет, он не тот, что прежде: исхудал,

выглядит старше, усталый, немый, с щетиной на щеках. И он вроде бы смотрит на меня, а думает о чем-то другом. Едва-едва прикасается ко мне – эхо прикосновения – руки влажные. Словно мы видимся в последний раз. Не так это должно было быть, никогда у нас так не было, у нас все было идеально, однако то, старое, я не могу теперь вызвать даже в мечтах и снах наяву. Кажется, что та пора моей жизни закончилась давным-давно. Идеал я оставила там, в далеком прошлом.

Я открываю глаза – снова у бабушки в доме. Передо мной купленный в магазине холодный яблочный пирог в фольге, в нем одинокая свечка. Есть та, кем я себя считала, – и теперь я не могу даже представить себе полностью этот идеал, врывается реальность, – и та, кем я стала сейчас на самом деле.

Эта девушка – беглянка (хотя в данный момент она застыла и смотрит на холодный яблочный пирог). Ни бабушка, ни я не притворяемся, будто это может продолжаться долго. Бабушка никогда не отворачивается от реальности, никаких фокусов с зеркалами и дымом. Он печально глядит на меня. Ходить вокруг да около он не станет. Теперь все слишком серьезно. Мы каждый день обсуждаем план, и каждый день план меняется. Я сбежала из дома, сбежала от приставленной ко мне стражницы Мэри Мэй – она служит в Трибунале, и ее работа в том и состоит, чтобы следить за каждым моим шагом, как я соблюдаю правила для Заклейменных. Я ускользнула от радаров. Официально я объявлена в розыск, и чем дольше пробуду здесь, тем больше вероятность, что меня обнаружат.

Две недели назад мама велела мне бежать, у меня до сих пор мурашки бегут по коже, как вспомню ее настойчивый шепот. Глава Трибунала, Боско Креван, ворвался в наш дом и потребовал, чтобы родители выдали меня. Боско – отец моего парня, бывшего парня, мы десять лет прожили по соседству. Месяца не прошло с тех пор, как мы сидели за столом в нашем доме. А теперь мама предпочитает, чтобы я пряталась, лишь бы не попала вновь ему в руки.

Дружба строится всю жизнь – врага можно нажать за секунду.

Только одну важную вещь я прихватила с собой, убегая: записку, что сунула мне моя сестра Джунипер. Записку от Кэррика, он сидел в соседней камере в замке Хайленд, где располагается Трибунал, он присутствовал у меня на суде, пока ждал своего, он видел, как меня клеймили, – все видел, в том числе тайное шестое Клеймо на позвоночнике. Единственный человек, кто в состоянии понять, каково мне сейчас, потому что прошел через все это сам.

Мне ужасно хочется найти Кэррика, но пока не получалось – он сумел

удрать от своего стража, едва его выпустили из замка, и я понимаю, что ему непросто связаться со мной, когда меня ищут. Он успел найти меня перед тем, как я залегла на дно, – спас из мешка в супермаркете, доставил домой (я отключилась, долгожданная наша встреча прошла не совсем так, как я надеялась). Оставил записку и исчез.

Но теперь я не могу связаться с ним. Нельзя было оставаться в городе, меня узнавали в лицо. Я позвонила деду. Я понимала, что к нему на ферму стражи явятся в первую очередь, что мне следует искать другое, более надежное убежище, но по крайней мере на этой земле дед – господин.

Или так мы думали в тот момент. Едва ли он или я догадывались, как упорно стражи будут меня искать. С тех пор как я тут, на ферме, обыски не прекращались. Пока им не удалось обнаружить мое убежище, но они возвращаются снова и снова, скоро удача изменит мне, это я понимаю.

Всякий раз стражи подбираются к убежищу так близко, что я перестаю дышать. Я слышу их шаги, даже дыхание, а я лежу, скорчившись, зажатая, в какой-то щели над их головами или под ногами, иногда в таком очевидном месте, что им в голову не приходит туда посмотреть, иногда в таком опасном, что они не решаются лезть.

Сморгнув, я отгоняю эти мысли.

Смотрю на одинокий огонек, мерцающий на холодном яблочном пироге.

– Загадывай желание, – говорит дедушка.

Я закрываю глаза и думаю изо всех сил. Слишком много желаний, и все они теперь неосуществимы. Но я убеждена: если у человека вообще нет желаний, значит, он либо совершенно счастлив – либо сдался.

Счастливой я себя никак не могу назвать. И сдаваться не собираюсь.

И, хотя я не верю в магию, я считаю, нужно загадывать желания, это символ надежды, жест доверия к собственной воле, указание на цель. Может быть, если сказать вслух, чего ты хочешь, оно станет реальным – наметишь свой путь, легче будет его пройти. Давай, собери в точку позитивные мысли: думай о том, чего хочешь, загадай желание, а потом постарайся его осуществить.

Я задуваю огонек.

Едва я открыла глаза, как в прихожей послышались шаги.

Дахи, верный управляющий деда, появился в дверях кухни:

– Стражи явились. Быстрее!

Дед вскочил из-за стола так проворно, что стул упал на каменный пол. Никто не стал его поднимать. К визиту стражей на этот раз мы оказались не готовы. Накануне они уже обыскали всю ферму вдоль и поперек, казалось, уж сегодня-то нас оставят в покое. И почему на этот раз не выли, как обычно, сирены? От их воя замирает каждая душа в каждом доме; когда они проносятся мимо, счастливчики могут потом рубашки на себе отжимать – какое облегчение!

Не обменявшись ни словом, мы выскользнули из дома. Инстинктивно мы понимали, что прятать меня внутри больше нельзя. Свернули направо, в сторону от подъездной дорожки, обрамленной вишнями в цвету. Я не знала, куда мы бежим, – главное, как можно дальше уйти от главного входа.

На ходу Дахи отрывисто сообщил:

– Арлин увидела их с башни. Позвонила мне. Без сирен. Застали врасплох.

Полуразрушенная нормандская башня служит теперь дозорной вышкой – оттуда дедовы помощники высматривают стражей. С тех пор как я тут, кто-нибудь обязательно дежурит и днем и ночью, работники сменяют друг друга.

– Они точно сюда? – спросил дед, оглядываясь во все стороны, поспешно соображая. Планируя. Но, увы, я почувствовала панику в его жестах. Никогда раньше не замечала у деда страха.

Дахи кивнул.

Я побежала быстрее, чтобы не отстать.

– Куда мы?

Оба молчат. Дед все так же оглядывается, стремительно проносясь по своей земле. Дахи присматривается к деду, пытается разгадать его мысли. При виде их растерянности мне становится очень страшно. Чувствую, как колет под ложечкой, как частит сердце. Мы бежим со всех ног в дальний конец фермы не потому, что у деда есть план, а потому, что плана *нет*. Он пытается выиграть время, что-то придумать.

Сквозь поля, мимо клубничных грядок, где мы только что трудились.

Стражи все ближе. Раньше на обыск приезжала только одна машина, а теперь, кажется, их больше. И шум двигателей громче, видимо, вместо легковых автомобилей прислали минивэны. В легковом два стража, в минивэне – четверо. Сколько машин я слышу? Три? Может быть, двенадцать стражей.

Меня затрясло. Это будет обыск по полной программе, и теперь уж меня найдут непременно: я в ловушке. Втянула в себя побольше свежего воздуха: свобода ускользает от меня. Что они со мной сделают, я не знала,

но не так давно я заработала Клейма, красные буквы «П» выжжены у меня в шести местах. Совсем не хотелось выяснять, на что еще способны стражи.

Дахи глянул на деда:

– В овин?

– Они там пошарят.

Они смотрят куда-то вдаль, словно ждут ответа от самой земли.

От земли.

– Яма! – вырвалось у меня.

Дахи замялся:

– Не думаю, что это ...

– Сойдет! – решительно заявил дед и двинулся к яме.

Сама же я и вспомнила про яму, но при мысли залезть туда меня пробирает дрожь. Голова кружится, я чуть не плачу. Дахи пропустил меня вперед, и я увидела на его лице сочувствие и грусть. Я увидела, что мысленно он уже прощается с мной.

Мы дошли вслед за дедом до росчисти поблизости от леса, в который упираются его земли. Сегодня утром они с Дахи рыли тут яму, а я лежала на земле рядом с ними и лениво вертела в руках одуванчик, смотрела, как медленно облетает на ветру пух.

– Словно могилу роете, – посмеялась я.

И не думала, что мои слова могут обернуться пророчеством.

5

Земляная печь, объяснял дед, – это самое простое и древнее приспособление для готовки. По сути дела – яма в земле, она удерживает тепло, и в ней можно печь, коптить, готовить на пару. Чтобы запечь еду, сначала нужно дать огню прогореть, потом в яму кладут еду и накрывают. Засыпают землей все – картошку, тыквы, мясо, что захочешь, – и на целый день оставляют готовиться. Дед выполняет этот ритуал каждый год вместе со своими работниками, но обычно это делают после сбора урожая, а не в мае. На этот раз он решил устроить праздник для «сплочения команды» – нам всем нужно воспрянуть духом, поверить друг в друга. Все работники деда – Заклейменные, и сейчас, когда то и дело являются с обысками стражи, когда за работниками пристальнее обычного следит Трибунал, он думает, людям нужна моральная поддержка.

Я не знала, что дед берет на работу Заклейменных, не знала, пока не

добралась до его фермы две недели тому назад. Раньше, когда мы приезжали в гости, я не встречала никого из работников, родители никогда о них не упоминали. Может быть, им не велено было показываться на глаза – или они занимались обычными своими делами и оставались для меня невидимками, как большинство Заклейменных, пока я сама не стала одной из них.

Теперь я понимаю, что и это вбивало клин между мамой и дедом: ей не нравилось, что он критикует Трибунал, назначенный правительством высший суд, который выносит людям приговор за поступки, несовместимые с моралью. Тогда нам казалось, что дед тешится теориями заговора, ворчит насчет того, на что, мол, он платит налоги. А он, оказывается, был прав. И еще я вижу, что дед был для мамы чем-то вроде маленькой, но неприятной тайны: она, знаменитая модель, должна была изображать идеал, по крайней мере для всех окружающих, ее успех не допускал ни пятнышка на репутации. А болтливый отец, да еще сторонник Заклейменных, представлял угрозу для ее безупречного имиджа. Теперь я это понимаю.

Некоторые работодатели относятся к Заклейменным словно к рабам. Длинный рабочий день, минимальная зарплата, и считайте, что вам повезло. Иные Заклейменные готовы работать даже за еду и крышу над головой. В большинстве своем это люди образованные, даже известные, и они не преступники, они приняли неверное решение – их поступки общество не одобрило, – и за это они заклеены. И вдобавок организованное публичное поругание. Судьи Трибунала любят называть себя «ревнителями идеала».

Дахи был школьным учителем. Попался – заснят школьной камерой, – когда слишком грубо схватил расшалившегося ученика.

И еще я теперь знаю, что донос в Трибунал – это оружие, которое многие люди пускают в ход, устраняя конкуренцию, расчищая себе дорогу или ради мести. Злоупотребляют системой. Трибунал открыл путь всякого рода оппортунистам и охотникам за головами.

Я нарушила фундаментальное правило: нельзя помогать Заклейменным. За нарушение этого правила обычно полагается тюремный срок, но меня в итоге сочли тоже достойной Клейма. Перед судом Боско пытался мне помочь. Он велел солгать и сказать, что я вовсе не хотела помогать этому старику. Но я так и не сумела солгать, я во всем в итоге призналась. Я заявила суду: Заклейменный – тоже человек, нуждающийся в помощи, имеющий на нее право. Этим я поставила в неловкое положение Кревана, превратила его суд в пародию – так, во всяком случае, он решил.

Поначалу ведь я солгала. Обманывала Трибунал, привлекла к себе внимание, а потом взяла и призналась публично. Пришлось на моем примере проучить всех. Теперь я понимала: Клейма я получила главным образом за то, что пыталась провести Трибунал, за то, что поставила судей в неловкое положение и даже сделала так, что люди могли усомниться в их безупречности.

Могущество Трибунала во многом зависит от СМИ. Они работают рука об руку, Трибунал снабжает СМИ сюжетами, СМИ поддерживает Трибунал и скармливает эти сюжеты публике. Нам твердят: судьи всегда правы, Заклейменные всегда плохи. Суть затуманивается, другую сторону никто не выслушивает, голос разума заглушается сиреной стражей.

Среди прочих запретов в длинном списке есть и такой: Заклейменные не могут занимать никакие начальственные должности на работе или такие, на которых они могли бы влиять на людей. Теоретически им открыты другие вакансии, без подчиненных, но обычно Заклейменных дискриминируют на любой работе. Но дед не из таких работодателей. Он специально подыскивает работников из числа Заклейменных и обращается с ними точно так же, как с другими людьми.

Дахи здесь дольше всех, тридцать лет уже. На виске у него уродливый шрам – память о неправильном решении схватить школьника. Это Клеймо он получил до того, как Трибунал обустроил специальную камеру Клеймения и инструменты стали тоньше и точнее. Но и этот шрам не так страшен, как мое шестое Клеймо на позвоночнике, тайное, которое поставил мне судья Креван собственноручно – не как судья, а по злобе, неумелой рукой, без анестезии. Мерзкий красный рубец.

Дахи снова принял неверное решение – вот прямо сейчас, когда помогает деду меня прятать. Дед может отделаться минимальным сроком в полгода за помощь Заклейменной, но мне страшно даже подумать, какое наказание ждет Заклейменного за помощь собрату. Когда тебе ставят Клеймо, кажется, ничего страшнее уже быть не может – но погоди, Трибунал может взяться за твоих близких и через них причинить тебе еще больше боли.

Мы остановились и заглянули в прямоугольную яму. Слышно было, как хлопают двери, множество дверей, мне представилось, как носятся по дому и пристройкам стражи в красной униформе и черных сапогах. Минута-другая, и они будут здесь. Я залезла в яму.

– Засыпайте! – велела я.

Дед замер, но Дахи взялся за простыню, подтащил ее.

Дед погубит меня своими сомнениями.

Все, простыня уже лежит на мне, теперь сверху сыплют дерево и мох, который я нарвала утром в лесу. Мало того что я вырыла себе могилу: я и о гробе позаботилась.

Шаги все ближе.

– Нужно срочно связаться с Кэрриком, – негромко говорит дед, и я молча соглашаюсь с ним.

Слышно, как чавкают подошвы сапог.

– Корнелиус! – произносит где-то рядом Мэри Мэй.

Сердце в горле. Все в ней меня пугает: бессердечная женщина сдала Трибуналу всю свою семью, разоблачила неэтичные практики в семейном бизнесе – отомстила за то, что сестра увела у нее парня. Она всякий раз участвовала в обыске фермы, но сегодня привела с собой, кажется, целую армию. Двенадцать человек по меньшей мере.

– Мэри Мэй, – бурчит в ответ дедушка. – Что, у сирен аккумуляторы сели?

Очередная хворостина падает на меня – с силой. Специально бросили, чтобы отвести подозрение. Прямо на брюхо, я чуть не взвыла.

Мэри Мэй не склонна шутить, болтать и даже пререкаться.

– Это что? – спросила она.

– Земляная печь, – ответил дед.

Оба стоят надо мной, слева от ямы. С другой стороны сыплются новые поленья, значит, Дахи пока еще тоже здесь.

– То есть?

– Вы не знаете, что такое земляная печь? Я-то думал, деревенская девочка с золотых лугов должна все про это знать.

– Нет, не знаю, – режет она слова. Недовольна, что деду известно ее прошлое. А дед это с радостью продельывает, дразнит ее, показывает, что она тоже у всех на виду. Легко так, весело, но в подтексте есть и угроза.

– Ну, я копаю яму, кладу на дно брезент, сверху дрова. Поджигаю. Когда прогорит до углей, кладу туда продукты и засыпаю землей. За сутки еда приготовится в той самой земле, из которой она выросла. Нет ничего вкуснее, никакая другая еда не сравнится. Меня научил отец, а его – дед.

– Интересное совпадение, – говорит Мэри Мэй. – Выкопали яму как раз перед тем, как мы приехали. Может, вы там что-то прячете?

– Тоже мне совпадение! Я вас сегодня и не ждал. А праздник мы устраиваем каждый год, любого работника спросите. Верно, Дахи?

Снова дрова и мох сыплются на меня. Ох!

– Верно, хозяин, – подтверждает Дахи.

– Думаете, я поверю Заклейменному?

Ее голос полон отвращения от одной мысли, что придется заговорить с таким. Затяжное молчание. Я стараюсь дышать. Брезент не натягивали плотно, воздух из щелей поступает, но недостаточно. Идиотская была мысль спрятаться тут – моя идиотская мысль. Теперь-то я жалею, что такое придумала. Могла удрать в лес – глядишь, Мэри Мэй заблудилась бы там, и мы бы до конца жизни играли там в прятки.

Мэри Мэй медленно обходит яму. Видит ли она очертания моего тела? Или не видит? Сейчас велит сбросить все эти дрова и мох и обнаружит меня. Дышать, дышать, слишком уже много навалили дров, хоть бы остановились.

- Дрова на растопку, значит? – уточнила она.
- Да, – подтвердил дед.
- Поджигайте, – приказала она.

6

- Что? – переспросил дед.
- Вы меня слышали.

Я накрыта белым брезентом. На нем – дрова и мох. Вдруг вся куча сдвинулась, лист брезента, который был слегка отвернут, оставляя меня щелку для воздуха, плотно прилип к телу. Я попыталась его раздвинуть, но не хватило сил. А Мэри Мэй еще и поджечь хочет. Догадалась, что я здесь. Угодила я, словно мышь в мышеловку.

Дед попытался ее отговорить. Рано еще поджигать, продукты не готовы, сначала нужно их завернуть. На это понадобится время. Ничего, говорит она, времени у нее сколько угодно. Пусть дед готовит еду, распорядилась она, однако ее вовсе не еда интересует: она твердо решила меня подпалить. Велела деду заняться костром. Она его не спрашивает – она приказывает. Ей известно, что угощаться тут некому, кроме кучки Заклейменных, а с их планами она считаться не должна.

Это произойдет прямо *сейчас*.

Теперь дрова падают мне на ноги. Дедушка тянет время, болтает, дурачится, разыгрывает из себя вздорного старика.

- Туда еще, – велит Мэри Мэй.

Прямо на грудь.

Не могу дышать. Не могу дышать! Я прикрыла глаза и попыталась в воображении перенестись вновь на яхту. Мой день рождения, шоколадное фондю, музыка, бриз, та, какой я должна была стать, не та, которой я стала.

Перенестись мыслями подальше отсюда – но исчезнуть не удастся. Я здесь и теперь. Сверху навалены дрова, кончается воздух.

Мэри Мэй торопит. Если меня поймают, то и деда накажут. Я делаю медленные глубокие вздохи, чтобы не пошевелить брезент и дрова.

– У меня есть зажигалка, – говорит Мэри Мэй.

Дедушка смеется. Громко, от души хохочет.

– Нет, это не годится. Инструменты у меня в сарае. Оставайтесь тут с Дахи, я скоро вернусь.

Он специально так говорит. Как будто притворяется, как будто врет. Умный у меня дедушка. Она подумала, он что-то пытается от нее скрыть, там в сарае есть что-то или кто-то, чего она не должна видеть. Уж очень он настаивает, чтобы она оставалась пока с Дахи, и конечно же Мэри Мэй забывает на время о яме, настаивает: нет, она тоже пойдет в сарай. Сейчас она уйдет, а Дахи поможет мне выбраться, скинет часть дров.

Но нет, она зовет стражей и отправляет их с Дахи собрать всех Заклейменных сюда, к яме.

Ей непременно надо сжечь меня у всех на глазах.

7

Как только их шаги замерли вдали и голоса затихли, я попыталась вынырнуть и глотнуть воздуха. Страшась, что это был лишь трюк и Мэри Мэй так и стоит у ямы и с ней еще куча стражей, я кое-как вывернувшись из-под брезента и дров. Оказалось труднее, чем я думала: тяжелая куча, щедро дедушка навалил.

Я уже не беспокоилась насчет ловушки, главное – не задохнуться, я отчаянно забрыкалась, дрова полетели во все стороны. А теперь еще руками – пусть деревяшки летят вверх и в стороны. Иногда они падали мне на ноги, больно! Я сорвала с лица брезент, воздух коснулся лица, я жадно принялась его глотать. Вылезла из могилы и опрометью кинулась в лес. Там, на краю усадьбы, на границе с сулящей безопасностью темнотой, я оглянулась: я оставила после себя дикий беспорядок. Сразу станет очевидно, что дед укрывал меня и увел Мэри Мэй, чтобы дать мне сбежать. За мою небрежность накажут его. И они поймут, где я пряталась, и быстро отыщут меня. Невозможно спрятаться в лесу от десятка стражей.

В отдалении слышались голоса деда и Мэри Мэй, они возвращались от сарая. Дед говорил громко, наверное, специально, чтобы предупредить меня. Один взгляд на яму – один взгляд на лес, где можно было бы

спастись. Выбора нет.

Бегом обратно к яме, уложила на место брезент, дрова и мох – как могла аккуратнее, – слышала их шаги, все ближе и ближе. Сердце билось отчаянно, вена пульсировала в шее и в голове. Мне казалось, мои движения замедленны, как в страшном сне, вот если бы проснуться! Но это не сон, все происходит на самом деле. Мелькнуло красное – форма Мэри Мэй, – и снова я бросилась бежать. Только успела укрыться за первым же деревом на краю леса, как они оба вышли к яме. Конечно же они заметили меня. В ужасе я прижалась всем телом к стволу, сердце грохотало, вздымалась грудь.

– Не понимаю, почему нельзя было просто воспользоваться зажигалкой, – ворчала Мэри Мэй. Недовольна, что в сарае меня не оказалось.

Дед рассмеялся, издевкой стараясь еще больше ее разозлить:

– Нет-нет. Все должно быть аутентично. Это древняя традиция, ей тысячи лет. Если уж вы заставляете меня сделать это раньше, чем я планировал, по крайней мере разжигать печь я буду как полагается.

Голос его звучит сурово и непреклонно, а я-то знаю, что все это неправда. Хотя он действительно предпочитает подлинные вещи, но дрова вполне мог разжечь спичками или даже зажигалкой. Он увел Мэри Мэй в сарай, чтобы я могла убежать.

Он принимается высекать искру кремнем и ножом. Я тысячу раз видела, как дедушка это делает, он за секунду может разжечь костер, но сейчас он все время промахивается, изображает неуклюжего старика. Тянет время – то ли знает, что я убежала, и хочет, чтобы я успела лучше спрятаться, то ли боится, что я так и лежу под этой грудой дров, и не решается поджечь. Крикнуть бы ему, что все в порядке, меня в той яме нет, но крикнуть нельзя, приходится слушать, как он возится с кремнем. Издали мне удалось разглядеть его лицо: он явно уже не так уверен в себе, как раньше.

– Ну что, Корнелиус? – подначивает Мэри Мэй. – Боитесь поджечь?

Дедушка растерян. В смятении. Ему плохо.

Вернулся Дахи и с ним еще стражи. Не такой уж большой отряд – всего двое мужчин и одна женщина, привели с собой восемь работников – Заклейменных. Работники выглядят испуганными, похоже, Дахи объяснил им, что сейчас произойдет.

– Его бумаги в порядке, и у остальных тоже, – доложила Мэри Мэй женщина-страж.

– Да, со вчерашнего дня, когда вы их проверяли, ничего не

изменилось, – съехидничал дед. – И когда вы проверяли их два дня назад, и четыре дня назад, и семь дней назад. Знаете, я мог бы пожаловаться в полицию – вы меня запугиваете.

– А мы могли бы арестовать вас за помощь Заклейменным, – возразил страж.

– На каком основании? – спросил дед.

– Хотя бы на том, что вы берете на работу только Заклейменных. Еще и селите их у себя.

– Это вполне законно.

– Вы выходите за рамки законного. Обычно Заклейменным платят по минимуму, а ваши работники получают гораздо больше. Иногда даже больше, чем стражи.

– Что скажете? – подхватил страж, а Мэри Мэй пока что молчала. – Хорошо устроились у старика? Думаете обойти нас?

Дахи хватает ума промолчать.

– Я за ними слежу, – вмешивается Дэн, страж, присматривающий за работниками деда. Это его ответственность: говоря, что работникам тут потакают, коллега бросает тень на него.

– Зажигай, – говорит Мэри Мэй, кладя конец спору.

Огонь наконец вспыхнул. У костра собралось столько стражей, что я боюсь перемещаться, как бы меня не заметили. Под ногами в лесу ветки, сучья, листья, любой звук может выдать.

Дед подпалил мох, и я со страхом подумала, что он не справится, откажется продолжать игру, и тогда меня быстро отыщут. *Верь в меня, дед: я твоя, плоть от плоти, – уж я-то, поверь, сумела уйти.*

– Что ты здесь прячешь, старик? Селестину? Она тут, под дровами? Не переживай, мы ее выкурим, – насмеялась Мэри Мэй.

– Я же сказал, ее тут нет, – резко ответил дед.

Мох быстро вспыхнул, огонь побежал по веткам, по поленьям. Дахи глядел на деда, повесив голову, дед и стражи следили, как распространяется огонь, ждали моих воплей. Я смотрела на них из лесу, понимая: они думают, я там, вон какие злорадные и подлые у стражей морды. И я преисполнилась такой ненависти к ним, что если и думала раньше сдаться, добровольно лишиться свободы, то теперь все! Я не сдамся, не допущу, чтобы победа осталась за ними.

– Что теперь? – разочарованно спросил страж: цирк не состоялся.

– Ну ... – Дед прокашлялся, стараясь держаться как можно спокойнее, хотя я видела, как ему плохо: он не знал, подпалил он родную внучку или все же нет. А вдруг я вырубилась от нехватки воздуха и так и лежу там?

Огонь расползался.

– Ждем, пока прогорит до углей, потом кладем еду и засыпаем землей.

– Так и сделай.

Дед глянул на Мэри Мэй с ненавистью – он растерян, постарел на глазах, утратил надежду.

– Пройдет несколько часов, прежде чем прогорит до углей.

– Времени у нас достаточно, – возразила она.

8

Они торчат здесь уже три часа.

У меня затекли мышцы, ноют стопы, но я боюсь пошевелиться.

Когда костер прогорел до углей, дед и Дахи принесли продукты, разложили в яме. Работники, выстроенные аккуратно в ряд, смотрят на все это, у каждого повязка с буквой «П» на правой руке чуть выше локтя.

Еда из земляной печи – праздник, мы хотели собраться все вместе, доказать себе, что Трибунал не возьмет над нами верх. А теперь на ферме кишат стражи. Я прячусь за деревом, съежилась на земле, обхватила руками ноги, трясусь от лесной сырости и вовсе не чувствую себя победительницей. Наоборот, мне кажется, что поражение близко.

Дед и Дахи засыпали еду землей, пусть печется под слоем почвы в самом жару. Закончив, дед снова стоит на краю ямы и смотрит в нее так, словно заживо меня там похоронил. И вновь меня обуяло желание крикнуть ему: я жива, я успела удрать – но нельзя.

Зазвонил телефон, женщина-страж ответила. Отошла в сторону, подальше от коллег, чтобы поговорить без посторонних ушей. Вот она уже входит в лес возле меня. Я вся сжалась.

– Да, судья Крewan. Это Кейт. Нет, судья, Селестины здесь нет. Мы все проверили.

В молчании она выслушивает инструкции, голос Крewan из трубки доносится до меня даже там, где я прячусь.

Кейт продолжает шагать и останавливается возле моего дерева.

Я вжимаюсь в ствол, закрываю глаза, перестаю дышать.

– Прошу прощения, судья, но мы на ферме уже в шестой раз и, мне кажется, Мэри Мэй ищет ее со всей тщательностью. Мы заглянули в каждую щель. Думаю, ее здесь нет. Видимо, ее дед говорит правду.

Я слышу разочарование в ее голосе. На всех давят, требуют найти меня, судья Крewan с них не слезает. Кейт сделала еще несколько шагов и

оказалась прямо передо мной.

Она озирается неторопливо, взгляд ее направлен в глубь леса.

А потом она посмотрела на меня в упор.

9

Я думала, сейчас она сообщит Кревану о находке, позовет стражей, подует в большой красный свисток, что свисает с ее шеи на золотой цепочке, но женщина совершенно спокойна, интонации ее не изменились. Она смотрит сквозь меня, будто не видит. Что это значит? Или я так долго пряталась, что сделалась невидимой? Я невольно глянула вниз, на руки, проверяя, вижу ли я сама себя.

– Вы хотите, чтобы мы доставили ее деда в Хайленд-касл? – произнесла Кейт, оглядывая меня с ног до головы и продолжая разговор, словно меня тут не было. Почему она не сказала, что уже нашла меня?

При известии, что деда повезут в замок, к тому человеку, кто собственноручно заклеил меня, уничтожил, меня охватила паника. И тут же окатило гневом. Как они смеют – дедушку!

– Выезжаем, – сказала Кейт, не сводя с меня глаз, а я все ждала взрыва, ждала, как она скажет Мэри Мэй и судье Кревану, что вот же она я, перед ней. – Через два часа прибудем.

Я готова была заорать на нее, ударить, пнуть ногой, вопить, что она никого не заберет, ни меня, ни деда, но я сдержалась: очень уж странно она смотрела на меня.

Кейт сунула телефон в карман, долго, внимательно смотрела на меня, словно прикидывала, что сказать, потом передумала, повернулась и ушла.

– Так, старик! – крикнула она деду. – Забираем вас с собой. Судья Креван хочет с вами поговорить.

Но и после того как грохот их машин затих вдали, я оставалась там, где была, вжималась в сырой и кривой прогнивший ствол, пытаюсь понять, что это было.

Почему она не схватила меня?

10

Прошел час с той минуты, как Мэри Мэй уехала и увезла с собой дедулю, словно какого-то злодея. А я все прячусь за деревом, измученная,

голодная, замерзшая, напуганная до смерти. От ямы поднимался дым, там, под землей, готовилось угощение, которое, вероятно, никто теперь не будет есть, раз дедушку увезли. Я чувствовала себя страшно виноватой из-за того, что его подставила, и с ужасом думала о том, как с ним обойдутся в замке Хайленд.

А еще меня страшила мысль о его переживаниях. Не думает ли он, что я была там, что он сжег меня заживо? Найти бы способ сообщить ему, что я успела спастись.

Когда стражи уехали, я поначалу не решалась тронуться с места, думала, вдруг это проверка, ловушка, стоит мне выйти из лесу, и меня зацапают. Потом я еще подождала, думая, не придут ли за мной работники, но они не пришли, их уже запер по домам страж Дэн: 11 часов вечера, наступил комендантский час, когда бдительность усиливается и Заклейменным не разрешено появляться за пределами их жилья. Не самый подходящий момент и для меня рыскать в ночи, но хотя бы тьма прикроет меня. Я подумала: возвращаться в дом – самоубийство, хотя там тепло и свет так приветно горит на крыльце.

Может быть, я сумею добраться до соседей. Но могу ли я довериться им? Что дед мне говорил? Первое правило: *не доверяй никому*.

Вдруг послышался шум колес. Хлопнула дверца. Еще две. Они вернулись. Какая же я дура! Почему до сих пор не убежала? Дождалась, чтобы они вернулись и схватили меня!

Шаги поблизости. Мужские голоса, незнакомые, а потом тот, который я сразу узнала.

– Вот яма, – говорит Дахи. – Она была тут.

Можно ли доверять Дахи? Или это он и вызвал стражей? Выдал меня, или его заставили помогать очередной команде стражей? Я не знаю уже, кому верить. Мне холодно, мне страшно, мне остается либо выскочить и крикнуть «Помогите» – и тем самым испортить все, лишиться последнего шанса, – либо сидеть тихо. Сидеть тихо. Сидеть тихо.

– Должно быть, она убежала в лес, – другой мужской голос.

Луч фонаря мечется передо мной, освещая лес, кажется, на сотни миль вокруг. Высокие толстые стволы проступают со всех сторон. Даже если я сейчас брошусь бежать и стражи ничего не заметят, я тут же заблужусь.

Все пропало, Селестина, все пропало.

И хотя я твержу себе «Все пропало», я не сдаюсь: я вижу перед собой лицо Кревана, как он орал на меня в камере Клеймения, требуя, чтобы я покалась, я вижу распластанную на стеклянной перегородке ладонь Кэррика – он видит, что со мной делают, он обещает мне свою дружбу. Гнев

палил меня. Рядом слышались шаги, и я развернулась из скорченного своего положения, вытянула руки, ноги и на раз-два выскочила из дупла, катапультировалась в лес, распугав всю живность вокруг, понеслась на отсиженных, нестигающихся ногах.

Тут же рванули за мной и мужчины.

– Вот!

Луч фонаря мечется, отыскивая меня, – я уклоняюсь и сама использую этот свет, он помогает разглядеть дорогу впереди, разминуться с длинными, тонкими сосновыми уголками, я петляю, ныряю, слышу, как настигает погоня.

– Селестина! – сердито шипит голос за спиной, все ближе. Я знай бегу. Ударилась головой о низко растущую ветку, на миг закружилась голова, но некогда останавливаться, приходить в себя. Догоняют, их трое – три луча фонарей мечутся неистово на бегу.

– Селестина! – громче зовет один, но второй цыкает на него.

Почему они боятся шуметь? Голова плывет, кажется, ветка рассекла кожу, знаю одно: бежать, бежать не останавливаясь. Так мама велела. Дедушка сказал, не доверять никому. Папа сказал, слушаться дедушку. Бежать не останавливаясь.

Фонари внезапно отключаются, теперь я бегу в кромешной тьме. Замираю, не слышу ничего, кроме собственного громкого дыхания. Уже не знаю, куда – вперед, а куда – назад, сбилась в густом лесу. Вновь меня охватывает паника, но мне удастся взять себя в руки. Закрываю глаза, пусть меня окутает покой. Я справлюсь. Оборачиваюсь, пытаюсь различить вдали свет дедушкиного дома или какие-то другие приметы. И тут ветка громко трещит под ногой.

Тут же сильные руки хватают меня, пахнет потом.

– Поймал! – Мужской голос.

Я пытаюсь вырваться, но тщетно – тело зажато. Но все же пытаюсь, извиваюсь как могу, вдруг этот гад устанет меня держать. Бью его, царапаю, пинаюсь.

Включается фонарь, свет бьет прямо в лицо. Мы оба, этот мужчина и я, отворачиваемся от белого луча.

– Отпусти ее, Леннокс, – велит тот, с фонарем, и я тут же прекращаю борьбу.

Руки, державшие меня, разжимаются, фонарь переходит к Дахи, и он поднимает фонарь, освещая командира.

Командир улыбается.

Это Кэррик.

Меня так и распирает от волнения, когда я по пятам за Дахи возвращаюсь на ферму. Кэррик и его друг Леннокс идут сзади. Мне все хочется обернуться и посмотреть на Кэррика, но при Ленноксе не могу. Я уже два раза оборачивалась, и он оба раза это подмечал. Все вместе – и нервы, и радость, и почему-то голова идет кругом от встречи с Кэрриком. Наконец-то хоть что-то вышло по-моему. Сбылось загаданное на день рождения желание.

Я прикусываю губу, чтобы сдержать улыбку, пока мы шагаем гуськом на ферму, – чего уж тут улыбаться, они не поймут, как я счастлива, а положение у нас не из легких.

– О дедушке что-нибудь слышно? – негромко спросила я Дахи.

– Нет, – ответил он, обернувшись на миг, я успела заметить тревогу у него на лице. – Но Дэн старается разузнать.

Я не готова доверять Дэну, стражу, отвечающему за дедушкиных работников. Его соглашение с дедом – не давить на работников – основывалось не на человеческой порядочности, а на пристрастии к выпивке, которое дед утолял домашним самогоном.

– Ты мне сообщишь, как только что-то узнаешь? – попросила я Дахи.

– Тебе первой, – пообещал он.

– И сумеешь передать деду, что я в безопасности?

Дэн не знал, что я прячусь на ферме, – не настолько уж надежны были его отношения с дедом, – так что и передать весточку от меня через него нельзя. Может быть, стражница Кейт успокоила деда, но я не могла полагаться на служительницу Трибунала, пусть даже она почему-то позволила мне уйти. Я ухватила Дахи за руку, прося остановиться, вцепилась в повязку Заклейменного повыше локтя. Позади меня остановились Леннокс и Кэррик.

– Дахи, свяжись с моей семьей! Скажи им, что деда увезли в замок. И что со мной все в порядке.

– Они уже знают, что он в замке, но говорить о тебе по телефону слишком рискованно, Селестина. Трибунал может прослушивать линию.

Нельзя сказать, чтобы служители Трибунала так уж изощрались в шпионаже, но если мы с Джунипер в детстве придумали, как подслушивать телефонные разговоры соседей с помощью детского монитора, а журналисты умеют устанавливать жучки на телефоны, то и Трибунал справится.

– Найди способ. И придумай, как дедушке тоже передать, что я спаслась.

– Селестина ...

– Нет, Дахи, послушай! – Я заговорила погромче, и сама услышала, как дрожит мой голос. – Нельзя допустить, чтобы дедушка сидел в камере, или куда они его засунули, и думал, что сжег внучку заживо. – Голос изменяет мне. – Ты должен как-то ему сообщить.

Дахи наконец понял, что со мной, и смягчился:

– Конечно. Я найду способ и дам ему знать.

Я отпустила его руку.

– Он выдержит, Селестина, ты же знаешь, он крепкий, – добавил Дахи. – Они и сами поспешат от него избавиться, не то он заговорит их до смерти со своими теориями заговора.

Я слабо улыбнулась над его шуткой и кивнула, благодаря. Постаралась подавить подступающие слезы, не перебирать страшные картины, которые мой разум с готовностью подсовывал мне: вот дед идет по мощеному двору Хайленд-касла и все на него смотрят и выкрикивают ругательства, словно он грязь у них под ногами, плюют в него, бросают гнилыми помидорами, а он вопреки всему пытается высоко держать голову. Дед в камере. Дед отвечает Кревану перед Трибуналом. Дед в камере Клеймения. Дед проходит через все, через что пришлось пройти мне. Когда это с тобой, еще можно терпеть, но, когда страдают те, кого ты любишь, как это выдержать?

То, что сделал со мной Креван, – это исключение, во всяком случае, так я думала: он заклеил меня, потеряв голову, утратив контроль над собой. Я уговариваю себя, что с дедом он не обойдется так, как обошелся со мной.

Мы подошли к джипу, который Леннокс и Кэррик припарковали возле дома. Поговорить с Кэрриком, как и что с нами было, времени не хватило: мужчины спешили укрыться в безопасном месте. Комендантский час уже наступил, нам, Заклейменным, не полагалось оставаться на улице. Да еще трое из нас – нарушители, ушедшие из-под контроля Трибунала.

Мне велели быстро захватить из дома вещи, те немногие одежды, что дедушка решил взять у мамы, когда недавно ездил к ней – самый длинный день в моей жизни, он уехал, а я пряталась на ферме. Вещей мало, все влезло в небольшой рюкзак, и едва ли мне нужно больше, хотя невольно я вспоминала свой прежний гардероб, оставшийся дома, где каждая одежда так много для меня значила, каждая была частью меня, способом самовыражения. Теперь я всего этого лишилась, и для самовыражения, чтобы показать, кто я на самом деле, остались только мои

слова и поступки.

Мы попрощались с Дахи, он пожелал нам удачи, а я еще раз настойчиво попросила как можно скорее сообщить обо мне дедушке и мне о дедушке – тоже.

Кэррик распахнул передо мной дверцу автомобиля. Мы встретились взглядами, сердце так и подскочило.

– Надо этим заняться, – сказал он, присматриваясь к ссадине на лбу от той ветки, на которую я налетела за несколько минут до того. Тогда я не почувствовала боли, все заглушал адреналин, но теперь стало пощипывать на ветру. Кэррик изучал мой пораненный лоб, я пока могла присмотреться к его лицу. Никогда еще мы не стояли так близко друг к другу и чтобы при этом я была в сознании – то нас разделяло стекло, то я в супермаркете отключилась. Мне кажется, будто я очень хорошо его знаю, а ведь мы совершенно чужие люди.

Так и не придя толком в себя, я полезла в джип и врезалась башкой в раму двери.

– Все о’кей, – пробормотала я (хорошо в темной машине не видно, как я краснею).

Кэррик сидел за рулем, я сзади, мы часто встречались взглядами в зеркале. Леннокс сидел возле Кэррика, такой же, как он, крупный, накачанный – оба похожи на бойцов.

– Куда мы едем? – спросила я наконец.

Мы снова встретились глазами в зеркале, и снова это странное чувство.

– Домой.

«Домой» мы ехали проселочными дорогами, подальше от городов и шоссе. Но и там все столбы и рекламные щиты были обклеены предвыборной рекламой. Вот Эния Слипвелл, лидер партии Жизни, – она была у меня на суде. Тогда я не знала этого, но она пыталась меня поддержать. Я даже не знала, кто она такая, пока журналистка Пиа Ванг не стала расспрашивать меня о ней. Эния Слипвелл недавно возглавила партию Жизни, и один из основных пунктов в ее повестке – права Заклейменных. Тема для политика рискованная: Трибунал действует заодно с правительством. И все же, хотя она занимается такой непростой темой, ее популярность с каждым днем растет.

На плакате под портретом Эниа – короткая стрижка, уверенная улыбка – лозунг: «ЛОГИКА И СОСТРАДАНИЕ». Эти слова я произнесла на суде, объясняя, что подвигло меня помочь старику в автобусе. Зачем я это сделала? Они все время спрашивали меня об этом, растерянные, недоумевающие. Поверить не могли, это же немыслимо – чтобы кто-то вздумал помогать Заклейменному, человеку второго сорта.

Я помогла ему, потому что этого требовали сострадание и логика. Мне стало его жаль, и помочь казалось разумным. Эти слова сами собой пришли ко мне во время суда, я не придумывала специально. Единственное, что я обдумывала заранее, – ложь, которую сочинил для меня Креван. И так странно было теперь видеть эти слова крупными, дерзкими буквами на всех плакатах, словно их похитили у меня и они теперь служат чужим целям.

Тысячу вопросов хотелось мне задать Кэррику и Ленноксу, но я понимала, что сейчас не время. В машине ощущалось напряжение, даже между парнями, когда они спорили, куда свернуть. Стражей повсюду стало больше. Судья Креван отчаянно спешит поймать меня: нельзя же допустить, чтобы самый Заклейменный человек за всю историю Трибунала просто так исчез. Креван обыскивает уже и частные дома, и общественные места, он рассчитывает, что никто не станет меня прятать, если это будет рассматриваться как помощь Заклейменному (и соседей побоятся). Более того, Креван распорядился даже задерживать автобусы для Заклейменных – это специальные автобусы, которые развозят Заклейменных по домам в конце дня, из-за таких задержек люди не успевают вернуться до комендантского часа, и за это их тоже наказывают. В такую игру Креван играет со мной: *буду мучить невиновных, пока ты сама не выйдешь из укрытия.*

В городе начались волнения. Трибунал заявил, будто это случайные вспышки недовольства среди Заклейменных, но дед считал, что Трибунал достал уже не только Заклейменных. Он утверждал, что обычным людям тоже не нравятся эти правила, душащие Заклейменных, и люди заговорили. Теперь я вижу, что в дедушкиных рассуждениях, казавшихся мне вздором, очень даже был смысл. Какие бы резоны ни предъявлял Трибунал общественности, я-то знаю, что единственная причина, по которой Креван закручивает гайки, – ему нужно во что бы то ни стало поймать меня.

Порой я готова была сдаться сама ради спасения таких же Заклейменных, но дедушка мне запретил: сказал, что я смогу больше сделать для них, если останусь на свободе, и что люди это поймут. Терпение, сказал он.

Впереди показался пропускной пункт со стражами – мы резко свернули влево, за ряд магазинов, с трудом втиснулись в проулок с помойными контейнерами и там остановились. Мальчики развернули карту, искали другой маршрут. И так несколько раз по дороге. Если в тот момент, когда я увидела Кэррика, мне показалось, будто все беды позади, то теперь я снова вспомнила, что безопасности для нас нет. А ведь не так давно я жила себе, не оглядываясь через плечо. То время уже не вернуть.

На лбу у Кэррика блестели капли пота. Сидя у него за спиной, я внимательно изучала и его затылок, и лицо в зеркале. Черные волосы коротко подбриты, шея, плечи, спина – широкие, мускулистые, крепкие. Я прозвала его Солдатом, когда еще не знала настоящего имени. Четкие, жесткие линии скул и подбородка. Глаза – я никак не пойму, какого они цвета, – в зеркале кажутся черными. Я всматриваюсь – взгляд у него всегда сосредоточенный, напряженный, Кэррик вникает в ситуацию, быстро соображает, ищет новые пути. Он перехватывает мой взгляд, и я, смутившись, отворачиваюсь, когда же решаюсь вновь поглядеть, то ловлю на себе его взгляд.

– Дом, милый дом, – произносит наконец Леннокс. Оба заметно расслабились: добрались. Но я, глянув в окно, скорее напугалась. Не таким я представляла себе «дом». Не об этом мечтала.

Мы заехали на участок, огороженный забором высотой шесть метров, с колючей проволокой поверху. Больше похоже на тюрьму. Кэррик оглянулся, проверяя мою реакцию, черные глаза смотрят пристально.

Я нарушила главное дедово правило. Он ведь говорил: никому не доверяй.

И я впервые усомнилась в Кэррике.

Прожектора шарят по небу. Такие яркие, мешают разглядеть хоть что-то за окном машины. Мужчина с автоматом движется к нам, кажется, он зол.

– О-о-о, – бормочет Леннокс. Бросает мне одеяло – ляг, прижмись к сиденью, накройся. Я поспешно выполняю его команду.

Кэррик опускает стекло:

– Добрый вечер, шеф.

– Добрый вечер? – сплевывает тот. – Полночь. О чем вы только думали? Повсюду шуруют стражи, мои ребята, конечно, надежны, но и они

начнут задавать вопросы, если по ночам будут эти поездки туда-сюда. Вы хоть понимаете, как подставите всех, если попадетесь в такой час?

– Не попались же, – возражает Леннокс. – Не злись, Эдди. Сам понимаешь, мы бы не поехали, если б не крайняя нужда.

Эдди негромко выругался:

– Работники вы хорошие, но могу обойтись и без вас. Замену искать недолго.

– Конечно, мы, Заклейменные, должны с благодарностью принимать все, – насмешливо ответил Леннокс.

– Лен! – остановил его Кэррик. И, обращаясь к Эдди: – Это не повторится. А если бы с нами что-то случилось по дороге, нас бы никак не связали с этим местом. Мы же оба дали слово молчать.

– Честное слово скаута! – подхватил Леннокс. – Ну что,пустишь нас? Может, вы тут не знаете, но вообще-то стражи шуруют повсюду, опасно оставаться за воротами.

Повисло молчание, Эдди что-то прикидывал, я вновь ощутила, как сгущается угроза. Если не впустит, мы и ночи не продержимся снаружи, трое Заклейменных, трое беглецов. Заклейменным вообще не разрешается путешествовать вместе более чем вдвоем, вообще собираться вместе, да еще наступил комендантский час, да еще мы все известные нарушители.

– Ладно. И не воображайте, будто я не заметил тело под одеялом. Надеюсь, оно хотя бы живое. Не знаю, что вы затеяли, но у меня тут не лагерь беженцев: если вы кого-то еще притащили, пусть работает, как все.

– Лучше всех, – ответил Кэррик, и я улыбнулась под одеялом.

– Что за место? – спросила я, когда мы въехали в ворота и мне разрешили откинуть одеяло. Я смотрела в окно, до боли напрягала шею, пытаюсь разглядеть верхние этажи этого строения, смахивающего на атомную электростанцию.

– Это SCU, а рядом – CDU. Два филиала одной компании.

– И чем они занимаются? – уточнила я, когда Леннокс выпрыгнул из джипа, не дожидаясь остановки, и растворился в сумраке. Кэррик аккуратно запарковал машину.

– Утилизацией углерода и углекислого газа, – ответил он.

Я продолжала вопросительно смотреть на него.

– Ты же юный гений, – поддразнил он.

– Только в математике, а не во всем на свете.

– Пошли покажу тебе.

Он распахнул передо мной дверцу, и что-то в его манере напомнило мне, что он вырос в интернате для детей Заклейменных родителей.

Трибунал отбирает их, чтобы воспитанием уравновесить воздействие плохой генетики, в этих специализированных школах детям полностью перенастраивают мозги. Кэррика забрали у родителей, когда ему было пять лет, он воспитывался в государственной школе с самым лучшим оборудованием, учителями, высочайшими, как они хвалятся, требованиями: Трибунал, слившийся с государством, растит идеальных граждан, но, едва достигнув совершеннолетия, Кэррик все это отверг, совершил тот единственный поступок, который детям Заклейменных строго-настрого запрещен: отправился на поиски родителей. Ему поставили Клеймо на груди за измену обществу, его идеалам.

Ему всего восемнадцать, он замечательный, и в этом была его единственная вина: парень хотел знать своих родителей. Вот он ведет меня по заводской территории, показывает и объясняет, открывает двери карточкой.

Сбоку стояло с десятков металлических контейнеров, словно приземлившиеся бок о бок ракеты, что-то похожее можно увидеть в пивоварне или скорее на базе НАСА: вот-вот взлетят.

– Как ты знаешь, углекислого газа сейчас производится гораздо больше, чем поглощается. Таких цифр не было за последние восемьсот тысяч лет. В основном этот газ происходит от нефти и угля, ископаемых видов топлива, которые миллионы лет накапливались в земле. Эти отходы загрязняют атмосферу, и такие заводы создаются для того, чтобы улавливать углекислый газ и тоже использовать как ресурс. Из углекислого газа и из углерода можно производить новые продукты.

– Каким образом?

– Углекислый газ собирается на электростанциях, на металлургических и цементных заводах или же улавливается из воздуха. Потом из него извлекают углерод, сырой материал для новой продукции – экологического топлива, метанола, пластика, лекарств, стройматериалов.

– Принадлежит государству? – уточнила я, все еще удивляясь, зачем он притащил нас сюда: как мы можем чувствовать себя в безопасности на государственном заводе, среди тех самых людей, от которых пытаемся убежать?

– Частный. Это первый такой завод, пока идут опыты, испытания, до выхода на рынок еще далеко. Стражи не могут являться сюда врасплох с обысками, они должны предупреждать как минимум за сутки.

– Поэтому ты и обосновался тут?

– Я ничего не решал: я пришел сюда вслед за другими.

– За кем?

– Потом я вас познакомлю. Сначала все покажу. Здесь четыре корпуса. Вот этот – восстановительный. – Кэррик коснулся карточкой панели, и красный огонек сменился зеленым.

Он открыл дверь и пропустил меня вперед. Изнутри огромный завод был похож на самолетный ангар – еще больше контейнеров, трубы тянутся во все стороны, лестницы карабкаются вверх по стенам и до потолка. Кэррик вручил мне каску и яркий жилет.

– Тут я и работаю. Ничего сложного, оператор погрузчика, так что я тебе все простыми словами объясню.

– Мне что простые, что сложные, – пробормотала я, оглядываясь, ошеломленная футуристическим блеском металла.

– В том контейнере собираются выхлопные газы, охлаждаются, оттуда поступают в абсорбционную колонну, там удаляется углекислый газ. Они движутся по абсорбционной колонне снизу вверх.

Он рассказывал на ходу, указывая на то или иное оборудование, я слушала и пыталась понять.

– Газ вступает в реакцию с химическим раствором, и тут начинается самое интересное.

Я улыбнулась.

– После обработки газ направляется вот сюда, в выхлопную трубу, и снова выпускается в атмосферу. Сжиженный углекислый газ выходит из абсорбционной колонны, и его закачивают в восстановительный отсек, там процесс поглощения проходит в обратном направлении: жидкий CO_2 поднимается со дна абсорбционной колонны и направляется в теплообменник, температура там повышается. Дальше с ним опять что-то происходит, и углекислый газ уже в виде пара направляется в компрессор. Вон там. – Мы остановились перед компрессором. – И вон там тоже. Хочешь еще что-нибудь узнать?

– Да. Кто эти «другие», за кем ты сюда пришел?

Он кивнул:

– Мы как раз к этому подошли.

Мы вышли из заводского корпуса и быстро пересекли территорию – там громоздилась уже не столь футуристическая жилая с виду постройка: белые вагончики, один на другом, пять в высоту, десять в ширину,

соединенные стальными лестницами и балконами. Сначала мы вошли в простое одноэтажное бетонное здание, проходную, за пустым столом никого – час поздний, – несколько пустых стульев, на низком столике разложены технические журналы. В углу на кресле спал жирный охранник.

– Тут размещается сто рабочих, – пояснил Кэррик. – Место на отшибе, до ближайшей деревни, тем более города, слишком далеко, чтобы каждый день приезжать и уезжать, вот владельцы и поселили рабочих здесь.

– А кто владельцы?

– Частная компания Vigor, – пожал он плечами. – Я тут всего две недели, никого пока не видел. Вроде бы сочувствуют Заклейменным. Приютили тут целую кучу нарушителей, позволили жить и работать.

Он ткнул пальцем в постер на стене за столом, и я увидела ту же красную букву V, которую и раньше уже замечала повсюду на заводе. Стилизованную, словно знак квадратного корня. Никак не удавалось сообразить, где же я видела раньше что-то похожее.

VIGOR. РЕШАЕМ ПРОБЛЕМЫ

– Есть четыре зоны отдыха, своя для каждого корпуса. Все Заклейменные работают в одном корпусе. Нам сюда. – Он толкнул дверь, и мы вновь вышли на ночной воздух, двинулись к вагончикам.

Несмотря на поздний час, оттуда доносились голоса, наше с Кэрриком время наедине истекало. Мне нужно было срочно его кое о чем спросить.

– Кэррик, я должна знать ... – Я сглотнула и договорила: – Ты кому-нибудь говорил о ... – Я указала на свою поясницу.

– Никому.

Я почувствовала облегчение, и все-таки мне было неприятно упоминать шестое Клеймо. Нам с Кэрриком так легко было вдвоем, но при воспоминании о камере Клеймения я вновь вся сжалась.

– Кроме стражей и Кревана, знаем только мистер Берри и я, – подбодрил меня Кэррик. – Я пытался связаться с мистером Берри, но пока не получается. Особенно трудно потому, что я сам должен прятаться.

– Все стражи исчезли, Кэррик, – торопливо заговорила я. – Пропал и мистер Берри. Я боялась, что Креван добрался и до тебя. Нам очень о многом нужно поговорить.

– Как это? – Его зрачки расширились.

В вагончике распахнулась дверь – голоса, смех, куча народу. Нет, я пока не готова к знакомству. Сначала нужно все объяснить Кэррику. И я

зачастила:

– Я сказала о шестом Клейме Пиа Ванг.

Он вздернул брови, недоумевая, зачем я откровенничала с журналисткой, работающей на Кревана, на его телеканал. Пиа по должности была обязана излагать телезрителям мою историю, после суда она в клочья драла мою репутацию, как обычно, когда она отрабатывала сюжеты о Заклейменных, но на мне сломалась: что-то с ней случилось, и Пиа поверила мне. С самого начала ей казался странным этот суд надо мной, и она не могла больше найти оправдание своим пристрастным репортажам. Она чувствовала: здесь что-то не так.

– Понимаю, для тебя это неожиданность, но ей можно верить. Она старалась изо всех сил собрать материал и разоблачить Кревана. Вот уже две недели, как она пропала из виду. Не только со мной не выходит на связь – я проверила в интернете, за две недели ни одной статьи ни Пиа Ванг, ни ... под другим именем.

– Под псевдонимом?

– Лайза Лайф.

Кэррик присвистнул:

– Ого! Она – Лайза Лайф? Теперь я понимаю, почему ты решила ей рассказать.

Лайза Лайф – известный блогер, она всерьез критикует всю систему наказания Заклейменных. Власти пытались разыскать ее и заткнуть ей рот, но она успевает переключаться с сервера на сервер.

– Никому не говори, – предупредила я. – Я обещала хранить тайну.

– На моих устах печать.

– Но она уже несколько недель ничего не пишет, – продолжала я. – Хотелось бы надеяться, что она молчит, потому что с головой погрузилась в большую статью о Креване, которая полностью его разоблачит, камня на камне не оставит. Но ... Не тот Пиа человек, чтобы долго молчать. В последний раз мы с ней говорили, когда она собиралась встретиться с родственниками тех стражей.

Кэррик нахмурился, не поспевая за информацией.

– Семьи стражей сообщили об их исчезновении? Полиция их ищет?

– Мне кажется, они боятся заявлять в полицию. Муж мистера Берри сказал, что он просто исчез, и все. И я все это время боялась за тебя, боялась, что Креван устроит так, что ты тоже «исчезнешь». Но Креван не знал, что ты был там, что ты все видел, и я не говорила Пиа, так что, наверное, ты в безопасности. Креван не знал и о том, что мистер Берри успел снять его на телефон, когда он ставил шестое Клеймо, но он

подслушал мой разговор с мужем мистера Берри. Его муж сказал мне, что видео у меня, – шепотом договорила я.

– Так Криван поэтому тебя разыскивает? Ему нужна эта съемка из камеры Клеймения?

Я кивнула.

– Он боится, что ты выложишь это видео?

– Наверное, так.

Кэррик посмотрел на меня с уважением:

– Значит, он у нас в руках. Я знал, что все дело в тебе, но не понимал почему. Он боится, Селестина. Он у нас в руках.

15

– Наговорились? – окликнула нас вдруг женщина, стоявшая в распахнутой двери того вагончика, откуда доносился шум и гам. – Присоединяйся к нам, Селестина!

Широченная улыбка освещала ее лицо. Она мне рада.

Я сморгнула в недоумении, потом сообразила: две недели меня показывали в новостях, вот откуда эта чужая женщина меня знает.

– Угу, спасибо, – сказала я.

– Селестина Норт! – произнесла она, как только я подошла ближе. Она распахнула объятия, прижала меня к себе. – Большая честь для нас.

Сначала я замерла под ее рукой, но постепенно расслабилась. Давно уже меня не обнимали. Подумала о маме и папе и едва справилась со слезами.

– Я – Келли. Заходи, познакомлю тебя со всеми.

Я оглянулась на Кэррика, но Келли уже ухватила меня за руку и повела за собой. Внутри – полным-полно незнакомых людей, и все тарацились на меня. Кэррик вошел следом и притаился где-то в углу.

– Это мой муж Адам, – сказала Келли.

Крепкие объятия.

– Добро пожаловать.

– А это Роган. – Она потащила меня к подростку, прятавшемуся в темном уголке.

– Поздоровайся с Селестиной, Роган! – Она говорила с ним, будто с малолеткой.

Он слабо помахал рукой, словно не желая утруждать себя.

– Ну же! – надавила Келли, и он лениво поднялся, зашаркал мне

навстречу – стопы чересчур велики для тщедушного тела, штаны спадают, – протянул мне руку. Влажную. Безжизненную. Не глядя в глаза – и скорее обратно, на свое кресло-мешок. Случись такое во внешнем мире, я бы подумала, что ему противно иметь дело с Заклейменной, но здесь все были такие же, я подумала, он и сам один из нас, и списала его поведение на застенчивость. Келли продолжала трещать со скоростью сто миль в час, знакомя меня со всеми остальными.

Корделия и ее маленькая дочка, шестилетняя Ивлин – она тут же показала мне, что верхние зубы уже выпали, вот, кончик языка высовывается. С удивлением я узнала тех двоих мужчин, рядом с которыми оказалась в очереди в кассу – из-за этого две недели назад в супермаркете начались беспорядки. Фергюс и Лоркан. У Лоркана свежий шрам на лбу, Лоркан весь в синяках. А еще Мона, моя ровесница, улыбка такая яркая, что может ночь осветить, энергия так и брызжет. Она сразу мне приглянулась. А вот и человек постарше, в круглых синих очках, волосы собраны в длинный седой хвост, – такому бы сидеть у костра и петь «Кумбайя»^[1].

– С нашим старшим, Кэрриком, ты уже знакома, – улыбнулась Келли. Кэррик подошел ближе. – Я так рада, что в замке с ним оказалась ты. – Она взяла мои руки в свои, глаза ее наполнились слезами. – Мы знаем, как это страшно. Хорошо, что рядом с нашим мальчиком была ты. – Она потянулась к сыну, но тот слегка отпрянул. Как будто сам удивился такой реакции, но слишком поздно – Келли уже отдернула руку, отвернулась, пряча обиду.

– Ты нашел родителей? – радостно спросила я.

Переводя взгляд с Адама на Келли, я наконец подметила сходство Кэррика с отцом, но на мать он совсем не был похож, она хрупкая, словно птичка, и Кэррик возвышался над ней – как, впрочем, над любым почти человеком. Она больше похожа на Рогана, этого угрюмого мальчишку, который не хотел пожать мне руку. Я снова взглянула на Рогана и сообразила, что он – ее сын.

– Значит, вы двое ...

Я ждала отклика, но они молчали. Даже не глядели друг на друга. Странная какая-то атмосфера, очень напряженная. Хотя – воссоединение с близкими через тринадцать лет едва ли дается легко.

– Они – братья! – вдруг выкрикнула Мона. – Ага! Начислите мне баллы! – Она шутовски взмахнула сжатым кулаком. – Большая счастливая семья, верно, ребята?

– Мона! – строго одернул ее Адам, а Келли отвернулась. Не похоже,

чтобы Мону это смутило.

– Кэррик, ты не сказал ей, что отыскал нас? – расстроилась Келли.

Молчание затянулось. Кэррик дергал себя за мочку, пристыженно, в поисках ответа, который помог бы ему вывернуться из неловкой ситуации.

– А Кэррик уже показал тебе спальные места? – как раз вовремя вмешалась Мона.

И так, переваривая на ходу открытие, что Кэррик сумел-таки найти родителей, я поспешила следом за Моной, которая трещала быстро-быстро, я с трудом разбирала слова.

– Ничего. Сейчас все покажу. Будешь жить со мной.

Как я уже говорила, жилье состояло из составленных друг на друга вагончиков, но это были не обычные прямоугольные вагоны с примитивными койками, а современные, очень умно спланированные: я заглянула по пути в одну из спален и увидела продуманное жилое помещение с двухэтажной кроватью – наверху одно место, внизу два, со встроенными полками и ящиками. Поместились даже душ и туалет. Все ослепительно-белого цвета.

– У каждого спального отделения собственный санузел, кондиционер, телевизор с плоским экраном и персональный сейф, – проговорила Мона смешным «искусственным» голосом, как будто портье, сопровождающий гостя по отелю. – В каждом отделении двухспальная кровать и односпальная койка наверху.

Я рассмеялась:

– Никогда раньше ничего подобного не видела.

– Все самое лучшее для работников ССУ! – Она понизила голос, хотя незаклейменные размещались так далеко от нас, что услышать никак не могли. – Владелец завода сочувствует Заклейменным. Мы с ним ни разу не встречались, он – тайная, закулисная фигура, – с иронией пояснила она, широко раскрывая глаза и шевеля пальцами, словно кукольник.

– Это Эдди?

Она засмеялась в ответ.

– Нет, Эдди – управляющий. Я говорю о *главном* боссе, о владельце, создателе, изобретателе и так далее. Бахи говорит, что знаком с ним, но я не вполне ему верю: Бахи – ученый, он иногда малость ... – Она присвистнула, не договорив до конца. – Во всяком случае, Эдди про нас знает. Он селит нас отдельно от других и планирует смены так, чтобы мы с ними не смешивались. Только он и мы сами знаем, что мы – Заклейменные, больше никому знать нельзя. Все мы здесь, понятное дело, нарушители. – Она закатила глаза, посмеиваясь и над этим понятием. – Так что повязок

мы не носим. Если Клеймо у тебя на руке, будешь работать в перчатках, если Клеймо на виске, тебе подберут работу, на которой нужно надевать каску, или сделаешь такую прическу, чтоб все закрыть. На косметику не полагайся, тут бывает жарко, и краска стечет с лица, оглянуться не успеешь. Если Клеймо на языке, придется помалкивать. Усекла?

Я поспешно закивала. У меня Клейма всюду, где она перечислила, и в других местах сверх того.

– Супер. – Она присмотрелась, соображая, можно ли мне доверять, и осталась довольна. – У нас тут одна девушка влюбилась в ученого. Лиззи – она жила со мной в одной комнате. Все порывалась рассказать ему: дескать, она так его любит, ей важно, чтобы он знал о ней правду. – Мона снова закатила глаза. – Честное слово, каждую ночь я слушала этот бред. Ну и вот, ничего хорошего из этого не вышло. Она рассказала ему, кто она есть, он психанул, и она удрала. Могла нас всех до беды довести, – сердито продолжала Мона, отпирая свое отделение и распахивая дверь.

Внутри все было в точности как в том отделении, куда я успела заглянуть по дороге. Односпальная койка наверху явно принадлежала Моне, там виднелись постеры, на постели лежал плюшевый мишка. Внизу – двойная кровать, голый матрас, там до недавней поры спала Лиззи, считала это место своим домом, рассказывала соседке о своей любви – а потом сбежала. Как же мы все заменимы.

Я хорошо понимала, что почувствовала эта юная Лиззи, когда возлюбленный отверг ее, узнав, что она – Заклейменная. Мне вспомнилось, как Арт смотрел на меня в школьной библиотеке, когда я вернулась после Клеймения, как он не решился меня поцеловать. В этом, верно, основная идея Клейма на языке. Все говорят, что это Клеймо – самое ужасное. Но у меня есть похуже: Креван собственноручно прижал раскаленное железо к моей пояснице, заявив, что я испорчена до мозга костей. Об этом здесь никто не знает, кроме Кэррика, – он присутствовал при этом.

– Давно Лиззи ушла? – спросила я, глядя на широкую пустую кровать.

– Две недели назад. Даже не попрощалась, – сердито ответила Мона. – И вещи почти все оставила. Проводишь с человеком дни напролет, считаешь его другом ... В общем ... – она быстро сменила тему, прикинувшись, будто ей все равно, хотя обида ясно читалась на ее лице, – в общем, правила таковы. Здесь спишь, тут умываешься, вещи складываешь вот сюда. Ложиться и вставать можешь в любое время, как тебе удобнее по работе. Бывают дневные смены и ночные. Перекусить можешь у нас на общей кухне. У завода имеется столовая получше – выбор шире, еда вкуснее, – но там трудно избежать близкого общения. Келли и Адам

работают на кухне, Бахи – наш ученый специалист, Корделия – великий компьютерщик, а я уборщица. С другими общаться можно, только не слишком сближаться. Никто не знает, что мы Заклейменные, но некоторые люди задают слишком много вопросов, понимаешь? Лучше держаться в стороне, но и тут не переборщить, иначе обратишь на себя внимание. И ни в коем случае нельзя иметь дела с Фергюсом и Лорканом: у них одно на уме. – Она многозначительно посмотрела на меня.

– А, ну да, секс.

– Нет, – расхохоталась она. – Это бы здорово. Нет, – посерьезнев уточнила она, – революция. Наверное, Кэррик тоже такой, он все время с ними, но он тихий, о чем он думает, не угадаешь. – Она выдержала паузу, улыбчиво присматриваясь ко мне. – Вижу, на тебя он внимание обратил, – приподняла она брови.

– У нас с Кэрриком ничего такого, – ответила я, не в силах объяснить, что на самом деле «у нас с Кэрриком».

Наша связь была глубже, мы прошли через такое, что навеки соединило нас, через то, чего у меня никогда не будет с другим человеком. Не знаю, так ли это хорошо, что, глядя на Кэррика, я всякий раз вспоминаю, что он присутствовал в камере Клеймения в самый трудный момент моей жизни. При виде его я вынуждена вспоминать об этом снова и снова. Может быть, лучше держаться от него подальше, и тогда это пройдет.

Мона уставилась на меня в ожидании сочных подробностей, но мне было не по себе. Рассказать ей о том, что нас соединяет, – значит рассказать всю историю, а всю историю до конца никому доверять нельзя.

– Давно ты здесь живешь? – спросила я, оглядываясь по сторонам.

– О, ты в точности Кэррик – уходишь от ответа. Ладно, можешь не говорить мне, только гляди в оба: эти мальчики из интерната, известное дело, мечтают только об одном. – Наступив на мою кровать здоровенным черным кожаным ботинком, она полезла к себе в постель.

Я призадумалась:

– О революции?

Она ухмыльнулась:

– Не-а. Они по большей части хотят секса.

Невольно я расхохоталась.

– Я тут уже год. Я-то на твои вопросы отвечаю.

– Ты год как заклеимена?

– Два года. – Она отвернулась, дотянулась до лакированного шкафчика без ручек на стене, нажала на дверцу, чтобы открыть. Сняла с полки

постельное белье и уронила на мою кровать. Потом снова прошлась по моей кровати большими кожаными ботинками и прыгнула на пол, принялась застилать мне постель. Я попыталась помочь, но она отмахнулась и, продолжая возиться с простыней, начала рассказ. Я почувствовала: ей легче рассказывать свою историю, когда руки чем-то заняты.

– Меня выгнали из дому после того, как мне поставили Клеймо. Отец сказал: «Ты мне не дочь». – Она произнесла отцовские слова басом, прикидываясь, будто ее это забавляет, но смешного тут было мало. – Вернулась в один прекрасный день из школы, а мои вещи уже упакованы. Он проводил меня до такси, а мама смотрела в окно. Дал мне денег на неделю, и на том привет. – Взгляд ее уставился куда-то вдаль. – Год я прожила на улице, как настоящая порочная Заклейменная. А потом донеслись вести о нарушителях-чудесниках, которые ухитряются жить без контроля стражей, тех, кому Трибунал не переломил хребет. Поначалу я думала, это миф, эти нарушители вроде эльфов, но оказалось, правда. И наконец я попала сюда. Лучшее, что могло случиться со мной.

Слушая ее с широко раскрытыми глазами, я осознала, как же мне повезло: у меня есть семья, которая никогда меня не бросит. Бедный мой дедушка прямо сейчас расплачивается за то, что пытался защитить меня, подумала я.

– Что ты сделала? – спросила я.

– Целый год делала то и се, следовала правилам, выполняла, что велела мне стражница, а потом надоело – не для меня это. Работу я найти не могла, а без работы не могла платить за жилье. Ютилась в разных убежищах для бездомных. Сама понимаешь, Заклейменным несладко, даже когда есть крыша над головой – попробуй себе вообразить, каково это, когда и дома нет. – Глаза ее блестели от слез. – Так что я решилась и перебралась сюда. – Она снова глянула на меня в упор.

– Что ты сделала, за что тебя заклеямили?

Ее слезы мгновенно высохли, глаза потемнели. Так я усвоила первое правило Заклейменных: никогда не спрашивай других, за что их приговорили к Клейму.

Я проснулась в спальном вагоне от кошмара, уже привычного. За мной гнались. Я все время убегаю от Кревана – несусь, перепрыгиваю стены, но

всегда недостаточно быстро, как будто на тренажере, вроде бы и бегу, бегу, но уйти не могу. Ужасно выматывает, и так всю ночь, по кругу. Единственная разница между новым кошмаром и всеми предыдущими: добавились еще и картины, как дедушку пытаются в камере Клеймения.

Потее и задыхаясь всю ночь, ранним утром я вскочила – надо как можно скорее поговорить с Дахи. И еще важнее: позвонить домой. Узнать, что происходит.

Утренний свет струился в окно вагончика. Я обнаружила, что Моны уже нет на верхней койке. Наверное, ушла на работу. Я глянула на часы и глазам своим не поверила: полдень.

В дверь постучали.

Я завернулась в простыню так, чтобы прикрыть Клеймо напротив сердца, и открыла дверь.

– Привет, – сказал Кэррик, оглядывая меня с ног до головы, и я почувствовала, как под его взглядом покрываюсь мурашками. – Принес тебе чем подкрепиться. – Он протянул дымящуюся паром кружку кофе и шоколадный кекс. – У меня обеденный перерыв.

– Поверить не могу, что я так долго спала.

– Нужно было отдохнуть. – Взгляд его сделался еще внимательнее. – Тебе туго пришлось.

Я обхватила кружку руками, наслаждаясь теплом.

– Спасибо.

– Приходи в кухню, как будешь готова. Сейчас почти у всех перерыв, и они тебя ждут, хотят кое-что показать. Не пугайся так. – Редкая улыбка промелькнула на его лице.

– Хорошо, сейчас приду. Кэррик! Ты родителей нашел! – Я счастливо улыбнулась ему.

– Ну да, – пробурчал он, сморщил лицо озадаченно. – Так странно. Так непривычно. Всего несколько недель. Я их почти не знаю. А они знают меня, мама особенно: она вроде все до мелочей обо мне знает, а я о ней – ничего...

– Конечно, странно. Я всего несколько дней провела в замке, и то дома потом все казалось непривычно.

Например, с моей сестрой Джунипер: мы с ней все время не ладили, помирились буквально в последнюю минуту перед тем, как я второпях покинула дом. Она призналась, что чувствовала себя виноватой, потому что не поддержала меня тогда в автобусе и не выступила на суде. И при этом она, как это ни чудно, ревновала, завидовала даже моему наказанию, потому что это я поступила правильно, а не она. Еще выяснилось, что она

помогала Арту прятаться, даже от меня, в то время как мне он отчаянно был нужен – увидеться с ним казалось важнее всего на свете. Наши отношения так сильно изменились, исказились за несколько недель, и все потому, что мы не поговорили вовремя.

– Мне кажется, когда с тобой такое случается, это ... отчуждает от других, – тихо заговорила я, вспоминая, как вернулась в школу, а у меня там не оказалось больше друзей, как многие учителя не пускали меня в класс, как одноклассники заманили меня в сарай и заперли, как оборвался роман с Артом. Все сдвинулось с места, все изменилось, и мало что к лучшему.

Снова он пристально глянул на меня.

– Но нас с тобой то, что случилось, вовсе не развело, – сказал он.

Мне и задуматься не пришлось.

– Нет.

– Это нас сблизило, – продолжал он.

– Да, – пугливо улыбнулась я.

Он кивнул.

– Жду тебя на кухне. Иди той дорогой, которую Мона тебе показала: не надо, чтобы другие тебя видели.

Я закрыла за ним дверь, ощущая, как прибывают силы всего лишь оттого, что постояла рядом с ним, – правда, от его прощального совета я несколько сникла. Я приняла душ, быстро оделась, понимая, что меня все ждут. Распахнув дверь, я чуть не налетела на кулак – сначала мне показалось, что он целит мне в лицо, и я, взвизгнув, присела. Но удара не последовало, и ноги тоже не пытались ни пнуть меня, ни удрать, а лишь переминались у меня перед глазами. Я осторожно убрала руки, которыми закрывала лицо и рискнула перевести взгляд выше.

Молодой человек так и замер с занесенным кулаком, в недоумении таращась на меня.

– Я собирался постучать в дверь.

– А! А, ну да. – Я поднялась на ноги, чувствуя себя довольно глупо.

– Простите, что напугал, – продолжал он в замешательстве, его щеки густо заалели, никогда такого яркого оттенка не видела у реального человека. – Я Леонард, – продолжал он, блуждая взглядом по полу, по стене, по двери, куда угодно смотрел, лишь бы не на меня. – Я тут работаю. – Он подтянул висевший на шее пропуск и сунул мне его в дверь.

«Леонард Амбросио, технолог». А выглядел скорее как мальчик из хора.

– Привет, Леонард, – сказала я и открыла дверь шире.

Я боялась, что он может меня узнать, но раз он здесь, в этом отделении, значит, он тоже Заклейменный? Можно ему доверять? Не сощурились ли немного его глаза, когда он присматривался ко мне? Мое лицо, мое имя демонстрировали все СМИ. Попалась?

– Простите, что побеспокоил вас. Вы тут новенькая, понимаю. Раньше в этой комнате жила моя подруга. – Он огляделся по сторонам так, словно нервничал больше, чем я. – Лиззи.

Я напряглась. Тот самый друг и возлюбленный, который не признает Заклейменных.

Он с надеждой смотрел на меня.

– Я только что приехала, я ничего не слышала о ней, – ответила я, стараясь защитить себя, думая про себя: из того, что она Заклейменная, еще не следует вывод, что я непременно тоже.

– Ничего? А? Вот ее фотография. – Он следил за мной, пока я разглядывала фотографию: вдруг мне что-то припомнится. – И вот мой телефон. – Он вручил мне клочок бумаги со своим именем и номером. – Если что-то услышите о ней, если кто-то о ней заговорит, скажет, куда она могла уехать, – пожалуйста, позвоните мне. Я очень хочу ее найти.

– Зачем? – холодно спросила я.

От такого моего тона он явно растерялся.

– То есть как?

– Зачем вам понадобилось ее искать?

Неужели он рассчитывает, что я добуду ему информацию и он сможет напустить стражей на беглянку?

– Потому что я ее люблю, – ответил он, заклиная меня взглядом. – И очень за нее волнуюсь. – Он огляделся осторожно и продолжал, понизив голос: – Я знаю, кто она ... что с ней ... понимаете? – Он посмотрел прямо мне в глаза. – Мне кажется, она побоялась мне сказать, но меня это не беспокоило, я давно знал и несколько об этом не беспокоился, то есть беспокоился, конечно, за нее, это вовсе не мешало мне ее любить, наоборот, из-за этого я, наверное, еще больше ее любил. – Щеки его снова вспыхнули, парень засмутился. – Мне важно, чтобы вы поняли, я против Заклейменных ничего не имею. – Опять его взгляд заметался по коридору. – А главное, необходимо, чтобы это поняла Лиззи. Вы мне поможете?

– Ладно. – Я нахмурилась: совсем не такую версию изложила мне Мона, и мне бы не хотелось увязать в чужих отношениях. Противный голосок в моем мозгу все переспрашивал: не подстава ли это? Он использует меня, чтобы найти Лиззи, и сдаст ее? – Но я вам уже сказала: мне про Лиззи ничего не известно.

Где-то за углом хлопнула дверь. Мы оба тревожно оглянулись.

– Пожалуйста, не говорите Моне и другим, что я сюда приходил. Мне в этом отделении бывать не полагается, Лиззи дала мне пропуск, когда мы встречались. Это ... это пусть останется между нами, – попросил он.

Таким серьезным он выглядел, таким обеспокоенным, таким искренним, что я готова была ему поверить. И он вроде бы предлагал соглашение: я никому не расскажу о нем, а он никому не расскажет обо мне. Я поспешно прикрыла дверь, соображая, не стоит ли все же поговорить с Моной. Его история противоречила ее версии, но я только что сюда приехала, не хотелось оказаться вовлеченной в словесную войну, тем более в историю, которая меня вовсе не касалась.

В итоге я пожала плечами и пошла в кухню, решив про себя, что об этом можно больше не думать.

Первая большая ошибка.

17

– Долго ты возилась! – заявила Мона, едва я переступила порог. – У нас уже и обед почти кончился.

– Извините, – ответила я. – Просто я давненько уже не мылась так, чтоб каждую минуту не дергаться, вдруг стражи явятся.

Все рассмеялись, сгрудились вокруг меня. Тут были и другие Заклейменные, кого я не видела накануне, они тоже подошли познакомиться. Ивлин непременно хотела показать мне акробатические трюки и пустилась колесом через всю комнату, ее мать, Корделия, никак не могла ее остановить.

– Ты уж прости, – сказала Корделия, устраиваясь возле меня. – Ивлин живет тут с двух лет, она всегда возбуждается, когда к нам попадают новые люди, это случается так редко.

– Все в порядке. Славная малышка. – Я улыбнулась, в глубине души жалея беднягу.

– Добро пожаловать. – Теплые руки Бахи сжали мои ладони. – Хорошо спала?

– Лучше, чем раньше, – улыбнулась я. Действительно, пусть мне снова снились кошмары, все лучше, чем у деда на ферме, где тревога ночь напролет не давала уснуть. И тут же мне стало стыдно: отсыпаюсь, а дедушку тем временем мучают в замке из-за меня.

– Отлично. Тебе, конечно, надо было отдохнуть после такого

путешествия. Мы ведь все прошли через то же самое, не забывай, мы понимаем, как трудно адаптироваться. На это нужно время, и мы тебе поможем. Оставайся с нами сколько захочешь.

– Спасибо, – ответила я.

Бахи неожиданно захлопал в ладоши:

– Так, ребята. Спасибо, что собрались в свой перерыв, а что касается тех, кто прогуливает работу: Эдди вас убьет, так что не вините потом меня. – Он грозно глянул на Мону, одетую в форму уборщицы: та снова смеялась. – Давайте покажем Селестине Норт, чем мы тут занимаемся.

Стулья и диванчики сдвинули, образуя круг. Я оказалась рядом с Моной. Кэррик остался стоять за пределами круга, руки сложил, прислонился к стене: лицо серьезное, все время настороже.

По другую сторону от меня села Келли.

– Надо нам с тобой поболтать, – оживленно сказала она, подмигивая. Она пожала мне руку.

Я поняла, как напрягает Кэррика желание его матери вернуть все и сразу: она так счастлива вновь обрести сына, она хватается за любую связь с ним. Адам, устроившийся рядом с женой, слегка похлопал ее по колену: видимо, призывал соблюдать спокойствие. Она извинилась и отпустила мою руку.

Роган прятался в темном углу, как и прошлой ночью, пристроился на кресле-мешке, компьютерная игра под рукой. Но все же он сдвинулся поближе, смотрел, что у нас происходит, и в итоге сосредоточил все внимание на Кэррике, следя за каждым его движением.

– Многие присоединяются к нашему племени – иногда они потом уходят, но всех принимают с любовью и распростертыми объятиями, – заговорил Бахи. – Прежде чем я стал Заклейменным, в прошлой моей жизни, когда я был ученым, мне довелось много путешествовать по лабораториям, по заводам всего мира. – Я понимала, что он обращается непосредственно ко мне, что все это адресовано главным образом мне. – Этого мне теперь больше всего недостает: сойти с трапа самолета, вдохнуть воздух новой страны, почувствовать, как опалает меня жаркое африканское солнце. – Он замер на миг, уйдя в воспоминания, и все терпеливо ждали, вероятно тоже погрузившись в ту пору свободы, которую мы принимали когда-то как само собой разумеющееся. – Но, я считаю, удачно, что теперь я могу делиться опытом этих путешествий с теми, кто такого опыта не имел. – А это уже предназначалось Ивлин. – Например, африканское племя бабемба вполне могло бы кое-чему научить цивилизованные народы. Это племя верит, что каждый человек от природы

хорош, каждый хочет лишь безопасности, любви, мира и счастья. Но порой в погоне за этими насущными вещами человек допускает ошибку. И если с кем-то случается такая ошибка, этого человека выводят в центр поселка. Все бросают работу и собираются вокруг, все принимают участие в чудесной церемонии: каждый соплеменник рассказывает этому оступившемуся собрату, что хорошего тот успел сделать в своей жизни. Всё припоминается, каждая хорошая черта, каждое доброе дело. Под конец устраивают праздник, и так этого человека символически и буквально принимают обратно в племя.

– Это чудесно, – мечтательно пробормотала я. Вот если бы ...

– Самое мое любимое, – откликнулась Мона.

– Итак, Леннокс, ты у нас новичок. Встань, – приказал Бахи.

Лоркан, Фергюс и Кэрри поддержали его подбадривающими кликами. Леннокс, ухмыляясь, выдвинул стул и сел в центре комнаты. Изображая рок-звезду, помахал нам, будто со сцены, будто нас тут – тысячи зрителей.

Ивлин запрыгала на месте, непременно хотела начать первой:

– Когда Леннокс к нам пришел, он был очень добр ко мне. Носил меня на закорках, играл: он папа-обезьян, а я малышка. – Леннокс явно смутился. – И я никогда раньше не слышала, чтобы человек мог прорыгать весь алфавит подряд.

Тут все расхохотались, но Ивлин неумолимо продолжала:

– Леннокс всегда веселый, он много шутит, и мне это в нем нравится, потому что он нас веселит. Но однажды Леннокс загрустил. Я заглянула к нему в комнату, а он сидел и плакал. Я спросила его, что случилось. Он смотрел на фотографии, где они с женой занимаются серфингом. Сказал, что скучает по морю. А я ему сказала, что он хотя бы видел море, а я – никогда. Я почти всю жизнь провела тут. И вскоре Леннокс отлучился тайком, а когда вернулся, принес мне ракушку. Он велел мне приложить ее к уху: если мне захочется услышать шум моря, достаточно приложить раковину к уху и прислушаться. Теперь всегда, когда мне становится немножко грустно, я прижимаю раковину к уху, закрываю глаза и прямо тут, в вагончике рядом с мамой, воображаю, будто я перенеслась на пляж, ноги зарыты в песок, волны грохочут, на мне купальник, я уже десяток песочных замков построила, а там, на волнах, – Леннокс с женой. Спасибо тебе, Леннокс, за то, что подарил мне море.

Корделия утерла глаза: ее маленькая дочка, живя постоянно при заводе, была лишена стольких детских впечатлений. Келли тем временем зааплодировала, и все присоединились к ней.

Леннокс откашлялся:

– Ох, нелегко мне придется!

И правда, это было не так-то легко, но ничего прекраснее этого я не видела: полная комната людей, рассказывающих о своем товарище столько хорошего, и благодаря этим рассказам я стала понимать Леннокса: да, он все время ерничал и изображал беззаботного придурка, но он был добр. И вот еще о чем я задумалась: у Леннокса, значит, была жена. Где же она? Что с ней произошло? Чем он заслужил Клеймо? Вчерашняя реакция Моны научила меня: такой вопрос не стоит лишний раз задавать. И все же мне очень хотелось знать, каким образом каждый из собравшихся здесь стал Заклейменным, – особенно мне хотелось знать о родителях Кэррика.

Настал момент, когда о Ленноксе высказались все, кроме Кэррика и меня.

– Ну что ж, – подытожил Бахи. – Селестина, ты у нас со вчерашнего дня, так что от тебя панегирика Ленноксу мы не ждем, – тебе еще предстоит освоиться с его очарованием.

Снова общий смех.

– Кэррик никогда не участвует, – шепнула мне Мона, словно он тут пробыл больше двух недель.

– Погодите! – вмешался вдруг Кэррик, и все удивленно смолкли. Он расцепил скрещенные на груди руки и отлепился от стены. Впервые я видела его смущенным – он странно перебирал пальцами.

– Супер, – пробормотала Мона.

Он сердито глянул на нее и запихал руки в карманы.

– Вот что, Леннокс, – заговорил он, стесняясь, глубоким серьезным тоном. – Мы действительно знакомы всего две недели, я мало о тебе знаю. Практически ничего.

– Очень трогательно, – заметил Леннокс, и ему ответили смехом.

– Но мне понадобилась твоя помощь. И ты оказался рядом. Дахи позвонил мне, действовать надо было срочно. А поскольку лицами этих двух идиотов, – он указал на Фергюса и Лоркана, – оклеен весь город, помочь мог только ты. И ты поехал со мной вместе за той, – он глянул на меня, сердце забилося, бабочки в животе, – кто так важен, – сердце громче, громче, – для дела Заклейменных.

Мона громко цокнула языком.

– И я никогда не смогу как следует отплатить тебе за это.

Я почувствовала, как таю под пристальным взглядом Кэррика, но неисправимый Леннокс вновь убил торжественность момента:

– Возьму наличными.

И снова общий хохот.

– Давайте воздержимся от обсуждения какого бы то ни было «дела», – нервно перебил Бахи. – Нас интересует только одно дело: у нас есть повод для праздника, о котором мы узнали только вчера.

Свет вдруг померк, запели «С днем рожденья тебя». Келли, которая раньше сидела со мной и каким-то образом ускользнула незамеченной, вынесла из кухни огромный торт с восемнадцатью свечками. Вокруг нее скакала, распевая и облизываясь, Ивлин. Доскакав до меня, малышка запрыгнула мне на колени и помогла задуть свечи.

Всего день тому назад я говорила себе, что никогда больше не стану загадывать желания – и вот загадала.

– Большое спасибо вам всем! – сказала я, сияя.

Мне отрезали огромный кусок, куда больше, чем Заклейменным позволено получить раз в неделю, наша единственная «роскошь».

– Тебе нравится? – приставала Ивлин. – Что самое вкусное?

Я засмеялась, скрывая неловкость, присмотрелась к бисквиту, прослоенному светлым кремом.

– Ванильный крем, – сказала я и откусила еще кусок.

Ивлин нахмурилась:

– Но это же лимонный торт.

Щеки у меня вспыхнули, я запихнула в рот еще ложку, лишь бы не отвечать. Краем глаза я видела, что Кэррик внимательно за мной наблюдает.

Келли присела возле меня, обняла за плечи и шепнула на ухо:

– Вкус постепенно вернется, поверь мне.

Прожевывая очередной кусок безвкусного торта, я невольно гадала, за какую ложь наказали мать Кэррика.

Поздно вечером, когда все разошлись, кто спать, кто на ночную смену, Кэррик зашел ко мне. Мона вопросительно подняла брови, но я лишь посмеялась и ушла с Кэрриком. Все не так, как ей видится, – нам просто нужно поговорить, а то Келли все время крутилась рядом с сыном, и, хотя я понимала, почему она так себя ведет, нам это мешало обсудить наши дела. Потом пришлось ждать, пока у Кэррика закончится смена, за этим последовал общий ужин, причем Келли уселась между нами, думая, видимо, что способствует сближению, а на самом деле Кэррик рядом с ней оцепенел и на все отвечал односложно, а я и вовсе от усталости едва могла говорить.

Эти выматывающие две недели, потом грозный день бегства, и вот теперь я остановилась наконец, адреналин выдохся, все тело ныло, болела голова, мне казалось, лягу спать – просплю целую вечность. Кэррик повел меня на кухню, подальше от спален, закрыл за нами дверь. Мы сели за кухонный стол.

– Дахи что-нибудь узнал о дедушке?

Десятки раз я задавала ему и Ленноксу один и тот же вопрос, не утомилась даже тогда, когда Леннокс окрысился: «Норт, ты славная, но скоро я пришибу тебя как муху».

– Да. Только что. Твои родители ездили к нему. Он в камере предварительного заключения, обращаются с ним хорошо. Его допрашивают и продержат еще сутки по подозрению в помощи Заклейменным. Они пытаются доказать, что он предоставлял своим работникам незаконные льготы.

Облегчение, смешанное с тревогой. Ему не причинили вреда и пока что не сумели предъявить обвинение. И все же.

– Доказательств никаких, иначе обвинение уже выдвинули бы. Они держат его только в надежде выкурить тебя.

Меня передернуло.

– Прости, – заторопился он. – Неудачное выражение. Но есть и хорошая сторона: теперь он понимает, что ты жива, иначе бы его давно отпустили.

– Ты уверен?

– Конечно. Он ведь очень неглуп.

Я улыбнулась:

– Да, это уж верно.

– Итак ... Я тут продумал план, как выбраться из этого дерьма.

– Из какого?

Широким жестом он охватил и кухню вокруг нас, и весь завод.

– Ты хочешь уйти отсюда? – удивилась я.

– А ты нет?

Очень глупо будет ответить, что мне тут нравится? Что впервые я почувствовала себя в безопасности? Здесь, среди огромных стальных сооружений, когда приходится пользоваться электронным пропуском, чтобы открыть любую дверь, и повсюду стоят охранники, чтобы никого постороннего не впускать. Нет, я не ощущаю себя взаперти, наоборот, я воспринимаю это как защиту, словно наконец-то охраняют именно меня.

– Мне здесь спокойно, – призналась я. – А ты нашел родителей – и брата, – ты ведь, наверное, и не знал, что у тебя есть брат? Зачем же

уходить от них?

– Селестина, я все понимаю. Но это не настоящая жизнь. Это не настоящая свобода. Бедняжка Ивлин – ей шесть лет, и, с тех пор как она оказалась здесь, она ни разу не бывала за стеной. У нее нет подруг ее возраста – может быть, она и не видела никогда детей своего возраста. А Бахи не хочет, чтобы мы сражались за свободу. Стоит ему хоть слово об этом услышать, он велит молчать, так что тут никогда ничего не изменится.

– Зато я вчера проспала десять часов подряд, – заныла я, и он ласково рассмеялся.

– Со мной тоже так было поначалу. Ты же только попала сюда. Скоро сама поймешь.

– Дело не в том, что ты просто хочешь сбежать? – мягко спросила я. – Чтобы сблизиться с родными, нужно время, Кэррик. Пока что нормально, что вы чувствуете себя ... неловко.

– Надо же, заметила! – фыркнул он. – Когда я вышел из интерната, худшее, что я мог сделать, по правилам Трибунала, – это разыскать родителей. Я не думал, что за мной следят. Из всех соучеников я был лучшим, мне казалось, меня ни в чем не подозревают. Думал, я их провел. Думал, они доверяют мне. Теперь-то я знаю: как ни старайся подружиться со стражами, они все равно тебе доверять не будут. Декан навестил меня в замке.

– Помню. – Действительно, к нему в камеру приходил мужчина в хорошем костюме. Тогда я приняла его за адвоката, но ведь Кэррик сам защищал себя на суде.

– Он сказал, что я его предал. Он типа взял меня под крыло. – Кэррик покачал головой. – Я рос на его глазах, он приходил на мои матчи, радовался, когда я блестяще сдавал экзамены. У него у самого есть дети – и все же он не в состоянии понять, зачем мне вздумалось разыскивать родных. А потом мне поставили Клеймо – и после этого я получил свободу, ищи, мол, родителей. Отныне то правило на меня не распространяется. Лихо закручено.

– Да, нелогично, – согласилась я. – А как ты их нашел?

– Мне дали знать. Они перебрались сюда, когда меня арестовали.

– Они тут меньше двух месяцев? – удивилась я.

– А кажется, что гораздо дольше? – подхватил он. – То-то и оно. В этом месте, – он огляделся по сторонам, – время будто останавливается. Люди приходят и остаются навсегда. Тут есть еще Заклейменные, которых ты пока не видела, – мне страшно думать, сколько они тут пробыли.

– Но Лиззи ушла, – вырвалось у меня.

Я все время думала о ней. Одной из причин, по которой друзья считали меня идеалом, пока я не заработала шесть Клейм, – были идеальные оценки, сплошные пятерки, особенно по математике. Так уж у меня голова устроена. Уравнения, теоремы – в них я всегда нахожу смысл. Любую задачу можно решить. Даже если мне подсовывали трудный вопрос, я билась над ним, пока не находила решение. И сейчас со мной примерно то же самое. Что-то не сходилось: имелась задача, и она не могла сама по себе рассосаться, это было незавершенное дело, и оно ждало того, кто им займется. Казалось бы, после всего, что со мной произошло, пора бы измениться, но это не в моих силах. Когда Трибунал приговаривает человека к Клейму, он не властен изменить самого человека – меняется лишь восприятие этого человека другими людьми.

– Лиззи? – переспросил Кэррик, удивившись, что я меняю тему.

– Что ты знаешь о ней?

– Молодая девушка, Заклейменная, она здесь жила и работала. Ушла через несколько дней после того, как я сюда добрался. Жила в одной комнате с Моной, они вроде бы дружили. Я особо не интересовался. Говорят, она призналась парню, что она Заклейменная, и он ее бросил, потому она и ушла. Меня сплетни не интересуют, это больше по части Моны. А что?

– Ты знаешь ее парня?

– С виду только. Такой ботан-компьютерщик. А что?

– Доверять ему можно?

– Селестина! – Он уже начал сердиться. – К чему ты?

– Просто хочу знать. Меня беспокоит, пойми, что с ней случилось. Ты же сам сказал, отсюда не уходят. А она ушла. Исчезла.

– Не думаю, чтобы парень разрубил ее на куски, если ты об этом, – поддразнил он. – Люди тут по большей части добрые, не о чем волноваться. Думаю, многие догадываются, кто мы такие, могли и Клеймо заметить, но они молчат и в наши дела не лезут.

Он оборвал себя на полуслове, явно хотел что-то добавить.

– Что? – поднажала я. – Скажи.

– Я понимаю, почему ты хочешь остаться. Здесь правда немало хорошего, но сама подумай: чем, по-твоему, ты будешь тут заниматься? – мягко спросил он. – Какая тебя ждет жизнь?

Мне романтически представлялось, как мы с Адамом и Келли будем вместе печь торты. Превратим щетки в коньки и будет радостно скользить по мыльному влажному полу вместе с Моной, мыть по ночам полы, пока все спят. Что-то в духе Пеппи Длинныйчулок. Я могу учить Ивлин

математике. Помогать Бахи, тоже надену белый лабораторный халат, обзаведусь очками, вперюсь взглядом в чашки Петри. Еще нужен прибор для ночного видения – дежурить вместе с нашей охраной, высматривать опасность на горизонте. Хотя бы на несколько часов этот завод превратился в мой дом, в мой мир.

Кэррик гнул свое:

– После того как Фергюс и Лоркан засветились в супермаркете, их лица показали во всех новостях. Они в списке разыскиваемых Трибуналом. Теперь они могут работать только в ночную смену, чтобы никто не узнал их при свете дня и не донес. В ночную смену дежурят по большей части Заклейменные. А уж тебя в лицо вся страна знает – может быть, со временем это поуляжется, а может, и нет, и хотя люди тут хорошие, но настолько я бы им доверять не стал. Никто не захочет рисковать собственной жизнью, ведь если Трибунал прознает, что они работали с тобой рядом и не донесли, они все попадут в беду. Так никто рисковать не станет. Придется тебе держаться от всех в стороне – какое-то время.

Последние слова он растянул, давая понять, что это будет очень долгое время.

Пожав плечами, Кэррик добавил:

– И учти: уйти отсюда я хочу не из-за отношений с родителями. Вся причина во мне. Я не согласен на такую жизнь, и ты тоже не должна сдаваться.

Он умолк, давая мне возможность подумать.

Больше всего я хотела снова увидеть родных, у меня сердце болело при одной мысли о них, об оставленном доме, о той жизни, которой я сама себя лишила, – но с той жизнью было покончено, как только меня доставили в замок. Мне представлялось, как мама и папа, Джунипер и Эван будут меня тут навещать. Их можно провозить, спрятав в грузовике, доставляющем продукты, или еще как-то. У нас будут тайные семейные выходные, будем играть в футбол или во что Эван пожелает. Но ведь это пустые мечты. Никогда ни Бахи, ни другие такого не допустят. Кэррик прав: я устала и потому так обрадовалась, оказавшись в безопасности, но безопасность редка и драгоценна, за нее придется сражаться вне этих стен.

– Да, я тоже не согласна на такую жизнь, – кивнула я.

Он просиял:

– Вот и хорошо. Потому что, когда я говорил, что хочу выбраться из этого, я не имел в виду просто уйти с завода. Я хочу, чтобы мы выбрались из этой жизни – Заклейменных. И у меня есть план.

Кэррик подался вперед, дрожа от возбуждения:

– Я подумал насчет того, о чем ты говорила вчера ночью. О Креване, о том, что он пытается завладеть видео. Ты хоть понимаешь, какую это дает тебе власть?

Я тоже подумала: мистер Берри и Пиа Ванг знали о видео, и они исчезли. Одна мысль, что Креван думает, будто видео у меня, наполняла меня страхом: он охотится на меня, и нет смысла сообщать ему, что я понятия не имею, где видео. Я чувствую себя не как человек, обладающий властью, а как самый преследуемый человек на земле.

Кэррик понял, что я с ним не согласна.

– Селестина, с помощью этой съемки ты добьешься, чтобы Клейма отменили. Мало того, если все поймут, что Креван вынес неверный приговор один раз, возникнет вопрос: а как часто он ошибался в прошлом? Вся система Трибунала пошатнется.

Сердце резко забилося. Да, в этом что-то есть. Впервые для меня забрезжил свет в конце тоннеля: больше чем месть – спасение. Да, Кэррик меня убедил, стоило бы попробовать, но ...

– В чем дело, Селестина? Ты просто должна этим воспользоваться. Показать видео каждому, кому сумеешь.

У меня его нет.

Скажи ему, Селестина. Скажи ему, что видео у тебя нет. Скажи. Я раскрыла рот. Подумала, как сформулировать. Это ведь просто. У меня нет съемки. Он только думает, что она у меня. Потому что так сказал тот человек, который якобы передал ее мне.

Кэррик ждал. Я закрыла рот. Не смогла разрушить его надежды. Он уцепился за этот план, видя в нем единственную возможность исправить все, что с нами случилось. И как знать – а вдруг запись все же у меня. Если я сумею проникнуть в свой дом – она *может* оказаться там. Мысли понеслись вскачь. Возможно ли пробраться в дом так, чтобы стражи не увидели? Или – связаться с родными и попросить их поискать? Сумею ли я это осуществить?

– Ладно, – сказал он, его энергия иссякла, он отступился. – Я слишком много от тебя требую, понятно. Ты только что добралась к нам, устала, а тут я ... И все же, – приободрился он, – я тебя сюда не зря привел. – Он встал, открыл холодильник, выключил свет и положил на пол перед открытым холодильником две подушки. – Садись, пожалуйста, сюда.

Я уставилась на него в полной растерянности. Тот миг, когда надо было отвечать на его вопрос, миновал, я должна была бы почувствовать облегчение, а мне стало тревожно: зачем я что-то скрываю от него? Надо было сказать.

– Все в порядке, Селестина, честно. Тебе надо все обдумать. А пока что – иди ко мне, садись.

Я села на подушку, единственный свет на кухне – лампочка холодильника.

Он сел напротив.

– У нас будет урок. Готова?

– Да, мастер Уэйн.

Он с трудом скрыл улыбку, и я подумала: как бы он выглядел, если б не сдерживался все время, если б мышцы его лица расслабились и появилась настоящая улыбка, а еще лучше – громкий смех. Как бы преобразилось его лицо?

– Из всех наших чувств едва ли не главное – обоняние. Животные без нюха погибнут. Слепая крыса имеет шанс выжить, но крыса без обоняния не способна ощущать вкус, она не найдет себе ни партнера, ни пищу.

Я начала соображать, к чему он клонит.

– Твоя мама сказала тебе, что я не смогла распробовать деньрожденный торт.

– Кое-что в это роде, – мягко согласился он.

– И ты сравниваешь меня с крысой! – надулась я.

Уголки его рта дернулись, удерживая улыбку.

– Послушай. Вкус ты на время потеряла, но обоняние при тебе. То, что мы воспринимаем как вкус, на семьдесят процентов зависит от обоняния.

– Я не знала.

Первые недели после Клеймения я почти не могла есть, потому что язык распух, потом с него слезала кожа. Прошел уже месяц, и я по-прежнему не различала вкуса еды. Я уж решила, что до конца жизни так и будет, и тем лучше, потому что в диету Заклейменных вкусоности не входят. Раз уж мне предстоит вечно питаться кашей и бобами, я предпочту не чувствовать их вкуса.

Кэррик продолжал урок:

– Когда ты кладешь еду в рот, молекулы пищи попадают через проход между ртом и носом на рецепторы запаха в назальной пазухе, которая расположена позади переносицы, у входа в мозг.

Я насмешливо пошевелила бровями:

– И какова была на вкус энциклопедия, которую ты проглотил?

– Меня хорошо учили в школе, – саркастически парировал он. – Итак, ты не чувствуешь вкуса, но чувствуешь запах, а еще ты можешь ощущать температуру пищи и ее плотность. Используй все это.

Я закивала.

– Мы в школе проводили опыты. Брали пять предметов – сосновую шишку, палочку корицы, лимон, тряпочку с детской присыпкой и нафталиновый шарик. Вдыхали их запахи по очереди, пока не возникали воспоминания. До восьми лет я ненавидел своих родителей. В интернате меня учили ненависти к ним. Слушая, что нам говорили о Заклейменных – и так и не дождавшись, чтобы они пришли и забрали меня, спасли, – я стал их ненавидеть. А потом нам велели провести этот опыт, и ко мне вернулись воспоминания – хорошие воспоминания, радостные. Тут-то я и призадумался, так ли уж плохи мои родители. Я стал записывать и не мог остановиться: одно воспоминание тянуло за собой другое, а за ним третье, и так далее. Я спешил записывать, боясь, что иначе забуду все, и уже навсегда, я каждый день вносил новые открытия в мой тайный дневник – все, что сумел вспомнить о родителях. Этот дневник я никому не показывал, я его хорошенько спрятал: в том заведении они стараются вывести каждую твою мысль.

Я прямо-таки увидела Мэри Мэй, как она сидит в моей комнате и читает мой дневник, в голову мне пытается залезть.

– После этого эксперимента все для меня переменялось. Я понял: то, что мне говорили о родителях, – неправда.

Мне хотелось обнять его, утешить, сказать, как я жалею его, того маленького мальчика, у которого так рано отняли родителей, но было в Кэррике что-то такое, что каждый раз вынуждало меня остановиться. Очень уж он сдержан, словно окружен силовым полем, как будто стекло, которое разделяло наши камеры в замке, так никуда и не делось. Вот он передо мной – но коснуться его я не могу.

Он откашлялся.

– Нервные окончания есть повсюду – в глазах, в носу, во рту и глотке. Они различают холодок мяты и остроту перца чили. Используй их. Ты же не первая, с кем это случилось.

– С твоей мамой тоже так было после Клеймения? – догадалась я. *Как и почему она солгала?* Хотелось бы мне знать.

– Такое случается не только с Заклейменными. Неспособность различать вкус называется «агевзия».

– Такое реально бывает? – удивилась я.

– Да, бывает.

Меня это обрадовало.

– Итак, вот мешочек для вкуса, – он положил его у наших ног, – а вот мешочек для запаха.

Я рассмеялась.

– Мы возьмем, – он обшарил полки большого холодильника, – даже Бахи.

Я засмеялась еще громче:

– Он держит даже в холодильнике?

– Да, он странный. Потребляет за день больше сладкого, чем Ивлин съест за неделю, и ни с кем не делится – тем приятнее будет ...

Он вытащил пакет драже и велел мне отвернуться.

– Что ты делаешь?

– Давлю драже, чтобы наполнить ароматом мешочек для запаха. Итак. – Из заднего кармана джинсов он вытащил бандану. – Закрой глаза.

Зайдя за спину, он бережно завязал мне глаза. Случайно коснулся пальцем лица, и я почувствовала, как закололо кожу, волоски на руках поднялись дыбом. В прошлый раз глаза мне завязали одноклассники – разыграли жестокую шутку. Раздели меня, осматривали мои шрамы с омерзительным любопытством, точно я чудище, выставленное напоказ в цирке. Тогда мне было страшно, меня это сломило, лишило веры в людей и надежды на новую жизнь. А на этот раз я оставалась совершенно спокойной – и если чуть-чуть волновалась, то это было приятное волнение. Вопреки страху, который объял меня у ворот завода, я теперь совершенно и полностью доверяла Кэррику. Он стал моим надежным партнером. Если мое шестое Клеймо имеет такую силу, как думает Кэррик, то ведь он не воспользовался этим в своих интересах. Он мог бы сам попытаться шантажировать Кревана, но он этого не сделал, он вообще никому не сказал. Он хочет, чтобы приговор сняли с меня.

– Годится. – Он снова зашел спереди. – Теперь попробуй.

– Только не вздумай перца добавить! – рассмеялась я.

Я раскрыла рот и почувствовала на языке драже. Сжала губы, стала старательно жевать. Ничего не почувствовала – другого я и не ожидала. Различала только плотность драже, да и то не угадала бы, что это, если бы Кэррик заранее не сказал.

– Запей водой.

Я сделала глоток через соломинку.

– А теперь понюхай. – Он поднес мешочек к моему носу, и я вдохнула запах раздавленных драже.

– Клубника, – легко угадала я. С обонянием у меня, по крайней мере,

все в порядке.

– Теперь пробуй. – Он снова положил мне в рот драже.

Я ожидала почувствовать вкус клубники, но что-то не то.

– Это не клубника! – нахмурилась я.

– Ага! – отозвался он, довольный. – Мы продвигаемся.

– Вот как! – ободрилась я.

– Нюхай.

Я вдохнула.

– Апельсин.

– Теперь пробуй.

Я почувствовала его пальцы на губах и открыла рот. Столько всего обрушилось на меня разом – и эти драже, и все, что происходило между нами, – я с трудом могла сосредоточиться. Каждое чувство было обострено до предела. Я постаралась прислушиваться к ним по очереди. Жевать вдумчиво, втягивая в себя аромат, дожидаясь, пока нервные окончания распознают горький, солоноватый, сладкий или кислый запах. Я узнала вкус – такой же, как в прошлый раз. С горчинкой.

– Апельсин.

– Да! – Он был счастлив. – Еще разок.

Кэррик упорен, он умеет добиваться своего. Мы повторяли опыт снова и снова, пока я не научилась пользоваться обонянием. Он перебрал почти все, что нашел в холодильнике, и в итоге я научилась определять вкус, не вдыхая сначала аромат из мешочка.

– Итак, последнее.

Он положил мне в рот драже, и я сосредоточилась, сосредоточилась изо всех сил. Кэррик говорил, что вкусовые бугорки есть и в гортани, – этого я раньше не знала. И я могу принюхиваться, пока жую. Чувствую себя животным: вся погружена в еду, нюхаю и ем в полной темноте, главное для меня – запах, и я ищу другие подсказки.

– Мята? – попыталась я угадать.

– Идеально!

Я улыбнулась. Давненько я не слышала этого слова – и не к чему было его приложить.

У нас с Артом ни разу не было секса. Мы встречались полгода и были уже на грани, но не успели – а когда меня заклеямили, это изменило нашу

жизнь, нас обоих. За несколько дней до того, как я бежала, он признался, что любил меня, – не в том, что любит *сейчас*, а в том, что любил *раньше*. Несколько секунд я ликовала, а потом осознала разницу, и тогда что-то во мне умерло.

Наедине мы исследовали тела друг друга, но застенчиво, неуклюже. С Кэрриком все иначе. Он разбил то прозрачное, разделявшее нас стекло – как только начал эксперимент с запахами и вкусами. Я ощущала такую близость к нему, и мы, наши тела, столько уже пережили вместе, что это крепко связало нас. Телесно мы соединены неразрывно, хотя вовсе не этого добивался Креван, уродуя нас, желая сделать наш облик отталкивающим, угрожающим, чтобы никто не пожелал иметь дело с Заклейменными. Так он сам и сказал, вынося приговор: Клеймо на язык, чтобы каждый, кто заговорит со мной или захочет поцеловать, понял, что я – лгунья. Мне врезалось в память, как это Клеймо отпугнуло Арта, даже если он сам не заметил невольного своего движения. Но с Кэрриком я чувствую себя совсем не так, как хотел бы Креван: оказывается, наказанные им люди могут обрести утешение и гармонию друг в друге.

Я не знала, где теперь Арт, вернулся ли он к отцу или сбежал от него. Один раз я задала дедушке этот вопрос, но он сразу же меня одернул – нет, он не был жесток, он, я так понимаю, просто не желал отступать от реальности. «Зачем тебе знать, где этот парень?» – спросил он. «Ну, просто», – пробормотала я бессвязно, мне стыдно было обсуждать свои чувства с дедом, тем более что поклонником Креванов он никогда не был.

Дед бросил работу и смерил меня суровым взглядом. «Он про тебя забыл, детка, и советую тебе брать с него пример».

Больше я его не спрашивала.

Я сняла с глаз повязку и встретила с взглядом Кэррика – внимательным, в упор. Свет из холодильника отражался в его черных зрачках, словно глаза у него кошачьи.

Он удивился, когда я потянулась к нему и стала расстегивать верхние пуговицы хлопчатой рубашки. Три пуговицы, пока пониже загорелой шеи не обнаружила более бледную кожу, скрытую воротником. А вот и Клеймо, шраму всего месяц, он все еще красный, свежий, как у меня, постепенно заживает, понемногу тело привыкает к нему.

Дыхание Кэррика стало медленным, глубоким, я видела, как вздымается и опадает его грудь. Он переводил взгляд, чуть ли не с тревогой, с моего лица на пальцы, остановившиеся в воздухе в нескольких миллиметрах над шрамом. Потом я прижала пальцы к его коже, обвела указательным пальцем знак П, прошла по дуге круга, в который

заключена эта буква. Я слышала, как под моими пальцами бьется его сердце. Это Клеймо означало измену обществу, неповиновение Трибуналу: отучившись тринадцать лет в интернате, где его старались очистить от родительских пороков, он все же отправился искать свою семью. Повернулся спиной к Трибуналу. И эта его измена означала верность добру и справедливости, всему, что честно и подобает человеку.

Я придвинулась ближе, прижала губы к шраму, услышала, как Кэррик выдохнул. Я подняла глаза, проверяя, не причинила ли ему боль, но его веки были сомкнуты, а ладонь словно сама собой коснулась моих волос, правого виска. Он потер подушечкой большого пальца мой висок. Мой шрам.

«За ошибку в суждении – на правом виске». Я услышала голос Кревана, грохотавший на весь зал суда, так отчетливо, словно он был в кухне рядом с нами. Кэррик поднял мою правую руку, теперь его большой палец описывал круг на моей ладони. «Вы обворовали общество, и Клеймо будет выжжено на вашей правой руке. Всякий раз, когда вы протянете руку порядочному члену общества, чтобы поздороваться, он распознает в вас воровку».

Он поцеловал мою ладонь – нежно, бережно.

Потом захлопнул дверцу холодильника, и мы оказались в темноте.

– Кэррик! – шепнула я.

– Потаает же.

Я усмехнулась, потом, не выдержав, расхохоталась.

– Пошли ко мне, – шепнул он.

21

– Где Леннокс? – спросила я, войдя в спальный отсек и учуяв мужской запах – тут уж не ошибешься.

Кэррик ногой запихнул кучу грязной одежды под кровать. Я притворилась, будто ничего не заметила.

– Тут его нет.

Я рассмеялась.

Спальня Кэррика была обустроена в точности как наша с Моной, только беспорядку больше. Кэррик присел на двойную кровать.

– Поверить не могу, что ты здесь.

– Мне следовало поупрямиться? – поддразнила я.

– В смысле – верить не могу, что сумел тебя найти. Я обещал тебе в

замке, но это оказалось труднее, чем я думал. За тобой следили в оба. И я хотел увидаться с родителями, ясное дело, хотел, но теперь ... Теперь, когда ты с нами, пора уходить отсюда. Пора нам наконец! – повторил он возбужденно.

– Нам – это кому именно?

– Ты и я, и с нами Фергюс, Лоркан, Леннокс. Может быть, и Мона присоединится. С родителями я это не обсуждал. У Бахи начинается истерика, если кто-то заспорит, какую телепрограмму смотреть, уж не говоря о движении Заклейменных.

– Значит, ты да я да Фергюс, Лоркан и Леннокс спасем мир, так?

– Не мир. Но хотя бы страну. А чтобы изменилась страна, достаточно изменить кое-какие настроения.

В изумлении я уставилась на него.

– Селестина. – Он взял меня за руки и усадил рядом с собой на кровать. – В глазах большинства людей Креван всемогущ. Он контролирует Трибунал, а Трибунал научился манипулировать правительством – может быть, потому, что прежних чиновников почти всех заклеямили, а новые живут в страхе перед монстром, которого сами и породили. Народ пока поддерживает Кревана, но *ведь не все и каждый*. Ты привлекла внимание даже тех людей, кто раньше ничего не желал слушать. Я сразу понял, что ты – особенная. А теперь я знаю, что у тебя есть на него управа.

Шестое Клеймо. И видеосъемка, показывающая, как это произошло. Я почувствовала стеснение в груди – надо признаться Кэррику, что записи у меня нет.

– Эта съемка обличит Кревана. Он лишится доверия, лишится власти. Ты в силах принудить его отменить приговор. Ты же сама понимаешь. И, если доказать, что с тобой он допустил ошибку, возникнет вопрос, сколько еще ошибок он допустил. Вся система окажется под сомнением. И тогда у нас есть шанс обрести свободу. Но ключ к этому – у тебя в руках.

– И это все? – переспросила я в страхе. – Я вот так просто заставлю Кревана передумать?

– Это в твоих силах, Селестина, – повторил он негромко.

– Но у меня нет больше сил, Кэррик! – в отчаянии призналась я и почти упала на кровать рядом с ним. – Я не могу больше!

Только это и сумела я выговорить, потому что горло перехватили слезы, усталость одолела меня. Кэррик осторожно отвел мои руки от лица, подтянул меня к себе. Я уронила голову ему на грудь, рубашка его так и оставалась расстегнутой, мои слезы капали на его шрам. Он дал мне минутку выплакаться, сидел неподвижно и обнимал меня. Потом

заговорил:

– Знаешь, какая мысль помогает мне, когда кажется, будто я с чем-то не справлюсь?

– Представляешь себе розы под дождем? – прохныкала я.

Он не засмеялся в ответ. Такого поди рассмеши.

– Нет, я думаю о тебе.

Я даже отодвинулась немного – не ожидала.

– Вспоминаю, как ты вела себя в автобусе, на суде и в камере, – тихо продолжал он, давая нам обоим возможность все вспомнить. – Самый храбрый, самый сильный человек, какого я видел в жизни. Ты – мое вдохновение, Селестина. Каждый раз, когда мне кажется, что я не справлюсь, что выхода нет, я думаю о тебе. Нет другой, похожей на тебя. Такой отважной, такой чертовски упрямой. А теперь у тебя в руках власть. Ты словно Супермен, а Креван – Лекс Лютор.

Я засмеялась сквозь страх и печаль:

– Жутковатое сравнение.

Он смутился:

– Я же с тобой всерьез говорю!

– Ох!

– Там, в камере, я увидел, какой потрясающей силой ты обладаешь. Сам я, попав туда, был напуган до ужаса. А потом стал думать о тебе – все время только о тебе. Хотел быть храбрым, как ты. И я не вскрикнул, когда меня клеймили, – как ты. Я рассказывал Лоркану, Фергюсу и Ленноксу о тебе, что в тебе есть ... *что-то*, нужно только подождать, и они убедятся. Даже если ты сама не признаешь этого, Селестина, оно пробуждается в тебе, когда ты этого совсем не ждешь, когда наступает время.

– Они будут здорово разочарованы, если ты посулил им Супермена.

– Они уже поверили мне. Они видели, как ты повела себя в супермаркете, дала отпор тому полицейскому. Только они пока не знают про ...

– Ш-ш. – Я приложила палец к его губам.

Под дверью мелькнула какая-то тень.

Кэррик проследил за моим взглядом. Словно почувствовав, что мы ее заметили, тень торопливо сместилась. Кэррик вскочил, распахнул дверь, пробежал по балкончику, громко стуча ботинками по металлическому полу.

Я откинулась на постель.

Он вернулся, запыхавшись:

– Не догнал.

– Не беда. Главное, ты не произнес вслух, – сказала я равнодушно, глядя в потолок и чувствуя, как испаряется ощущение безопасности, охватившее меня утром в этом убежище.

Конечно, Кэррик прав: надолго здесь оставаться нельзя. Я уже тоскую по родителям, по Эвану и Джунипер, тоскую по нормальной жизни. Но не только в этом дело: здесь, в этом месте, есть свои подводные камни, которые я сразу не разглядела. Нет, тут тоже небезопасно.

Кэррик осмотрел коридор и закрыл дверь.

– Ты как? В порядке?

– Мой новый спокойный и счастливый мир только что рухнул. Так что, боюсь, нет.

Он подошел, вытянулся на кровати – надо мной, упираясь локтями, нависая. Прижался губами к моим губам, долгий поцелуй. Потом отодвинулся и спросил снова:

– А теперь?

– Почти, – шепнула я.

Я улыбнулась.

– Итак, на чем мы остановились? – Он поднял мою руку и поцеловал ладонь. – Раз. – Поцеловал правый висок. – Два. – Потом настал черед рта, он поцеловал мой заклеянный язык. – Три. – Потянул мою футболку за подол, поднял ее и обнажил шрам на груди, между чашечками бюстгалтера. Теперь он повторил мой жест – бережно обвел пальцем Клеймо, прежде чем поцеловать. – Четыре. – Он медленно продвигался вниз, поцеловал пупок, на котором никакого Клейма вовсе не было, но я не стала спорить. Он снял с меня обувь и носки. Правая подошва тоже заклеена, «за сговор с Заклеяменными, за то, что стала на их сторону и вышла из общества». Он поцеловал и это Клеймо, я слышала, как он прошептал: «Пять», касаясь губами моей кожи, и в то же время я слышала другие голоса, крики, шум и ярость, молоток, грохочущий в зале суда. Голова поплыла, все это словно вернулось ко мне.

Он опустил на колени и посмотрел на меня.

Я занервничала. Сердце сильно билось. Я клялась, что никому никогда не покажу.

– Повернись, – попросил он.

Я покачала головой, через силу сглотнула.

Своими широкими ладонями он обхватил мои бедра, помог мне

повернуться. Я подчинилась, оказалась на боку, и он лег подле, позади меня, рукой обхватив меня за талию. Если его ужаснуло то, что он увидел, он ничем этого не обнаружил. Шестое Клеймо не по приговору суда, его наносили без обезболивания, это сделал собственноручно обезумевший от ярости Креван. Я дернулась, когда раскаленное железо прожгло кожу, и «П», там расплывшееся, нечеткое, выглядит так же страшно, как страшен был сам акт. Кэррик двинулся вниз от ямочки пониже затылка, языком лаская позвоночник, косточку за косточкой, до поясницы, и там поцеловал самое болезненное мое Клеймо – то, которое, по его мнению, дает мне власть. И я услышала, как Креван орет, перекрывая охватившую всех в камере Клеймения панику: «Поставьте ей Клеймо на позвоночник! Ни разу еще нам не попадался человек, испорченный до мозга костей, как эта девчонка ...» А потом его вопли стихли, я больше его не слышала. Он ушел из моей головы. Я свободна.

– Шесть! – прошептали мы с Кэрриком одновременно.

В спальном вагончике было тесно, крошечное окошко почти не пропускало воздуха, а ночью все еще было жарко. Мы устроились поверх одеяла, переплелись ногами, голову я опустила Кэррику на грудь. Левая рука тоже покоилась у него на груди, словно охраняя Клеймо, а он левой рукой держал меня за правую ладонь, пальцем обводил Клеймо. Не знаю, заметил ли он, как естественно мы оба заняли такое положение.

– Значит, двое Заклейменных вместе – идеальная пара, – подытожил Кэррик, вызвав у меня смех. – Шутник из меня не очень, – тут же извинился он.

– Тебе и не нужно. Оставайся серьезным – злым – сексуальным. – Я поцеловала его в уголок рта.

Арт был веселым, заводным, это мне больше всего в нем нравилось. Он все время смешил меня, мог разрядить напряженную атмосферу вовремя сделанным замечанием. А еще умел точно попасть невпопад – тоже талант. Я вдруг почувствовала себя виноватой, тело резко напряглось.

– Что? – спросил меня Кэррик.

– Мм, ничего.

Но он словно читал в моих мыслях.

– Я подумал, у нас есть способ добраться до Кревана. У тебя ведь еще один рычаг есть. Он любит своего сына, теперь он тем более вцепится в

него. Ради него Креван что угодно сделает.

Я оцепенела. Он хочет использовать Арта?

Так омерзительна была мне сама эта мысль, а тем более бестактно выбранное время и способ подачи, что я неуклюже отодвинулась от Кэррика и попыталась выпутаться из его ног, но он был силен и ловок. Кое-как я выбралась из постели, но только потому, что Кэррик сам уступил мне. Я принялась поспешно одеваться.

– Полно, Селестина. – Он сел, простыня сползла с его бедер, приоткрыв татуировку – флюгер, – которую он сделал себе в шестнадцать лет в школьной поездке, а что она значит, объяснять мне не захотел.

– Ты ради этого решил переспать со мной? – выпалила я. – Чтобы я приняла твой план? Использовать меня, чтобы добраться до Арта и через него до Кревана?

– Нет, – ответил он строго, но спокойно. Он не повышал голос, не разыгрывал драм, как я, говорил ровно и уверенно: – Просто мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы вернуть себе свою жизнь.

– Но не за счет жизни тех, кого мы любим.

Пауза.

– Ты его любишь? – бесстрастно уточнил он.

– Нет! Говорю же, нет.

– Ты по-прежнему носишь браслет, который он тебе подарил.

– Откуда ты знаешь, что это его подарок?

– Слышал в камере.

Верно, припомнила я. Браслет я не сняла даже в камере Клеймения. А тот страж, который меня клеймил, оказался ювелиром, сделавшим этот браслет. Его это потрясло – ставить Клеймо порока на девушке, для которой несколькими днями раньше сделал этот символ идеала. Пусть тогда он и не был со мной знаком.

– Значит, будешь защищать Арта, что бы он с тобой ни сделал? – продолжал Кэррик.

– Что конкретно он сделал со мной?

После того как меня заклеямили, Арт сбежал, он прятался, одна только Джунипер знала где, и это меня сильно задело. Но с тех пор я поняла, что он не пытался спрятаться от меня, не хотел причинить мне боль, – он прятался от своего отца, возненавидел отца за то, что тот сделал со мной. Ничего этого Кэррик, разумеется, не знал. Его при этом не было, а я ему не рассказывала.

– Так о чем ты, Кэррик? Что, по-твоему, Арт сделал со мной?

– Ничего, – с непроницаемым лицом ответил он.

– Никаких секретов между нами, выкладывай все. – Я почувствовала себя лицемеркой, сама-то я не сказала, что у меня нет той записи. На меня смотрела старая привычная маска Кэррика – не выдавать никаких чувств, – но вот она дрогнула.

– На его месте я бы не бросил тебя без помощи там, в автобусе. Он позволил им арестовать тебя – я бы тебя не отдал без драки. Я бы заставил арестовать и меня тоже. Я бы постоял за тебя и в автобусе, и на суде. Я бы сказал газетам и радио всю правду. Все ждали его показаний, а он отмолчался.

– Он пытался заступиться за меня в суде, – тихо возразила я.

– Эта его истерика в последний момент? Слишком поздно. И больше было похоже, что мальчик обиделся на папочку. Я бы просто не допустил такого, – серьезно и спокойно договорил Кэррик.

Тут-то я и поняла, что имел в виду дедушка, говоря: «Он про тебя забыл». Я никогда не думала о нашей истории так, как ее описал Кэррик. Я все время смотрела на нее глазами Арта, сочувствовала его страху, его невозможной ситуации, но, кажется, Кэррик прав: наверное, Арт мог бы постараться ради меня и сделать больше.

– Ты каждый день приходил на суд, – вспомнила я.

Да, Кэррик – человек надежный, он поддержал меня, а мой возлюбленный этого не сделал.

– Но, когда ты впервые меня увидел, ты на меня взъелся.

– Возненавидел тебя, – кивнул он.

– Эй! – Я легонько шлепнула его по руке. Он перехватил мою руку и снова притянул меня ближе.

– Ты кинулась Кревану в объятия, – сказал он. – Помню, как вы все – ты, и твои родители, и он – сгрудились вокруг стола и давай придумывать выход, а вся кровать устлана новыми одежками, словно они могли что-то исправить. Жалкое зрелище.

– Когда же ты перестал меня ненавидеть? – спросила я.

Он пронзил меня взглядом:

– Минут так пятнадцать назад.

Я покачала головой, скрывая улыбку.

– Да уж, шутник из тебя ...

– Как только впервые увидел тебя на суде.

– Судья Санчес решила не отпускать меня домой до приговора. И тогда ты понял, что Трибунал не на моей стороне.

– Нет. Раньше. Когда ты вошла в зал заседания, ты была такой испуганной – в жизни не видела такого испуганного человека. И я думал,

меня это обрадует. Думал, буду рад слышать, как тебя проклинаят, пока ты идешь в суд. Хотел уговорить себя, мол, поделом девчонке, но, как только увидел тебя в суде, понял: «Эта девочка вовсе не ждет, что ей все преподнесут готовенькое». Тебе страшно было – с самого начала, – и тем поразительнее была твоя отвага.

Как ни странно, я застеснялась от его комплиментов.

– Прости, что набросилась на тебя, – вздохнула я.

– Да я понимаю. Неудачно выбрал время.

– Отмотаем на пять минут назад?

– Давай больше, – улыбнулся он. – На полчаса. Попробую снова, не забыл ли я правильную комбинацию. Как бишь? Один-два-три? Надо записать, – бормотал он, снова целуя мои Клейма.

Нырнул под мою футболку.

– Нашел! – послышался приглушенный голос.

Снова я рассмеялась.

И тут заверещал сигнал тревоги.

24

Голова Кэррика вынырнула из-под футболки, он мгновенно спрыгнул с кровати и оделся. Я, к счастью, и не раздевалась, только кеды нащупать.

– Что случилось?

– Не знаю. Ничего хорошего.

Дверь в комнату распахнулась. Это Леннокс, он словно не заметил, что я посреди ночи оказалась в спальне Кэррика и Кэррик полураздет.

– Стражи у ворот.

– Господи! – Сердце ухнуло в желудок. Нашли меня даже в убежище.

В восточном крыле, где жили Заклейменные, паника. Все носились туда-сюда, заспанные, никак не опомнятся. Заклейменные, работавшие в ночную смену, кинулись к спальным вагончикам, все были перепуганы. Я увидела с десяток людей, с кем пока еще не была знакома. А вот Эдди, краска заливает лицо и шею, словно страх вызвал аллергическую реакцию.

– Что происходит, Эдди?! – окликнул его Кэррик.

– Понятия не имею, но усвой одно: я ничего про ваши дела не знал, ясно?

Мона глянула злобно:

– Твоя задница в безопасности, Эдди, нечего психовать, помоги лучше и нам спастись.

Корделия обеими руками цеплялась за Ивлин, от страха она совсем растерялась. Если стражи обнаружат нас и арестуют, Ивлин навсегда отберут у матери – она Порочна с рождения.

– Каковы правила? Каков план? Что вы делаете в таких ситуациях? – Я с трудом скрывала дрожь в голосе.

Эдди старался не встречаться со мной взглядом, молча расхаживал по комнате.

– Ну есть же у вас план на такой случай? – Я еще раз оглядела собравшихся.

– Не было нужды, – суетливо ответил Бахи. – За все время, что я здесь, они приезжали дважды, и оба раза нас предупреждали заранее.

– Что ж, на этот раз они приехали не случайно. Кто-то донес, – агрессивно заявил Кэррик.

Я глянула на него в страхе: лицо его было мрачнее тучи.

– Кто из вас донес?! – крикнул он.

– Кэррик! – мягко заговорила с ним Келли. – Никто из нас такого не сделал бы. – Она протянула руку, но Кэррик отшатнулся. Хуже он не мог бы обидеть свою мать: продемонстрировать ей недоверие, чуть ли не в лицо обвинить.

– Где Роган? – спросил Кэррик.

Мы огляделись по сторонам – младшего брата нигде не было, даже в любимом темном углу.

– Как удобно, – озлобленно продолжал Кэррик. – Кто-то предупредил стражей – и Роган как раз пропал.

– Как ты смеешь! – Мать ударила его по лицу – и отдернула руку, словно сама от себя такого не ожидала, словно ей этот удар был больнее, чем ему.

Я с трудом перевела дух. Адам встал между ними:

– Кэррик, успокойся, соберись. Мы все напуганы. Роган, надеюсь, сумел хорошо спрятаться. Он бы никогда нас не выдал.

– Никогда? – издевательски переспросил Кэррик. – Что ж, вы оба знаете его лучше, чем я.

Бахи попытался, как мог, успокоить всех:

– У меня есть пропуск в лабораторию. Стражей туда не пустят без особого ордера. Им придется ждать утра, пока получают ордер, бюрократическая процедура на этот раз играет против них. Все, кто пойдет со мной, будут в безопасности.

Кэррик смерил его подозрительным взглядом:

– Ладно, все идите с Бахи, а мы с Ленноксом, Фергюсом и Лорканом

попробуем прорваться. Селестина, держись рядом.

Я понимала, что у Кэррика есть план, и даже не стала спрашивать какой. Я доверяла ему.

– Селестина пусть лучше пойдет с нами, – сказал Бахи, покровительственно обнимая меня за плечи. – Там для нее слишком опасно. Я позабочусь о ней. Даю слово.

Кэррик покачал головой:

– У нас продуман план, как выбраться. Мы сразу сядем в джип и уедем. Если кто-то идет с нами – идем, но ждать больше нельзя.

Он схватил меня за руку и потащил за собой.

– Ты ведешь ее прямо к ним в лапы! – крикнул вслед Бахи. – Стражи перекроют все пути. Подумай сам, Кэррик!

Кэррик остановился, засомневавшись.

– Ты должен нам верить! – со слезами на глазах вмешалась Келли.

Я видела, Кэррик уже чувствует себя виноватым за то, как обошелся с матерью. Он оглянулся на меня. План Бахи выглядел надежнее, чем его собственный. Если я хорошенько спрячусь, у меня будет шанс – это лучше, чем самой бежать прямо в руки стражей.

– Давай останемся, – шепнула я Кэррику.

– Всем нельзя, – ответил он. – Я рискну. Ты спрячься вместе со всеми. Я подготовлю джип. Продумаю план. Когда надо будет, вернусь за тобой. Верь мне.

– Верю, – улыбнулась я.

Он торопливо меня поцеловал.

Бахи похлопал его по спине.

– Она в надежных руках. Все за мной, – поторопил он, а меня даже взял за руку.

Мы пошли с Бахи через восточное крыло, вниз по ступенькам, на улицу, в ночную прохладу. Скоро взойдет солнце, я уже видела свет на горизонте. Что-то с нами будет к тому времени, как наступит утро? Теперь мы уже бежали со всех ног, низко пригибаясь, следом за Бахи – через территорию завода, избегая основных дорожек. Хотя Бахи и говорил, что не готовил план отступления, я готова была поклясться, что маршрут прочно отпечатан у него в голове, должно быть, он каждый день проверял его на всякий случай. Рогана нигде не видно – неужели Кэррик был прав? Роган ведь в самом деле не обрадовался внезапному вторжению старшего брата в их жизнь, но он бы вряд ли задумал такое, тем более что вполне могут схватить его самого, уничтожить его семью. Но вот в чем Кэррик, возможно, прав: это мог быть в самом деле кто-то из здешних. Я с ужасом

подумала, не Леонард ли, и тогда, значит, во всем виновата я сама. Если б я рассказала Кэррику, что Леонард приходил и расспрашивал меня о Лиззи, у нас оставалось бы в запасе время придумать запасной план.

Кто подслушивал нас с Кэрриком за дверью?

Мы пробежали шесть лестничных пролетов, стараясь по возможности бесшумно ступать по металлу, и выбрались на крышу. Бахи впереди, он уже остановился возле той особо охраняемой двери, открыл ее своей карточкой, чтобы впустить нас. Все забежали внутрь, ринулись дальше по коридору. Сами размеры этой двери внушали доверие: огромный стальной шит, который укроет нас от стражей, куча замков и засовов. Безопасность и надежность – наглядно.

Ивлин вбежала передо мной, и настал мой черед, но тут Бахи преградил мне путь.

Улыбка исчезла с его лица, глаза, спрятанные за тонированными стеклами очков, оледенели.

Он крепко сжимал дверную ручку.

– Бахи! – Я словно со стороны услышала дрожь своего голоса.

– Это ты навлекла беду на нас. Зачем ты сюда явилась?

И он захлопнул передо мной дверь.

25

Я осталась стоять на крыше в полной растерянности, внизу целая армия стражей уже заполняла огороженное пространство. Красная униформа, цвет угрозы, словно кровь хлынула сюда, во внутренний двор. Снаряжены как для столкновения, в черных шлемах, со щитами – на какое сопротивление они рассчитывали? Что в них будут стрелять? И тут я соображаю: это делается напоказ, для телевизионной картинки. Продемонстрировать публике, насколько опасна Селестина Норт.

Прятаться уже поздно, здесь, на крыше, я как на ладони, стоит лишь кому-то из них задрать голову. И слезть с крыши невозможно – живой до земли не доберешься.

Стражи полезли по металлической пожарной лестнице, а меня охватила парализующая паника. Все кончено. Пройти столько испытаний – и кончить этим. Но вдруг у моих ног поднялась крышка люка, выглянула голова. Я отскочила, забилась в угол: конечно же это лезет страж.

– Сюда! – торопливо, нервно окликнул меня Леонард.

Одна секунда в запасе, чтобы оценить его надежность. Мысленно я

проклинала себя – надо было пойти с Кэрриком, у меня был шанс. Кроме него, никому верить нельзя. Ботинки стражей загрохотали по металлической лестнице. У Леонарда открытое и честное лицо, Кэррик говорил, Леонарду можно верить. Я верила Кэррику. Дедушка не велел никому доверять. Дедушке я доверяла. Голова кругом.

Но других вариантов не оставалось. Прыжок веры – я кинулась к Леонарду. Он стоял на лестнице, протягивая мне руку. Я ухватила его за руку и спустилась внутрь, а Леонард поспешно и бесшумно закрыл над нашими головами крышку люка. Мы оказались в узком коридоре, не знаю, для вентиляции он был предназначен или для обогрева, но воздуху здесь маловато, душно. Мы скорчились, присели.

Леонард прижимал палец к губам, веля мне молчать, но без особой нужды – я была напугана до обморока и, прислушиваясь к его и своему частому дыханию в этом душном проходе, понимала, что ему так же страшно. Над нами грохотали ботинки стражей, пытавшихся разгадать трюк: как это Селестина Норт ухитрилась исчезнуть?

Сердце болезненно билось, я видела пот, проступивший у Леонарда на лбу, чувствовала исходящий от него запах страха. Люди, которых я любила, сделались врагами и преследователями, но другие люди, от которых я вовсе этого не ждала, воскресили во мне веру. Всякий раз такие поступки для меня – полная неожиданность, они разбивают мне сердце или кажутся незаслуженным чудом. Наверное, Джунипер могла бы все это точно прогнозировать, она гораздо лучше, чем я, разбиралась в людях и ситуациях. Увидев это, она сказала бы: «Наконец-то начинаешь соображать, Селестина!»

Тяжелые шаги кружили над нами, в растерянности метались, порядок сломан, точно отряд муравьев, сбившихся со следа. Я не замечала тот люк, пока он не открылся: его обводы сливались с полом. Если повезет, стражи тоже его не разглядят, но ведь они прошли специальную подготовку, их учили замечать все, их таким фокусом не обманешь.

– Они не смогут открыть его сверху, – шепнул мне Леонард, опалая горячим дыханием мою шею. – Оттуда они не влезут. – Он ткнул пальцем в панель на потолке, открыть ее можно только карточкой-пропуском. – Но скоро они попытаются подобраться к нам по-другому.

Топот наверху прекратился, теперь стражи принялись колотить в ту дверь, за которой укрылся Бахи и все остальные. Родители Кэррика, маленькая Ивлин с Корделией, Мона – мне представлялось, как все они сгрудились внутри, пытаясь себя уверить, будто им ничего не грозит.

Это ты навлек беду! Мысленно я возвратила Бахи его слова, гнев

распирал меня. Бахи, вождь этого маленького народа, миротворец: если это он вызвал стражей, чтобы избавиться от меня, то его страх перемен приведет к куда более значительным переменам, чем могла бы спровоцировать я, – и неизбежно принесет горе тем людям, о которых он так пекся.

– Бахи запер дверь и не впустил меня, – шепнула я Леонарду. – Может, он сам и вызвал стражей? Но с чего бы ему рисковать собственной свободой?

– Меня это не удивляет. – Он сердито покачал головой. – Лиззи всегда считала Бахи мерзавцем. Терпеть его не могла. Конечно, это он.

Так я ничему и не научилась, подумала я. Сразу купилась на рыцарственное поведение Бахи.

Я почувствовала, что обязана отплатить Леонарду доверием за доверие.

– Я спрашивала Мону о Лиззи, – шепнула я и вопреки всему, что творилось над нами, увидела, что Леонард весь обратился в слух. – Она сказала, Лиззи призналась тебе, что она заклеймена, и ты отверг ее, и поэтому она убежала – сердце ее было разбито.

– Не было такого! – сердито, возмущенно ответил он.

Слишком громко. Я зажала ему рот рукой. Глаза его расширились, он быстро закивал, обещая вести себя тише, желая продолжить разговор.

– Я же тебе говорил, – шепнул он, – я с самого начала знал про ее Клеймо. Догадывался, по крайней мере. У нее Клеймо на груди, и она всегда вела себя странно, если я хотел коснуться ... – Он покраснел до ушей. – Мне это было все равно, я бы никогда ее не отпустил. Я надеялся, она доверится мне, я все время повторял, что не согласен с действиями Трибунала, старался облегчить ей признание. С какой стати Лиззи сказала Моне такое про меня?

Я нахмурилась, соображая, но разгадать эту путаницу не смогла. Неужели Мона солгала мне? Я ведь и с ней почти не знакома, никого тут не успела как следует узнать, но почему-то мне казалось, что она едва ли способна на такой обман.

Я покачала головой.

– Не знаю. Но мы выясним, – решительно пообещала я.

Снова шаги, стражи удалялись от пожарного выхода.

– Спасибо, Леонард, я понимаю, как ты рискуешь.

– Следую твоему примеру. На суде ты сказала, что помогла старику, потому что это правильно. Логика и сострадание, – напомнил он. – Я буду голосовать за партию Жизни.

Я улыбнулась.

– Надо идти, пока они не нашли другой проход. Сюда. – Он тронулся с места, и я последовала за ним по лабиринту, пронизывавшему весь завод.

Леонард привел меня в безопасное место, откуда мы могли наблюдать, как стражи собираются на переднем дворе. По одну сторону они выстроили с десятков Заклейменных, работавших на заводе легально, у всех на рукавах были повязки с буквой «П». Этим предстоит стать свидетелями расправы. По другую сторону отряд стражей караулил пойманных нарушителей – родителей Кэррика, Корделию с Ивлин, Бахи и Мону, всех, кто надеялся укрыться в лаборатории. Сердце забилося отчаянно: их схватили из-за меня, значит, мне следует сдаться. Пусть возьмут меня, а их отпустят – так будет правильно.

Тук-тук-тук.

Я двинулась вперед.

– Ты куда? – встревожился Леонард.

– Нельзя допустить, чтобы их увезли. Их арестовали из-за меня.

– Ты не можешь этого знать наверное! – возразил он. – Селестина! Стой!

Вдруг отчаянно завизжала Ивлин – страж схватил ее, – и я поднялась во весь рост, шагнула – если бы кто-то поднял в этот момент голову, меня бы увидели. Но из темноты взметнулась рука, потащила меня – я пыталась бороться, но, столкнувшись лицом к лицу с тем, кто меня схватил, узнала Кэррика – его запах, – я всем телом прижалась к нему, и он крепко обнял меня обеими руками.

– Даже и не думай! – негромко предупредил он.

– Я не могу допустить, чтобы их забрали!

– Они заберут и тебя и их – что толку? Сама подумай, Селестина.

Он всегда сохраняет спокойствие, даже в таких ситуациях, говорит медленно, как будто взвешивает каждое слово, не то что я, у меня в голове проносятся образы и мысли, страхи и ужасы.

– Как ты выбралась? – спросил он.

Я быстро рассказала ему, Ленноксу, Фергюсу и Лоркану, как поступил Бахи. Все они, кроме Леонарда и Кэррика, удивились и, кажется, не совсем избавились от сомнений. И действительно: Бахи мог оставить меня снаружи, чтобы спасти свою шкуру, но из этого не следует, что он же и вызвал стражей. А если не он, значит, предатель – кто-то еще из наших. Снова я задала себе вопрос, куда подевался Роган, ведь его и тут нет. А Мона солгала мне о Лиззи. Я присела, прячась за спину Кэррика, – страж поволок прочь Ивлин, девочка вопила, лягалась, Корделия выла от горя,

видя, что ее дочь забирают навсегда, но двое стражей крепко ее удерживали.

– Господи! – тихо вскрикнула я, закрывая руками лицо. Я не хотела этого видеть, но я это видела.

– Мы так не договаривались! – крикнул Бахи, и все – там, внизу, и мы наверху – обернулись и уставились на него, потрясенные.

– Все-таки это он! – прошептала я. Хоть я его и подозревала, признание поразило меня.

– Это ты подстроил, Бахи? – обрушилась на него Мона.

Десяток стражей бросились расчищать проход для своего предводителя – предводительницы – она подошла вплотную к Бахи. Тот отшатнулся, дух сопротивления в нем сразу угас. Стражница сняла шлем – с ужасом я узнала Мэри Мэй.

У меня вырвался громкий вздох, и Кэррик зажал мне рот.

– Мы договорились, – повторила Мэри Мэй, – договорились, что никого из вас не тронем, заберем только Селестину. Селестины нигде нет, а о том, что здесь прячется Порочный с рождения ребенок, нас никто известить не удосужился. Ребенка мы забираем – мы обязаны предоставить ей необходимое попечение и воспитание, если еще не поздно ее исправить. – Она с отвращением покосилась на Ивлин.

Я почувствовала, как напрягся всем телом Кэррик. Он-то знает все о попечении и воспитании в интернате.

– Что ты наделал?! – крикнула Корделия Бахи, и тот качнулся прочь от нее, такой ослабевший, легким ветерком с ног сдует.

– Радуйтесь, что вас всех не арестовали. Забирайте ее, – распорядилась Мэри Мэй, махнув рукой.

Никогда прежде я не видела ее в боевой экипировке. Обычно она являлась в образе такой Мэри Поппинс, постоянно навещала нас дома, проверяла, не нарушаю ли я комендантский час и предписанную Заклейменным диету, следую ли всем повседневным правилам для таких, как я. Даже та Мэри Мэй, которая явилась искать меня к деду на ферму, еще не приняла этот новый образ. А эта поднялась на новый уровень, вышла на поле боя. Полная экипировка, шлем, щит – она пойдет на все, лишь бы найти меня. Разве у меня есть хоть малейший шанс?

Ивлин славно дралась. Она пнула стража промеж ног, тот громко выругался, согнулся пополам, уронил шлем. И тут мое сердце пропустило удар. Я почувствовала, как одной рукой Кэррик крепче ухватил меня, а другой снова зажал мне рот, понимая, что я не сдержу крик.

Это был Арт.

Непослушные светлые волосы Арта завитками упали ему на лицо, он крепко держал Ивлин за руку, черты его исказила гримаса боли и злобы.

Корделия мучительно выла, оплакивая свое дитя.

Другие стражи поглядывали на Арта и Ивлин, вроде бы забавляясь, хотя мне бы хотелось надеяться, что все они тоже люди и кто-то, пряча лицо под боевым шлемом, ужасался происходящему.

– Давайте их обеих заберем? – предложил Арт, и звук его голоса разбил мое сердце. – Мать вместе с девочкой?

– Да! Да! – Корделия, упавшая на колени, проворно вскочила – пусть ее тащат хоть на край земли, только бы вместе с Ивлин.

Как я мечтала услышать голос Арта, и вот услышала – здесь, в такой обстановке. Он странно выглядел в этой форме, словно мальчишка, вырядившийся солдатом: неудивительно, что шлем свалился, он был великоват Арту, несмотря даже на его буйную копну волос. Арт и Кэррик – ровесники, но Арт не годится в солдаты, у него детское лицо, он никогда ни к чему не относился всерьез. Сосредоточивался он лишь, когда играл на гитаре, да и тогда сочинял нелепые песенки о зебре в крапинку, о слоне без хобота, о тигре, который сделал маникюр, и жирафе, который ищет водолазку с подходящим воротником, о маленькой брокколи, отказывающейся есть овощи. В таком духе.

Эта нынешняя ситуация совершенно Арту не подходит, это слишком реально и грубо, шуточками не отделаешься. Разлучить ребенка с матерью – вот что он обязан сейчас сделать, а ведь он сам прошел через такое, его мать умерла. Нет, он не сможет. Он не сделает этого.

– Возьмите меня! – раздался внезапно чей-то голос из-за ворот.

Это Роган, он был там, снаружи, на свободе. Зачем же он вернулся? Стражи обернулись и уставились на него.

– Я тоже Порочный с рождения, – продолжал он. Голос его дрожал от страха, но мальчик держался.

– Роган! Нет! – закричала мать Кэррика.

– Какого черта? – сказал Кэррик, приподымаясь, и настала моя очередь удерживать его. Пришлось вмешаться и Ленноксу, иначе мы бы его не остановили.

– Оставьте Ивлин. Заберите меня! – умолял стражей Роган. – Мне четырнадцать лет. Мои родители заклеяны. Я всю жизнь провел вне системы. Возьмите меня!

Мэри Мэй на него и не глянула. Она подала сигнал, и стражи двинулись прочь, не внемля мольбам Рогана, иные умышленно толкали его плечом, пихали, дразнили его, проходя.

– Заберите меня! – Его голос сорвался на высокий, пронзительный визг, руки раскинуты – он потерпел поражение.

Все прошли мимо и сели в машины.

– Я вам не нужен?! – кричал Роган вслед. – Моего брата вы забрали, а я не гожусь?

Я оглянулась на Кэррика: он гневно тряс головой, глаза почернели. Келли бросилась к младшему сыну, обхватила его руками, оба они едва на ногах стояли от усталости, от слез. Надрывный крик измучил Рогана.

Ивлин запихали в машину, ее крики все еще доносились изнутри. Корделия сотрясалась в рыданиях, вновь рухнув на колени. Мне вспомнилось, как вот так же на моих глазах отрывали от семьи нашу соседку Ангелину, как дети рыдали, цепляясь за мать, этот душераздирающий звук, когда у матери вырывают сердце. Тогда я впервые видела, как стражи проводят арест. И уж я позабочусь, чтобы этот сегодняшний раз был последним.

Красные машины уехали, увозя Ивлин.

– Что ты натворил?

Мы все собрались в гостиной, озлобленные, растерянные, никто больше никому не мог доверять, но мы должны были как-то во всем разобраться. Кэррик прижал Бахи к стене. Бахи завопил, его хрупкая спина вдавилась в стену.

– Пожалуйста! – Бахи выставил перед собой руки, защищаясь.

Леннокс, Фергюс, Лоркан и Мона кружили вокруг него, словно падальщики, завидевшие свой обед. Я держалась в стороне, слишком была растеряна и не знала, что говорить или думать. Я чувствовала себя виноватой, во мне причина всех бед, даже если на спусковой крючок нажал в итоге Бахи. Он бы не сделал этого, не явись я в их убежище.

– Я задыхаюсь ... задыхаюсь ... – пропищал Бахи.

– Кэррик! – Адам попытался остановить сына.

Кэррик разжал пальцы, сомкнувшиеся на горле Бахи, и кровь отхлынула от лица бедняги, Бахи кое-как восстановил дыхание.

– Я не думал, что так все обернется, мы не так договаривались, –

сбивчиво заговорил он. Корделия молча плакала, обнимая розового тряпчатого кролика Ивлин. – Вы все знаете, я обожаю Ивлин, я бы никогда такого не допустил. Поверьте, у меня были причины так поступить. – Голос его окреп. – Это все *она*. – Он ткнул в меня пальцем, и все обернулись и уставились на меня. – Вы же сами понимаете. Ей здесь не место. Мы были в безопасности много лет, а она все погубила.

– Нет, это ты все погубил, – сквозь стиснутые зубы ответил Кэррик. Он еще разок хорошенько стукнул Бахи о стену, потом разжал руки и отступил.

– Они бы все равно ее нашли, – продолжал Бахи, стараясь привлечь остальных на свою сторону, прибодрившись, поскольку ему представился шанс для самооправдания. – Разумеется, они бы ее нашли. Нет человека в стране, кто бы не узнал ее в лицо – ее бы увидели и донесли Трибуналу. Я просто сделал все так, чтобы защитить нашу семью, уберечь ее.

– Семейю! – выплюнула Мона. – Совсем умом тронулся.

– В таком деле ты должен был прежде всего посоветоваться с нами, – заговорил Адам. Меня передернуло: отец Кэррика вовсе не отстаивал мое право находиться здесь. – И боюсь, сын, – обернулся он к Кэррику, – что и тебе следовало посоветоваться с нами, прежде чем привезти сюда Селестину.

Удивление Кэррика быстро сменилось гневом.

– Посоветоваться с тобой? – Сжимая кулаки, он сделал шаг вперед.

– Сынок! – предостерег его Адам, косясь на сжатые кулаки Кэррика.

– Он тебе не сын, – пробурчал Роган из своего темного угла, где он вновь пристроился на кресле-мешке.

Кэррик обернулся к нему:

– Рискни это повторить – пожалеешь.

– Ты. Ему. Не. Сын. – Громко отчеканил Роган каждое слово и поднялся на ноги. – Я его сын. Ты явился сюда когда – две недели назад? Я был с ними всю свою жизнь. Ты хоть понимаешь, чем я пожертвовал, чтобы оставаться их сыном? Ни школы, ни друзей, ни нормальной жизни. С рождения прятался в подполье, нигде не жили больше нескольких недель – нескольких месяцев, если очень повезет. А ты жил как принц. Я видел интернаты по телевизору: бассейны, кафе, поездки на каникулах, лыжи. Чем ты пожертвовал? – Он уже кричал во весь голос.

Келли жалобно застонала и заткнула себе уши, не желая слышать, как ссорятся сыновья.

– Чем я пожертвовал? – переспросил Кэррик так, словно беседовал с идиотом. – Я рос без родителей! – крикнул он вдруг так громко, что даже Корделия прервала плач и подняла голову. – Один, без близких. Мне было

пять лет, я был напуган – и никого рядом. Думаешь, это большая радость? Я ждал, когда же папа и мама придут за мной, а они так и не пришли. Каждый день мне вдалбливали в голову: мои родители – чудовища. Это я-то жил как принц? Я был *один*. Я никому не мог доверять. В меня каждый день впихивали столько лжи, что я уже не знал, кому и чему верить. Так что извини, сочувствия от меня не дождешься. Я пожертвовал свободой, чтобы найти вас, а когда нашел, оказалось, что у моих родителей уже есть сын. Я-то думал, они тоскуют по мне, а они попросту начали с чистого листа. Вот чем я пожертвовал. – Он обернулся к отцу: – И за это я вправе требовать от вас доверия, вы должны понимать, что, если я привез ее сюда, значит, это нужный нам всем человек. – У Кэррика заметно пульсировали вены на шее, он сильно сжимал кулаки, и все отодвинулись от него подальше, словно он в любой момент мог взорваться.

– Я понимаю твои чувства, – тихо, терпеливо сказал ему отец. Про мое присутствие в комнате все забыли.

– Оставь в покое мои чувства. Я так решил не потому, что... увлекся. Вы все понятия не имеете, какой властью Селестина обладает над Крваном, как она важна для дела Заклейменных.

Кое-кто выразительно закатил глаза при одном упоминании «дела Заклейменных».

– Ах да, она обладает властью! – сардонически расхохотался Бахи. – Ты все твердишь о ее таинственной власти, но в чем она? Девчонка даже не хотела никуда уходить отсюда, сама так сказала.

Все взгляды обратились на меня. Я неловко переступила с ноги на ногу.

– Это сперва, до того, – пробормотала я.

– До чего того? – фыркнул Бахи. – Пока он нынче утром не нашептал тебе всякого вздора? Селестина, не позволяй никому выталкивать тебя в первый ряд и прятаться за твоей спиной!

Значит, это он подслушивал нас под дверью. Он слушал, как я призналась, что не хочу отсюда уходить, слышал, как уговаривал меня Кэррик. Уж не знаю, чего Бахи больше боялся: что я останусь или что я уйду.

– Посмешище жалкое! – сказал Кэррик, не выдержав. – С вами болтать – только время зря тратить. Нам пора. Дел полно, а вы можете идти с нами или оставаться. И плевать, есть у Селестины власть или нет, главное – люди за нее, и наши ряды растут. С нами уже не только Заклейменные. Она стала знаменем для всех. Логика и сострадание – новый лозунг партии Жизни. Чтобы политическая партия подняла на щит

слова Заклейменной – когда такое прежде было?

– Да ладно, – отмахнулся Бахи. – Это игра, и Эниа Слипвелл ее проиграет. Она сулит Заклейменным надежду. Ложную надежду. Разве нам хоть кто-нибудь когда-то помогал? Вспомни, как вышло с Лиззи! Она сказала парню о Клейме – и он ее тут же бросил. Это произошло прямо здесь, можно сказать, у нас на глазах. А она так его любила, так ему верила! – Снова злой смех. – Не тешьте себя иллюзиями, там, во внешнем мире, вам и вовсе никто не поможет.

– Лиззи не говорила ничего Леонарду! – гневно вступилась я за своего нового друга. Он-то не мог пойти вместе с нами в восточное крыло. – Он и сам знал о Клейме, и ему было все равно!

Все снова уставились на меня, даже Роган посмотрел с удивлением.

– Откуда тебе знать? – удивилась Мона.

– Вот именно. Ты здесь и суток не пробыла, Селестина, а уже берешься судить! – презрительно вставил Бахи.

– Селестина права, – тихо произнес Роган.

Мы обернулись к нему.

– Что это значит? – спросил Адам.

– Неправда, будто Лиззи ушла из-за Леонарда, – дрожащим голосом пояснил Роган. Он не поднимал глаз и выглядел испуганным.

– Я бы ни единому его слову не верил, – засуетился Бахи.

– Заткнись! – велел ему Кэррик и мягче добавил, обращаясь к брату: – Роган, расскажи, что тебе известно.

Роган быстро глянул на Бахи, отвел глаза, уперся взглядом в землю. Снова замкнулся в себе.

К нему подошла Мона:

– Расскажи нам правду. Не бойся Бахи.

– Я видел, как он ее увозил.

– Кто? Кого ты видел?

– Бахи! – Глаза его наполнились слезами. – Он усадил Лиззи в джип. Она не хотела ехать. Она плакала. Я слышал, как он сказал, что не позволит ей разрушить нашу жизнь. Она шла к Леонарду, чтобы сказать ему о Клейме. Бахи перехватил ее по пути. Не дал ей. И увез. Я их видел.

Снова все взгляды обратились к Бахи.

– Пять минут назад родной брат был готов обвинить его в предательстве, так что, надеюсь, никто мальчишку слушать не станет. Он еще ребенок. Он запутался. Всем известно, я много лет никуда отсюда не отлучался.

Кэррик рванул к Бахи, выбросил кулак, ударил его точно в челюсть.

Бахи завопил от боли:

– Ты сломал мне челюсть! – Он катался по земле, извиваясь от боли, и никто не спешил ему помочь.

– Куда ты отвез Лиззи? – нависла над ним Мона.

Бахи простонал, что ему нужен врач. Мона и слушать не стала.

– Куда ты отвез Лиззи?! – заорала она, и Бахи наконец услышал ее.

– Недалеко. До города. Велел ей поискать себе другое место. – Он говорил так холодно, без капли чувства, совсем не похож был на того человека, кто недавно собрал нас, чтобы приветствовать и принять Леннокса в семью. Словно в нем было два человека – теплый и ледяной. Идеальный и порочный в одном, как две стороны медали.

– Я сделал это, чтобы защитить всех. Никто из вас понятия не имеет, что мне и раньше приходилось делать, чтобы вас уберечь. Мы жили тут счастливо, в полной безопасности, пока не явилась Селестина. Вам было хорошо, пока я руководил вами, но, если бы вы вздумали последовать за ней, вы бы сами вырыли себе могилу.

Долгое молчание.

– Я только вчера впервые увидела Селестину, – заговорила Мона. – И я не заметила у нее признаков какой-то «власти», о которой говорит Кэррик, или таланта вождя, но кто-нибудь из вас задумался, с каких это пор Трибунал посылает дюжину стражей обыскивать строго секретные, оплачиваемые из государственного бюджета лаборатории – лишь бы найти какую-то Заклейменную? У нее явно что-то есть, чего Трибунал боится. – Мона смерила меня любопытным взглядом. – И что бы вы ни затевали, я в деле.

– И я по-прежнему в деле, – подхватил Лоркан.

– И я, – откликнулся Фергюс.

– А я из дела и не выходил, – ухмыльнулся Леннокс.

Дверь распахнулась, вошел Эдди.

– Рад тебя видеть живым, босс! – воскликнул Леннокс, пытаясь шуткой разрядить атмосферу.

– Я вам больше не босс! – рявкнул Эдди, такой багровый, словно его в любой момент мог хватить удар.

– Тебя уволили? – спросил Бахи, придерживая рукой челюсть.

– Нет! – рявкнул Эдди, окидывая взглядом эту жалкую развалину. –

Уволили всех вас. Владелец компании разрешил нарушителям работать здесь при условии, что вы будете сохранять тайну. Вы нарушили договоренность.

– Но он не может так с нами поступить! – смертельно побледнев, заспорил Бахи. – Я сохранял в тайне его имя, я всегда держал свое слово. Он обещал мне безопасность.

– Ты нарушил свое слово, а он – свое. Чтоб духу вашего здесь не было к полудню. Тут больше нет убежища. Вы поставили под угрозу и его самого, и завод. Как ему теперь объясняться с Трибуналом?

– Куда же нам идти? – Вся жизнь Бахи рассыпалась у него на глазах.

– Этого я не знаю и знать не хочу. Чем меньше буду про вас знать, тем лучше. Вы все должны *сбежать* от меня не позднее двенадцати часов. Иными словами: мы вас отпускаем. – У двери он остановился, глянул на меня искоса: – Удачи.

Корделия снова заплакала, а потом, словно мало было всего, что произошло, она вдруг распрямилась и крикнула мне:

– А все потому, что ты струсила, Селестина!

Я замерла.

– Они бы вернули мне Ивлин, если бы ты сдалась. А ты спряталась. Я ждала, что ты придешь – а ты не пришла. Да, ты и сама еще ребенок, но Ивлин всего шесть лет. Настоящий вождь не жертвует своими людьми ради собственной пользы. Чем ты лучше его? – Она гневно переводила взгляд с меня на Бахи.

Такое оскорбление я не могла проглотить, тем более что я отчасти признавала правоту Корделии. Кэррик попытался меня остановить, но я выскочила из гостиной и напрямик ринулась в спальный отсек.

Я подключила телефон с предоплаченной связью, которым снабдил меня дед, и набрала один из сохраненных в его памяти номеров.

Не думала я, что когда-нибудь позвоню по этому номеру, но делать нечего.

Час спустя двадцать нарушителей выстроились перед воротами завода. Мы – Кэррик, Леннокс, Фергюс, Лоркан и я – прятались подальше от чужих глаз.

Никто не знал, чего ждать, не знал даже Кэррик. Я просто велела им ждать здесь, со мной. Сказала, что это будет не зря.

Мой единственный шанс доказать свою силу всем, кто пока не верит в меня.

Вдали показался черный автомобиль – обычный, гражданский. Эдди неуверенно оглянулся на меня. Я кивнула ему и отступила глубже в тень, к

Кэррику.

– Что происходит? – спросил Кэррик.

Я и ему не ответила, скрестила руки на груди и следила, как медленно приоткрываются ворота. Лишь бы все прошло как задумано. Автомобиль с тонированными стеклами остановился у ворот, заезжать не стал. Все тревожно оглядывались на меня. Я держалась. Сжать зубы, выше нос. Должно сработать. Дверь машины открылась.

Вышла Ивлин. Закрыла за собой дверь и кинулась к матери. Корделия упала на колени, всхлипывая, а потом крикнула мне:

– Ты вернула ее! Ты сумела ее вернуть! – Перебарывая слезы, она кричала мне снова и снова: – Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Автомобиль развернулся и поехал обратно туда, откуда приехал. Ворота завода снова сомкнулись. Обошлось без подставы – все целы.

– Как ты это устроила? – изумился Леннокс.

– Да, как? – подхватил Кэррик.

Они все смотрели на меня в изумлении. С подозрением. С почтением. Это было классно.

– Я в деле! – крикнул вдруг Роган из внутреннего двора.

– И мы тоже! – Адам кивнул Кэррику, принося свои извинения.

– Тогда приступаем, – заговорила я, повинувшись приливу адреналина. – Пакуем вещи и уходим отсюда. Нам пора.

Вернувшись в спальню, я дрожащими руками побросала свои скудные пожитки в рюкзак. Закинула рюкзак на плечо и протянула руку к двери – но не повернула ручку, чтобы выйти, а заперла дверь и, съежившись в углу, уткнувшись лицом в колени, зарыдала: все, что я видела этой ночью и утром, наконец настигло меня.

Арт теперь служит в стражах. Под началом у Мэри Мэй. Он явился сюда за мной. Голова разболелась, не поспевая за кружением мыслей. Возможно ли худшее предательство? Кэррик знал, что Арт пошел в стражи. Вот почему он предложил мне использовать Арта, чтобы добраться до Кревана, он думал, я вправе поквитаться. И при этом Кэррик вовсе не пытался манипулировать мной, напротив, он скрыл от меня предательство Арта, чтобы не причинить лишней боли.

– Как тебе это удалось? – повторял он снова и снова, дивясь

внезапному возвращению Ивлин.

Они все смотрели на меня, словно я какой-то мессия – или чудище. Но я не стала ничего объяснять. Потом объясню, наедине. Пока, мне казалось, таинственность играет мне на руку, пусть внутри я и ощущаю себя как мешок с гремящими костями.

Знал бы кто, как мне было страшно, когда я набирала этот номер в надежде освободить Ивлин.

Знал бы кто, как меня трясет с перепугу до сих пор.

Вот что было за час до того.

– Алло! – Я мерила шагами тесную спальню. – Судья Санчес?

Санчес – одна из двух судей, работавших вместе с Креваном в Трибунале. Она тоже подписала мне приговор, но все время, пока шел процесс, она пыталась противодействовать Кревану. Я оказалась пешкой в их борьбе. Санчес перехватила меня, когда я убегала из дома, от Кревана, и заключила сделку: я должна была помочь ей свергнуть Кревана. Этой женщине я не доверяла, но она позволила мне убежать, тем самым доказывая, что ей верить можно. Я рассказала обо всем дедушке, и он велел мне соблюдать осторожность. Связавшись с судьей Санчес, я рисковала навлечь на себя новые неприятности.

– Судья Санчес слушает.

– Это Селестина Норт.

Пауза.

– Так-так-так. Объявилась. Я слышала, тебе снова удалось ускользнуть от него. По правде говоря, меня эта игра в кошки-мышки забавляет. А вот Кревана вряд ли.

– Две недели назад вы предлагали мне помощь.

– Сколько помню, предлагала – на взаимовыгодных условиях.

Она понятия не имеет, что у меня есть против Кревана, знает только, что он почему-то боится меня и рассылает стражей во все стороны, стараясь меня поймать. Выводы она делала самостоятельно.

– Мы поговорим об этом. Но сначала вы должны кое-что сделать, чтобы я начала вам доверять.

– По-моему, кое-что я уже сделала. Я дала тебе уйти, не забыла?

– С тех пор ситуация изменилась. Теперь арестовали моего деда. Это не прибавляет доверия к вам.

- Ого, ты быстро учишься. Хорошо, что я могу для тебя сделать?
- Час назад с завода ССУ забрали маленькую девочку. Порочную с рождения. Вы должны ее вернуть.
- Это невозможно.
- Значит, и я ничем не смогу вам помочь. Всего доброго.
- Погоди. – Она подумала. – Дай мне час.

31

Теперь, после моего волшебного фокуса, все ждут следующего шага, все поверили в меня. Я не могу признаться им, что мое тайное оружие, на которое Кэррик возлагает такие надежды, – видеозапись, где видно, как Крewan утратил контроль над собой и, распахиваясь, вопреки закону заклеил меня собственноручно в шестой раз, – это оружие, эта видеозапись неизвестно где, у меня ее нет. Никому не следует знать, что у меня нет этой съемки. Вся моя власть сосредоточена в ней. Это единственное, чем располагаем все мы, Заклейменные, больше у нас нет ничего. Пока что все, что у меня есть, – доверие этих людей. Людей, которых я обманываю.

Но ведь я Заклейменная, чего еще от меня и ждать.

32

Следующий шаг – мне нужен ангел. Буквально. Рафаэль Ангело.

Это единственный адвокат, которому удавалось добиться пересмотра приговора для Заклейменного.

Впервые я услышала это имя от бабушки, когда тот навестил меня в замке после ареста. Я отмахнулась, думая, что дед, как всегда, увлекся любимой теорией заговора. В ту пору все, происходившее со мной, казалось нелепым недоразумением, Крewan вот-вот должен был вытащить меня из беды. Знать бы тогда, что на этой бабушкиной болтовне будет основываться вся моя надежда.

Я посидела немного в углу, укрываясь от мира – слишком большого, где все так огромно, чудовищно, непосильно для меня, – потом собралась с силами, утерла глаза и составила план.

Меня ждали мои люди.

Я снова набрала номер судьи Санчес.

– Спасибо! – сказала я, как только услышала в трубке ее голос.

– Твоя очередь, Селестина. Давай встретимся.

– Не сейчас. Узнайте для меня, пожалуйста, один адрес.

– Еще одна услуга?

– Это чтобы я могла вам помочь, – сказала я, стараясь обуздать дрожь в голосе. – В следующий раз мы встретимся в суде Трибунала, и тогда вы в точности будете знать, что нужно делать. Я хочу добиться отмены приговора. Я хочу, чтобы все это было отменено, чтобы я вернулась к своей прежней жизни, в школу, в семью, чтобы все было как прежде. – Голос все же сломался.

– Ох, Селестина! – вздохнула она. – Я-то думала, ты умнее. Ты же знаешь, это заведомо проигранная игра. Приговор Трибунала никогда не отменяется, такого не бывало.

– Неправда, – возразила я. – Джессика Тейлор.

Пауза.

– Откуда ты узнала о ней? Это закрытая информация.

– Вы понятия не имеете, как много я знаю. – Ко мне вернулась уверенность, даже наглость. – И сверх того мне известно многое, чего вы не знаете. Потому-то Креван так и нервничает.

– Кто будет представлять тебя в суде? – спросила она.

– Не мистер Берри, ведь он исчез. Как и все стражи, присутствовавшие при Клеймении, и Пиа Ванг, когда она стала задавать вопросы.

Снова пауза. Это все судье Санчес уже известно.

– Кстати, Селестина. Что на самом деле произошло в камере Клеймения? Мне следует это знать.

– Может быть, всех отправили на корпоративное мероприятие? Обидно, что вас не взяли.

– Креван не должен узнать о нашем разговоре. Нельзя, чтобы они заподозрили нас в сговоре. Я тебя покрываю, но и ты должна гарантировать мне безопасность.

– Мы ни о чем не сговариваемся. Вы сами увидите, когда начнется, и я рассчитываю, что вы будете на моей стороне.

– Чей адрес тебе понадобился?

– Рафаэля Ангело.

Она усмехнулась:

– Да, интересно. К сожалению, не могу тебе помочь, Селестина, – помощь Заклейменной, да еще со стороны члена Трибунала, – неслыханное дело. Придется тебе справляться самой. Позвони, когда у тебя будет что-нибудь полезное для меня.

Учитывая, что она только что поучаствовала в спасении Порочного с рождения ребенка, – вот так лицемерка!

Мне захотелось снова уткнуться в угол спальни, мне это помогло в первый раз, но я себе не позволила. Вместо этого я выругалась, швырнула трубку на кровать и заметалась снова. За дверью раздавались голоса заждавшихся меня людей, голоса слышались и с балкона – вещи упакованы, все готовы в дорогу, ждут моих указаний. Каких указаний?

Думай, Селестина, думай. Пусти в ход все, что у тебя есть. Все, что у тебя есть. Вот задача – ищи решение. Я включила свою логику, я же математик. Кто на моей стороне? Чем я располагаю? Ага! Снова схватила телефон, просмотрела сайт замка. Особо стараться не пришлось, прямо на главной странице сверкал и переливался номер горячей линии – куда звонить, если попадетсЯ на глаза самая разыскиваемая нарушительница Селестина Норт.

Я набрала номер.

– Горячая линия замка Хайленд, – ответил женский голос.

Я поджалась, услышав страшное для меня название, и постаралась изменить голос – не иначе, разговоры прослушиваются.

– Я хочу поговорить со стражем по имени Кейт. У меня есть для нее информация.

– Соединяю.

Не может быть – так просто?

Послышались гудки, и она ответила – откуда-то с улицы, может быть, все еще участвует в поисках. Ищет меня.

– Кейт слушает.

Я прикинула: телефоны стражей, скорее всего, тоже прослушиваются.

– Девушка, которая была под тем деревом.

Она притихла. Я слышала, как она куда-то перемещается: шум на заднем плане менялся.

– Простите, плохо слышно. Линия ненадежная, давайте перезвоню вам со стационарного телефона. Продиктуйте мне ваш номер, пожалуйста.

Я подумала:

– Нет.

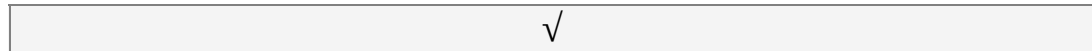
– Хорошо. Перезвоните мне через две минуты – вот номер.

Я пошарила среди вещей Моны в поисках ручки – нашла только губную помаду. Взяла ее и написала номер на стене.

Кейт отключилась. Я зашагала по комнате. Две минуты.

Взволнованная, растерянная, сама не очень соображая, что я делаю и зачем, я снова взяла помаду и нарисовала на белой стене красное V,

логотип Vigor – V, похожее на знак квадратного корня.

Присмотрелась внимательно, в сто первый раз задавая себе вопрос, где я видела это прежде.

Кто-то постучал в дверь.

– Минутку. – Я сама услышала, как дрогнул мой голос, и сделала глубокий вдох.

Дверь все-таки распахнули. Мона, Кэррик, Леннокс, Келли, Адам, Роган, Корделия и Ивлин выстроились в коридоре с вещами в руках, готовые в путь. Бахи, зажатый между Фергюсом и Лорканом, выглядел так, словно рад был бы оказаться подальше отсюда. Напряжение сгущалось. Даже Кэррик нервничал, еще бы, ему непривычно передавать руль другому. Я испугалась, не утратил ли он уже веру в меня, – испугалась, что он был бы прав, если бы ее утратил.

– Остальные уже ушли, разбежались. Нам пора, Селестина, – заговорила Мона. – Эдди в любой момент может выгнать нас. Пока еще нам помогут выбраться, нельзя упустить этот шанс.

Все глядят на меня с ожиданием – с такой надеждой, таким доверием.

Нет, я не гожусь. Не смогу возглавить команду.

Прокашливаясь, я думала, где же взять авторитет. Решать задачи – вот что я умею.

– Нужно разделиться, – сказала я. – Фергюс, Лоркан и я не можем путешествовать вместе, нас всех знают в лицо.

Общее согласие.

– Мы с Кэрриком отправимся одни, а вы укроетесь в убежище и будете ждать дальнейших инструкций.

– Где же мы укроемся? – спросила Мона.

Они уже начинали сомневаться во мне.

Думай, Селестина, думай. Решай проблему, ты же это умеешь.

– Что ты с моей стеной сотворила? – прищурилась Мона.

– Делов-то, Мона, стена уже не твоя, – сказал Кэррик, но и в его тоне слышалось нетерпение. Им надоело стоять тут и ждать ... пока я соображаю.

Я глянула на стену, увидела снова написанный красной помадой номер, рядом логотип Vigor, и что-то встало на место – сердце усиленно забилося.

Я припомнила наш недавний разговор с профессором Ламбертом. Его жена Альфа, моя учительница математики, привезла меня к себе домой, они устроили настоящее собрание оппозиционных сил под видом встречи группы поддержки для родственников Заклейменных. На самом деле это было политическое мероприятие, попытка мобилизовать больше людей в защиту Заклейменных, и на собрание ворвались стражи. Меня спрятали в тайнике того же дома, и там я познакомилась с мужем Альфы, профессором Ламбертом, Заклейненным. Прежде он был известным ученым, на всех стенах у него висели фотографии в золоченных рамках – он с разными известными людьми. Даже с Креваном он снялся в те счастливые времена. Много лет они приятельствовали, а потом Креван вынес Ламберту приговор. Я знала, что профессор – умный человек, но при той нашей встрече он выпил, на мой взгляд, чересчур много виски, и потому на его прощальный совет я не обратила внимания. Только теперь, когда я билась в поисках решения, эти слова вновь зазвучали у меня в ушах.

– Кто такой Дьердь Пойя, тебе известно? – спросил он.

– Разумеется, – ответила я. Пойя – математик, мама подарила мне его книгу на день рождения. Большинству детей такой подарок показался бы странным, но меня он осчастливил.

– Симпатичная философия. Если вы не можете справиться с задачей, говорит Пойя, непременно существует задача попроще, которая вам по силам. Остается только ее найти ... Словом, ищи в себе скрытые резервы и подражай своим героям. Я – ученый, и в этом я черпаю силу.

Такой совет дал мне профессор Ламберт и на самом деле помог мне – причем не только советом. Раньше я не задумывалась, как он сам использует собственные резервы, но теперь угадала ответ, поскольку логотип V я видела именно там, в тайном кабинете профессора Ламберта – на его бумагах, на канцелярских принадлежностях, на обратной стороне фотографий. Значит, завод принадлежит Ламберту.

– Владелец компании поможет нам – он вас укроет, – сказала я и вновь почувствовала прилив адреналина: план складывался.

Бахи презрительно фыркнул:

– Ты даже не знаешь, кто владелец. Никто не знает его имени, только я, и Эдди нас предупредил, что владелец не желает нам больше помогать.

– Я знакома с ним лично, – уверенно возразила я. – Это профессор Ламберт. Билл Ламберт.

Кэррик удивленно уставился на меня.

– Он не хочет, чтобы вы оставались здесь, но он не отказывал вам в помощи. Он и его жена Альфа ждут вас у себя.

На самом деле еще не ждут, но дайте только им позвонить. Альфа будет счастлива, тем более что в этой компании двое детей.

– Как ты провела о профессоре Ламберте? – забормотал Бахи. – Он соблюдает анонимность ... он ... – Бахи смотрел на меня, беспомощный, растерянный, злобный, поверивший в мои силы, – все эти чувства сменялись на его лице, пока он переводил взгляд с меня на Кэррика.

– Откуда она знает?

– Я же тебе говорил: она может все, – самодовольно ответил Кэррик.

– Подождите, пожалуйста, еще минутку. Последний звонок – важный. – И я закрыла перед ними дверь.

Прислонилась к двери спиной, сделала глубокий вдох и набрала номер, записанный на стене.

Кейт сразу же ответила.

– Это я, – сказала я.

– Мобильные прослушиваются. Эта линия надежна. Чем я могу помочь?

Я чуть не заплакала от облегчения.

– Значит, вы на нашей стороне?

– Я же не выдала тебя, когда увидела. Сама посуди.

– Я уж и не знаю, что думать.

– Ты выбралась оттуда, ведь так? Ты сильная – я знала, что ты справишься.

Да, похоже, все люди считают меня сильной. А на самом-то деле ...

– Вот что я хотела сказать. У нас есть еще один союзник среди стражей. Маркус, он приставлен к профессору Биллу Ламберту.

Маркус помог деду уйти от стражей, ворвавшихся в дом Ламбертов, он спрятал нас.

– Мне нужно связаться с ним, у меня тут люди, которых надо спрятать в надежном месте.

Кейт не отвечала.

– Алло?

– Это мой муж, – тихо сказала она.

Я удивленно, радостно улыбнулась и взмахнула кулаком: как славно, что в жизни столько прекрасных совпадений.

– Значит, он сможет проводить моих людей в безопасное место?

– Да, я сейчас же ему позвоню.

– И второе. Мне нужен адрес Рафаэля Ангело.

– Думаешь обратиться к нему?

– Да.

- Я найду адрес, но его никто уже много лет не видел. Креван запугал его, и он прячется.
- Значит, у нас с ним есть что-то общее.

Рафаэль Ангело жил в горах, в двух часах езды на машине, – его дом стоял глубоко в лесу, на возвышенности. Так далеко от проезжих дорог, что я бы в жизни его не отыскала. Даже с помощью очень подробных инструкций Кейт это оказалось делом нелегким.

Все наши отправились на джипе к Ламбертам, а Кэррику и мне для нашей особой экспедиции Леонард отдал свою машину. Как отблагодарить его за помощь – тем более что он помогал Заклейменным, подвергая себя опасности суда и тюремного срока? Я дала себе слово сделать для Леонарда все, что будет в моих силах.

В этой поездке по горам мы с Кэрриком впервые после бурных событий той ночи оказались наедине. Прежде у меня и минуты не было подумать о нас, но теперь, когда мы выбрались из города, ехали по горам, сравнительно безопасным (тут стражи появляются редко), оба мы начали успокаиваться. Кэррик опустил стекла и включил негромкую музыку, избегая тех радиостанций, которые передавали на всю страну известия о моем очередном побеге. Радиостанции, контролируемые Креваном, призывали остерегаться опасной беглой преступницы и немедленно о ней сообщить. Нормальные радиостанции обсуждали, почему за восемнадцатилетней девушкой ведется такая охота и как она с такой легкостью ускользает от системы. Уж нет ли изъяна в самой системе? Нужно ли вообще так пристально следить за Заклейменными, нельзя ли оставить меня в покое, если я буду жить тихо и никому не мешать? Что хочет доказать на моем примере Трибунал? Очень правильные вопросы.

Вот только любое обсуждение глушат принадлежащие Кревану СМИ, которые представляют меня зачинщицей всех беспорядков, какие только вспыхивают в городе, прокручивая каждый раз видеосъемку из супермаркета, где я попыталась спорить с полицией.

- Ты как? – спросил Кэррик, осторожно беря мою руку.
- Ничего.
- В смысле ... после этой ночи ...

У меня это был первый раз, и я его предупредила. Кэррик был нежен и бережен, все время спрашивал, хорошо ли мне, – и, хотя он ни словом об

этом не обмолвился, я понимала, что для него это вовсе не первый раз. У парней из интерната соответствующая репутация, Мона меня предупреждала – и я подозреваю, что она знала, о чем говорила, сама и поучаствовала в создании такой репутации. Но не с Кэрриком, нет. Я была уверена, что между ними ничего не было.

– А, ты об этом. Да, все прекрасно. Спасибо. – Я покраснела, а он улыбнулся.

Улыбка преобразила его лицо. Я так привыкла видеть его напряженным, строгим, но от улыбки он сразу помолодел.

– Как ты узнала, что владелец Vigor – профессор Ламберт? – спросил он, с интересом присматриваясь ко мне.

Я засмеялась.

– Кэррик, ты сам внушал людям, будто я обладаю суперсилой, а когда у меня получилось небольшое чудо, тебя это удивило?

– Ну да.

– Я узнала логотип. Поначалу никак не могла вспомнить, где я его видела, но потом в голове щелкнуло: в его кабинете. И это типичная для него шутка – инвестировать в такую компанию.

– В каком смысле? – нахмурился Кэррик.

– Углекислый газ загрязняет окружающую среду. Vigor нашла способ превратить эти отходы в ресурс.

– Так, – подтвердил он, все еще недоумевая.

– И на эту работу взяли Заклейменных. Мы тоже – углекислый газ, – усмехнулась я. – Никому не нужны отбросы. *Превратить проблему в решение.* Так всегда поступает профессор Ламберт. Он дал мне совет, и тогда я не поняла его как следует, но теперь все ясно. – Переменив тему, я добавила: – Билл и Альфа говорили мне, что после интерната тебя ненадолго отдали им.

– Дружеский дом, так это называет Трибунал, – сердито ответил он. – По мне, больше похоже на жизнь условно-досрочно освобожденного: следят за каждым твоим шагом. Вышел из одной тюрьмы – попал в другую. Эти временные попечители должны помочь тебе влиться в общество, а на самом деле присматривают и отчитываются Трибуналу. Знай я, что завод принадлежит Ламберту, я бы туда и не сунулся.

– Ты думаешь, это Билл сдал тебя Трибуналу? – изумилась я.

– Я с ним, по-видимому, не так близко знаком, как ты, – отрезал он, выпустив мою руку и крепче ухватившись за руль. Лицо его вновь стало замкнутым.

– Я Билла видела всего раз в жизни, – тихо возразила я. – Альфа была

моей учительницей математики, она единственная вызвалась учить меня на дому, когда школа, спасая свою репутацию, любезно попросила меня уйти. – Горечь в голосе я даже не пыталась скрыть.

Кэррик глянул на меня, лицо снова смягчилось, он готов был разделить все, через что я прошла после Клеймения.

– Расскажи мне, что случилось, почему ты перестал им доверять, – тихо попросила я.

Он помолчал, потом, с трудом сдерживая гнев, приступил к рассказу:

– Я находился у них на попечении и только начал искать родителей – дня не прошло, – как меня потащили в замок. Предъявили мне фотографии: меня засекли у того дома, где я жил с мамой и папой, когда меня забрали.

– Фотографии? И это все? Это вовсе не доказывает, что ты пытался найти родителей! – рассердилась я. – С каких это пор человека клеймят за то, что он прошелся по местам своего детства?

– Человек, который сдавал нам комнату тринадцать лет назад, сделал заявление перед Трибуналом, – отрешенно продолжал Кэррик. – Сообщил, что я задавал ему вопросы.

– Но, Кэррик, и это ерунда. С каких пор задавать вопросы ...

– Я не собирался ничего отрицать, Селестина! – рассердился он. На минуту умолк, чтобы успокоиться. – Мне понравилось, какие у них сделались рожи, когда я в точности объяснил, что я собирался сделать. Пусть родителей найти не получилось, это я вполне мог считать победой – их рожи, когда они поняли, что со мной им ничего сделать не удалось.

Я любовалась его профилем, его отвагой и преданностью, даже его упрямством, пусть эти качества и довели Кэррика до беды. Ему важнее доказать свою правоту, чем уберечься, и в этом мы похожи.

– Все равно не понимаю, в чем ты винишь Билла, – отважилась я сказать.

– Альфа фактически работает на Трибунал, этот ее благотворительный фонд помощи родственникам Заклейменных – не трудно было сложить два и два.

– Фонд – прикрытие, на самом деле она использует его, чтобы расширять поддержку Заклейменным, нашему делу. Она хочет, чтобы интернаты закрыли. Она пыталась привлечь меня на свою сторону и надеялась, что я приведу и тебя, – заторопилась я.

Кэррик помолчал, обдумывая мои слова. Он проходил через такой же кризис доверия, как и я. Заклейменным жить не просто, ты становишься пешкой в игре многих людей с разными интересами. И, хотя я искренне сочувствую Кэррику, все же мне легче оттого, что с таким опытом я не

одинок.

– Билл сказал мне: если бы ты остался с ними чуть дольше, они бы сами нашли твоих родителей. Они с самого начала собирались это сделать, но ты же у них и суток не пробыл. Не дал им ни малейшего шанса помочь тебе. – Я постаралась произнести это как можно мягче и присматривалась, как он это примет, прежде чем продолжать. Он не отвечал, обеими руками сжимал руль и смотрел прямо перед собой, лицо его напряглось.

– Как раз когда тебя увезли в замок, твои родители каким-то образом попали на завод, в убежище. А когда тебя выпустили из замка, ты получил сведения, где их искать. Уверена – за этим стоят Ламберты, это они помогли тебе воссоединиться с родителями. Сам подумай, откуда ты вообще узнал о компании Vigor?

Он по-прежнему не отвечал, молчал, погрузившись в свои мысли, пытаясь разобраться, пересматривая то, в чем был так прочно уверен. Кэррик сбежал от Альфы и Билла, чтобы найти родителей. Останься он у Ламбертов, он бы и родителей нашел, и Клейма избежал. Вполне вероятно, он напрасно пожертвовал свободой и нормальной жизнью, так что я решила на время оставить эту тему – меня волновала другая.

– Ты знал, что Арт пошел в стражи. Знал?

Он заерзал на водительском сиденье, сосредоточил взгляд на серпантине, поднимавшемся спиралью вокруг почти отвесной горы.

– Я думал, ты знаешь, – ответил он. – В новостях передавали.

И дедушка, выходит, знал и не говорил мне.

– Тогда, в постели, – заговорил он, – я предложил использовать Арта, потому что думал, ты знаешь, что он стал стражем. А ты кинулась его защищать, тут-то я и понял, что ты и понятия не имела.

А я-то думала, будто Кэррик затащил меня в постель, чтобы использовать, чтобы через меня добраться до Арта! «Неужели мы вовсе разучились доверять?» – вздохнула я.

– Прости, наверное, мне следовало сразу тебе сказать, – мягко продолжал он, – но я так неудачно выбрал время для разговора о нем, боялся сделать еще хуже.

– Все хорошо, я не сержусь. – Помолчав, я добавила: – По правде сказать, зла я ужасно, как никогда в жизни, только не на тебя.

Теперь, когда я распахнула эту дверь, гнев затопил меня. Мне становилось дурно от этой картины: Арт в униформе стражей. Он же вовсе не о такой карьере мечтал, он хотел заниматься наукой. Работать в такой лаборатории, как та, которую он вчера обыскивал, – вот какая у Арта была прежде цель. Он бы стал эксцентричным ученым с вечно растрепанными

волосами, искал бы лекарство от рака, сгубившего его маму. У нас все было запланировано. Очень подробный, сто раз обсуждавшийся план. Поступим в Университет Хамминга, он – на физику и химию, я – на математику. И всегда будем вместе. А теперь я – Заклейменная, он – страж. Я жертва, а он – преследователь.

Это решение пойти в стражи, конечно, адресовано лично мне, все равно что пощечина, пинок в живот: он демонстрирует преданность своему папочке, согласие с приговором Трибунала. Он словно говорит мне: «Да, Селестина, в моих глазах ты порочна. Порочна до мозга костей, как сказал мой папа. И я считаю, что ты заслужила ту боль, которую тебе причинили, ты заслужила все, что с тобой случилось. Дай мне только поймать тебя, и ...» И что тогда? Что он со мной сделает?

Кэррик с тревогой косился на меня.

Как бы я ни злилась, я не могла в одночасье возненавидеть того, кого прежде так сильно любила. Я не умею вот так запросто переключаться. Я не робот, мне всегда нужно разобраться и понять. О чем думал Арт? Почему он так поступал?

– Может быть, он притворяется, – сказала я вдруг. – Может быть, он стал стражем, чтобы помогать мне.

– Каким образом? – очень ровным голосом спросил Кэррик.

– Не знаю. – Я напрягла воображение. – Может быть, таким способом он надеется меня отыскать. Может быть, он, как Маркус и Кейт, играет на нашей стороне.

Стоило мне все это проговорить, и я сама в это поверила. Сидела рядом с Кэрриком на пассажирском месте и чувствовала, как возвращается надежда. А потом глянула на Кэррика и вновь увидела того Солдата – гневного, закрывшегося от всего мира.

Однажды родители подарили Джунипер и мне кольца, показывающие настроение. Они измеряют температуру тела: когда тебе жарко, они становятся красными, а если кожа холодная, кольца становятся лиловыми, потом синими. Ночью, снятые с руки, на тумбочке у кровати, они чернели. Глаза Кэррика – в точности как эти кольца, теперь я это поняла. Их цвет отражал его настроение, вот почему в замке, в камере, они казались черными, они стали карими с зелеными искрами, когда мы спали вместе, а сейчас ... сейчас он вовсе не смотрел в мою сторону.

Он затормозил, остановил автомобиль на крутом повороте, как будто не замечая опасности или его это не волновало: если бы кто-то ехал нам навстречу, он не успел бы ничего сделать, врезался бы в нашу машину. В этот момент Кэррик меня напугал: смотрел на меня злобно, глаза

потемнели, зеленые блики исчезли, свет померк.

– Ты обманываешь себя, если думаешь, что он *притворяется*. Сегодня мы видели, как он отрывал Ивлин от матери. Твой дед все еще в замке – Арт вроде мог бы подергать за ниточки, а? Он был в той команде, которая обыскивала завод – завод, получающий государственное финансирование, – чтобы схватить тебя. Ждешь, что прекрасный принц спасет тебя, Селестина? Этого ты ждешь?

– Нет! – рявкнула я.

– Потому что, заметь, вот он я, и я взаправду рискую жизнью, чтобы тебе помочь.

– И я тоже! – яростно крикнула я.

Он глянул на меня в упор, полыхая гневом, но я выдержала его взгляд, я тоже была зла. Что-то еще Кэррик собирался сказать, но вовремя передумал, аккуратно вписался в поворот, и мы поехали дальше в гору. Оставшиеся сорок пять минут мы глухо молчали. У меня шея затекла, так я старалась смотреть прямо перед собой, только бы не на него.

Я прямо-таки дымилась от злости. Немало времени прошло, пока гнев улегся, и, когда это случилось наконец, я поняла, что сержусь не на Кэррика, на саму себя. Я ведь понимала, что он прав. Арт вовсе не пытается мне помочь. Хотел бы – давно бы уже помог.

Часть вторая

От ворот до крыльца дома, где жил Рафаэль Ангело, добрых пять минут езды. Деревянная табличка с вырезанной на ней надписью «КЛАДБИЩЕ» здорово меня смутила, но вдруг впереди показался дом – огромное деревянное здание с большими стеклянными панелями, в которых отражался лес у нас за спиной, – немногочисленные кирпичи в этой конструкции казались миражом, они будто плавали посреди леса, словно дом старался мимикрировать и слиться с окружающей средой. Я вышла из машины, размяла ноги, чувствуя, как нарастает тревога – я не знала, как подступиться к Рафаэлю, мне нужна была помощь, но я не могла обратиться к Кэррику после ссоры.

– Кто будет говорить? – тихо спросила я. – Нам нужен план.

– Поздновато ты об этом вспомнила! – рявкнул он, избегая моего взгляда. Прямоком направился к двери и надавил кнопку звонка. Ох и упрям! Я бегом нагнала его, но дверь открылась прежде, чем я добежала.

На крыльце появился человек ростом примерно метр двадцать.

Он глянул на Кэррика, потом на меня:

– Ого, жизнь становится интересной. Заходите.

Раскрыл дверь шире и провел нас в свой дом.

Из просторного холла с деревянной лестницей мы прошли в кухню-гостиную, застекленную от пола до потолка – за высокими окнами красовался заросший сад, а дальше – дикий лес. Внутри вся отделка – из дерева разных пород, цветов и фактуры. Дом светлый, нарядный, очень современный – и с легким налетом безумия. Повсюду дети. От подростков до младенца в высоком стульчике, одни унаследовали карликовость, другие нет. Они рассыпались перед нами, когда мы вошли, и собрались за длинным деревянным столом у высоких тонированных окон. Ребята были с ног до головы перемазаны красками.

– Ясень, я просил тебя не есть краску, – сказал Рафаэль. – Липочка, дай одну кисточку Лавру. Груша, воду для мытья кисточек пить нельзя. Малышка Мирт создает свой шедевр. – Нам он пояснил: – У Мирт все выходит коричневым. Это, я считаю, талант.

Он указал на стену, где каждому ребенку отводился свой участок, –

доля Мирт действительно была целиком закрашена коричневым.

– Вы всех детей назвали в честь деревьев! – сообразила я. Ясень, Груша, Бук, Лавр, Мирт, Лещина.

– Дзинь! – Он изобразил звонок, как в телеигре.

Мимо нас со смехом прошла женщина, принялась наводить порядок на столе.

– Моя жена Сьюзен. Святая.

На обратном пути Сьюзен наклонилась и обменялась с мужем долгим поцелуем.

– Мой добрый дух и источник успеха. Сьюзен, дети, это Селестина и Кэррик. Поприветствуйте их.

– Привет! – сказали они в унисон.

Мы с Кэрриком переглянулись. Значит, он уже знает, кто мы.

Сьюзен, усмехаясь, махнула нам рукой – идите за Рафаэлем. Глаза Кэррика вновь позеленели, он с невинным любопытством изучал дом. Мы вошли в комнату с рабочим столом, и тут уж нас обоих охватило почтительное изумление: весь кабинет подогнан под рост Рафаэля, только для нас обычных размеров диван. Рафаэль уселся в свое кресло, мы пристроились на диване напротив. На полу – ковер в виде сшитого из лоскутов ковбоя, у него плоское резиновое лицо, настоящая шляпа. Я переступила через ковбойские сапоги, стараясь не задеть шпоры. Над очагом человеческая голова – хотелось бы верить, что фальшивая, – с рогами. Лицо седого старика улыбается, выставив напоказ золотой зуб. Да и диван, на котором мы устроились, тоже обтянут белой кожей с веснушками.

– Ни одно животное не пострадало! – подбодрил нас Рафаэль. – Шутка. Осмотритесь хорошенько. Я веган. Против убийства животных ради пищи, моды или отделки интерьера. Тут все фальшивое, включая кожаного парня на ковре. Я назвал его Уэйд. – После небольшой паузы он добавил: – Ну да, ну да. Веган-коротышка. Проблемы с едой в ресторанах. У моей сестры еще хуже: у нее целиакия^[2]. Шучу, – продолжал он без улыбки и даже не переводя дыхания, – сестры у меня нет. – Он поднялся и сходил к бару за виски. – Я бы и вас угостил, но по правилам Заклейменным не полагается пить спиртное. Вот вода. – Он бросил нам две пластиковые бутылочки из холодильника, и мы успели их поймать.

Кэррик с подозрением взирал на воду.

– Не беспокойтесь, все без обмана: при бутилировании этой воды ни одно животное не пострадало. Так, дело вот в чем. Я люблю кино. – Он открыл ящик, в нем – сотни дисков. – Смотрю по три штуки в день, и

шаблон мне известен. Старый коп собирается в отставку, берется за последнее расследование, и тут его убивают. Или старый вор решается на последнее дело, и его ловят. Это неизбежно. Мы воплощаем свои страхи, искусство подражает жизни, жизнь – искусству, и так далее, и, хотя моя жена Сьюзен очень по этому поводу переживает

– Берись за дело, или я тебя брошу! – крикнула она из соседней комнаты.

– Несмотря на то что моя любящая жена Сьюзен так сильно за меня переживает, я готов *подумать* о том, чтобы взяться за дело. У меня свой сюжет: меня не застрелят и не схватят. Я – адвокат, не проигравший ни одного дела, значит, в моем кино будет так: после ухода на пенсию я вернусь к работе – и проиграю дело.

Я посмотрела на Кэррика – впервые за последний час.

– Но это в худшем случае. Я никогда не проигрывал и на этот раз не собираюсь. Полагаю, денег у вас нет, вы в бегах, а потому едва ли можете устроиться на работу и заплатить мне, а даже если бы и работали, не те заработки у Заклейменных, чтобы хватило на мой гонорар. Это ставит меня в сложное положение – и тем сложнее, что вы стали нарушителями, – ну да ладно. К трудностям мне не привыкать. Я собираюсь представлять вас не вместе, а каждого по отдельности, ты уж, Кэррик, не обижайся. Ты удивился, что мне известно твое имя, но я читаю новости, слежу за заседаниями Трибунала, и, хотя ты не столь знаменит, как твоя спутница, мне попала на глаза короткая заметка и о твоей выходке – не слишком разумной, но честной. Наша звезда – Селестина. В любой паре кто-то послабее, из-за этого случаются конфликты, но выше нос: многим людям удавалось с этой проблемой справиться. Полагаю, вы приехали ко мне, потому что я – единственный на всем белом свете адвокат, которому удалось отменить приговор Трибунала. Не знаю, как вы это выяснили, дело строго засекречено, никаких следов, но это вы расскажете мне потом. Большой радости нашему другу мистеру Кревану та история не принесла. Хотите знать, как я этого добился?

Снова пауза, потом улыбка.

– Я был прав! А правый побеждает всегда – нужно лишь упорно работать, не сдаваться, не жалеть денег, угроз, всяких финтов и чтобы дело вел равнодушный человек. Я таков: взявшись за дело, я его не брошу.

Каждую неделю я получаю десятки просьб от Заклейменных, но я не берусь за их дела. Я – их заветная мечта, их единственная надежда, не потому, что они знают о моем успехе, но потому, что я добился такой репутации в зале суда. В юрисдикции Заклейменных я – гигант. Забавно,

правда?

Вот почему я здесь: вышел на пенсию молодым и укрылся в безопасности, в горах, подальше от всего. Не знаю, как вы меня нашли, но – снимаю шляпу. Судя по твоему лицу, Селестина, ты не веришь, что я тут в полной безопасности. Ты нахмурилась, когда я произнес эти слова. Да, ты права, твой дружок Креван и для меня заноза. Я решил, будет лучше для нас обоих соблюдать дистанцию. Он, мягко говоря, проигрывать не любит. И он знает, где меня искать, если я ему понадоблюсь. Он довел это до моего сведения.

Подавшись вперед, Рафаэль впервые глянул на меня в упор:

– Ты сумела ускользнуть от него. И это любопытно, возникают два вопроса: как тебе это удастся и почему он гонится за тобой. Особенно меня интересует «почему», но я не могу допустить, чтобы решение взяться за твое дело зависело от этого. На худой конец, мое любопытство останется неудовлетворенным.

Он откинулся назад и постучал пальцем по подбородку, размышляя.

– Если я задам вопрос, почему Креван так тобой интересуется, ты мне расскажешь?

Я видела, что Кэррик собирается что-то сказать, и поспешила ответить сама:

– Только если вы дадите согласие представлять меня в суде. Письменное, – уточнила я.

Он улыбнулся.

– Проблема в том, что я не уверен, смогу ли я выиграть дело – независимо от того, как сложились отношения у тебя с судьей. Дело-то с самого начала было странное. Тебя заклеили не за то, что ты помогла Заклейменному – за это полагается тюремный срок, – а за то, что ты солгала. Ты сама признала в суде, что лгала. Признала задним числом, это уже пятно на репутации. Но, по правде говоря, мне *хочется знать*, из-за чего судья Креван так распсиховался. И в то же время я не уверен, стоит ли это знание риска проиграть дело. – Он смотрел на меня в задумчивости. – Пока что я склоняюсь к утвердительному ответу.

Он встал и принялся расхаживать по коврику с лицом ковбоя Уэйда.

– Ах да.

Он остановился и улыбнулся, словно прочитав мои строптивные мысли.

– Теперь понимаю. Ты хочешь поставить под вопрос саму систему Трибунала, то есть подать иск о нарушении прав человека. Обычно такие дела рассматриваются в Верховном суде, и там ты проиграешь, потому что ни один нормальный адвокат никогда не станет представлять

Заклейменных перед другим судом, кроме Трибунала, из страха быть обвиненным в помощи Заклейменным – пусть даже ему за это заплатят, а ты и не заплатишь, потому что денег у тебя нет. Значит, тебе нужен человек вроде Эниа Слипвелл из партии Жизни, пусть она дерется за тебя. Твой парень может тебе рассказать о ней подробно, он с ушами влез в ее кампанию.

На миг мне почудилось, что он имеет в виду Арта, но Рафаэль смотрел на Кэррика – я была сбита с толку.

– Вы ошибаетесь, мистер Ангело, Кэррик не имеет никакого отношения к Эниа Слипвелл, – поправила его я.

– А! Боже мой! Значит, она ничего не знала про твои дела с Эниа Слипвелл, а, Кэррик? Кто же ее просветит – ты или я?

Кэррик сглотнул.

– Просветите меня, будьте добры! – попросила я, чувствуя, как зарождаются во мне гнев и страх. На кого смотреть – на Рафаэля или на Кэррика?

– Твоему парню поручалось, в случае, если бы он согласился – а он, будем смотреть фактам в лицо, явно согласился, – разыскать тебя, взять под крыло, чтобы Эниа могла использовать тебя в своей кампании. Она рассчитывает на голоса Заклейменных, такого еще ни один политик не проделывал. Как ты знаешь, Заклейменные обычно воздерживаются от голосования, хотя участие в выборах – одно из немногих оставшихся у них прав. Какой смысл голосовать за того или иного государственного деятеля, когда сам не чувствуешь себя частью этого государства?

Привлечь голоса Заклейменных – умный ход, но рискованный. Эниа ведь недостаточно одних только Заклейменных, а значит, ей нужно, чтобы многие люди поддержали ее, поверили в Заклейменных. А как этого добиться? И тут является наша героиня – Селестина. Замкнутый круг. В какой мере успех кампании зависит от одного лишь человека? – Он глянул на Кэррика. – Готов об заклад биться: весьма в большой.

– Откуда вы ... Это не совсем так ... – забормотал Кэррик.

– Хм, – Рафаэль снова перевел взгляд на меня, – сама подумай, Селестина.

Я была так поражена услышанным, самой мыслью о сговоре Кэррика с Эниа Слипвелл, что не могла отвести глаз от Кэррика, а тот прятал глаза,

смотрел себе под ноги, в смущении драл протертые на коленях джинсы.

– Рвать друг другу волосы, ругаться и истерить будете потом. На меня смотрите, смотрите на меня, – с улыбкой потребовал Рафаэль. Он вернулся к столу, выдвинул ящик и достал лист бумаги. Что-то написал и передал мне.

– Стандартный договор между адвокатом и клиентом. Сойдет.

Я внимательно прочла. Короткий простой договор: Рафаэль Ангело берется представлять интересы Селестины Норт. Вроде бы все правильно.

– Итак, скажи мне, – он уселся на низенький столик и подался ближе ко мне, – что такое тебе известно, что Креван лисой рыщет в поисках бедняжки Селестины?

– Не говори ему, – одернул меня Кэррик, когда я поднялась. – Кто знает, можно ли ему доверять?

– Доверять? – гневно отозвалась я. – Так тебе известно такое слово?

Кэррик отвернулся, обиженно покачав головой.

– И все на этом? – вздохнул Рафаэль, складывая руки на груди.

Я повернулась к нему спиной, задрала футболку, приспустила немного брюки.

Тишина.

Потом Рафаэль шумно втянул воздух.

– Шестое Клеймо. На позвоночнике. – Он подошел ближе, присмотрелся. – В отчете Трибунала об этом ни слова. Трибунал знаменит аккуратным ведением бумаг. Твое слово против его, и все.

– Есть видеозапись – как Креван распорядился поставить мне шестое Клеймо, – сказала я, тщательно обдумывая каждое слово. – Ее-то он и разыскивает.

Он подался вперед, задрал брови:

– Есть съемка? Да, это меняет дело.

– Более того, – продолжала я. – Стражи не хотели ставить это Клеймо. На позвоночник Клеймо обычно не ставят, к тому же у них кончилось обезболивающее. Креван требовал от них полного нарушения всех инструкций – и в итоге заклеил меня сам.

У Рафаэля чуть глаза из орбит не выскочили. Он снова встал, принялся расхаживать, думая на ходу. Я видела, как он взволнован, хотя он и старался это скрыть, – значит, у меня в самом деле имеется козырь. Имеется управа на Кревана.

Рафаэль остановился. Посмотрел на меня с сочувствием и очень грустно. Он был искренен, я видела.

– Прости меня, Селестина. Боюсь, я тебя подвел. Самый избитый

киносюжет – я был уверен, что знаю все, ничего нового уже не увижу и не услышу, – и я принял поспешное решение. Не подумал, что может быть неожиданный поворот сюжета. Боюсь, я человек простой, черное и белое, правильное и неправильное: я не угощаю Заклейменных спиртным и не вправе помогать беглой Заклейменной – у меня семеро детей, я слишком многим рискую.

Кэррик замер.

– Дом снабжен высокотехничной системой наблюдения. Наш друг Креван вынуждает меня держаться все время настороже. Я увидел вашу машину издали и, как только вас узнал, велел моей дорогой жене Сьюзен позвонить стражам.

Кэррик выругался, вскочил на ноги, сжимая кулаки, навис над Рафаэлем.

– Но, – Рафаэль выразительно поднял палец, – мы же не зря живем на отшибе. Ближайшим стражам до нас минимум час добираться, значит, у нас остается сорок пять минут на обсуждение плана. Итак, – Рафаэль глянул на Кэррика с некоторой тревогой, но в то же время забавляясь и наслаждаясь своим умом, – давайте думать.

– Пошли отсюда скорее, Селестина, – заторопил меня Кэррик, с трудом – это было очевидно – подавляя желание превратить Рафаэля в котлету.

– Мачо! – насмешливо произнес Рафаэль.

– Прекратите оба! – прикрикнула я. – Кэррик, нам нужна его помощь.

– Его помощь? – Кэррик не верил своим ушам. – Он натравил на нас стражей.

– Только на Селестину, точнее говоря. Не думаю, что они бы приехали быстрее, если бы я упомянул тебя.

Я переводила взгляд с Кэррика на Рафаэля, разрываясь. Мы проделали такой путь. Это был мой единственный план. Рафаэль Ангело – единственный адвокат, добившийся отмены приговора для Заклейменного. *Он нужен мне.* Что я могу без него? Как добьюсь своего от судьи Санчес?

– Ладно. Оставайся, – решил Кэррик. – Я торчать тут не стану. Я этому парню не верю. Задержимся тут – и снова окажемся в замке.

– Подожди, Кэррик! – Я обернулась к Рафаэлю. – Могу я поговорить с ним наедине?

– Конечно. Тик-тик-тик, – напомнил мне Рафаэль, указывая на часы над камином. Тут-то я разглядела, что вместо стрелок – руки в резиновых перчатках. Рафаэль вышел. Кэррик обернулся ко мне, руки скрещены на груди, нижняя челюсть выпятилась.

– Ему нельзя доверять.

– Что он такое сказал об Эниа Слипвелл? – с дрожью в голосе спросила я.

Кэррик попытался отмахнуться от этого вопроса, но язык тела выдал его.

Он подошел ко мне, осторожно взял за руку:

– Послушай, Селестина, сейчас не время это обсуждать.

– Самое время. Хочу знать правду.

Он вздохнул – уходили драгоценные секунды.

– Эниа Слипвелл обратилась ко мне, еще когда тебя судили. Хотела связаться с тобой. Она могла тебе помочь. Ее избирательная кампания целиком основана на твоём лозунге. «Логика и сострадание» – это твои слова, сейчас их можно увидеть на любом фонаре и билборде. Я обещал помочь ей в поисках, но это было нелегко. Твой дом, твою школу осаждали журналисты. Я не мог к тебе подобраться. Твоим делом занялась сама Пиа Ванг.

– Значит, ты отыскал меня, потому что Эниа Слипвелл тебе это поручила? – Дрожь в голосе усилилась. Я же помнила его слова, там, в коридоре, у двери камеры Клеймения: «Я тебя отыщу». Я ждала его все это время, думала, между нами есть какая-то связь, особого рода союз, а на самом деле он выполнял поручение политика.

– Постой, Селестина, дослушай, – нетерпеливо ответил он. – Эниа ждала меня у замка после суда, когда меня отпустили.

– Она помогла тебе сбежать от куратора?

Он огляделся по сторонам и понизил голос:

– Нет, этого я сказать не могу. Она руководила мной. Давала советы. Кому доверять, а кому нет. Она узнала, где мои родители, – теперь нам известно, что эту информацию она получила от Альфы и ее мужа. Тогда я этого не знал, но они конечно же финансируют ее кампанию. У нее большие ресурсы. Она свела меня с Фергюсом, Лорканом и Ленноксом. У нее есть планы, как помочь Заклейменным, она собирает единомышленников. Чем больше нас, тем мы сильнее. Ты необходима для успеха кампании – *в тебе* ключ ко всему. Она хотела встретиться с тобой, но не могла, потому что ты все время была под наблюдением. Она тебе не враг, Селестина, она действительно пытается помочь.

– Ей известно о шестом Клейме?

– Нет, – твердо ответил Кэррик, и я поверила.

– Она была там, когда в супермаркете началась заварушка. Я видела ее. Кэррик замер.

– Лоркан и Фергюс тоже были там. И ты откуда-то там взялся. Я не задумывалась об этом прежде, но как вы все там оказались? – Я подозрительно сощурила глаза.

Он молчал.

– Кэррик! Ответь мне!

– Нам сообщили, что ты будешь у Альфы.

Альфа пригласила меня к себе домой на собрание. Я чувствовала какой-то подвох. Меня вызвали на сцену перед сотнями зрителей, всучили микрофон и потребовали, чтобы я рассказала о себе. Рассказала бы им что-то вдохновляющее. Поднимающее на борьбу. У меня горло перехватило. Нечего было сказать всем этим людям, которые так много от меня ждали. Внезапно явившиеся стражи – смешно сказать – показались мне избавлением.

– Мы приехали туда за тобой, – пояснил Кэррик. – Я думал, это лучший шанс поговорить с тобой. Но тут начался рейд, и мы не смогли войти внутрь. Потом мы последовали за твоим дедом и тобой, видели, как ты вошла в супермаркет.

– И там ты подстроил ... Ты подставил меня! – сообразила я наконец, и по лицу Кэррика поняла, что угадала.

Заикаясь, он пытался еще изложить собственную версию событий, но мог бы не стараться.

– Ты подставил меня! – повторила я громче.

– Я должен был поговорить с тобой, Селестина!

– Как насчет похлопать меня по плечу и сказать: «Привет, Селестина, это Кэррик – помнишь меня?» – саркастически предложила я, а голос предательски дрожал. – Зачем было доводить до беспорядков?

– Я хотел, чтобы Эниа и все остальные увидели тебя в деле – увидели, какая ты храбрая. В экстремальных обстоятельствах ты становишься настоящей героиней, Селестина.

– Никакая я не героиня! Я просто нормальный человек, который поступает нормально! Ничего героического я не делала, – с отвращением возразила я.

– Мы все так боимся допустить ошибку, что никто уже не прислушивается к чувствам и интуиции. Ты – редкий человек, Селестина. Пойми, нам нужна Эниа, а Эниа нужна ты. Ей следовало увидеть, что ты

можешь повести за собой людей, что люди в тебя поверят. Фергюса и Лоркана ты сразу же покорила, после той истории в супермаркете они на все для тебя готовы. Никто не думал, что это так скверно обернется – кто ж знал, что полицейский так взъестся. Я хотел только, чтобы люди увидели твою силу, как ты умеешь постоять за себя. К моим чувствам к тебе это вообще не имеет отношения.

Голова кружилась.

– Ты подставил меня! – уже во весь голос проревела я, и Кэррик заткнулся. – Из-за тебя, из-за этой истории в супермаркете мне пришлось бежать из дома. – Голос сорвался. – Оставить всех близких. Ты окончательно испортил мою жизнь.

– Нет, Селестина, нет! – сказал он и обеими руками попытался удержать меня, словно взбесившегося коня.

– Ты ничем не лучше Арта! – рявкнула я. Гнев и боль бежали по жилам вместо крови. Все, через что я прошла после той истории в супермаркете, – все из-за Кэррика. Я соблюдала правила, пока Лоркан и Фергюс не пристроились ко мне в очереди перед кассой. Заклейменным не полагается собираться больше двух. И так они во второй раз сломали мне жизнь.

– Если Эния хочет мне помочь, так почему бы нам не пересидеть в убежище, пока не пройдут выборы? Придя к власти, она сможет отменить Трибунал, дать амнистию Заклейменным, или что там она обещала.

– Ты нужна Эния, чтобы убедить избирателей в необходимости разогнать Трибунал. Ты единственная Заклейменная, сумевшая пробудить сочувствие в обществе. Благодаря тебе они увидели, что мы тоже люди, теперь благодаря тебе к нашим историям стали прислушиваться, а только так, делясь своими историями, мы сумеем добиться перемен. Чем злее преследует тебя Креван, тем больше людей задаются вопросом, какие у него побуждения. А самое главное – у тебя есть оружие. У тебя есть запись. Пусть все ее увидят.

Но у меня нет записи. Этот секрет я от него утаила. Кровь прихлынула к щекам – я обвинила Кэррика во лжи, а сама тоже лгу. Но разве его ложь не хуже в сто крат?

– Эния Слипвелл, как и все остальные, использует меня в своих интересах, – сказала я. – Как я могу ей доверять? Ей нужны голоса избирателей, чтобы добиться власти. Но, если она станет премьер-министром, кто знает, как она поступит – может быть, отступится от всех посулов, и что тогда будет со мной? Ты прав, Кэррик: только я сама за себя. Каждый преследует собственный интерес, пора и мне о себе подумать. И для этого никто не нужен. Ты мне не нужен.

Он заморгал, удивленный, обиженный. Глаза меняли цвет от черного до карего, до лесного ореха, появились зеленые блики.

Но, не позволяя себе передумать, я повторила:

– Уходи. С этим я разберусь сама.

Я вышла из комнаты и отправилась на поиски Рафаэля, который, уверена, подслушивал наш разговор от слова до слова. Адвоката я нашла в кухне, он кормил малышку банановым пюре.

– Через тридцать пять минут стражи будут здесь, – напомнил он. – Тик-тик-тик. Остаешься?

Я кивнула.

– Одна?

Хлопнула дверь, заревел мотор. Да, теперь я совсем одна.

37

– Значит, решено, – весело произнес Рафаэль, протягивая дочке ложку, чтобы та облизала, но вместо этого она махнула ложкой так, что пюре попало ей в лицо, на стол и разлетелось по всей комнате, словно им выпалили из катапульты. – Ловко управилась, Елка, – похвалил он многообещающую дочь. – Не бойся, Селестина, ты тут не застрянешь. У меня есть машина, которой ты сможешь воспользоваться, – которую ты угонишь, припугнув меня, угрожая жизни моих детей. Я просто вынужден буду отдать тебе ключи. – Он обернулся к детям: – Ведь так все было, Липа, хорошая моя?

Она кивнула, широко раскрывая серьезные голубые глаза.

– Она насмерть перепугала нас, папочка. Я думала, она правда нас убьет! – прошептала она даже чересчур выразительно и правдоподобно.

Ее братья и сестры расхохотались.

– Неплохо, – кивнул отец. – А теперь за работу.

Мы устроились на заднем дворе, за столом, на деревянных скамейках. Единственные наши свидетели и советники – деревья.

– Кому еще известно о шестом Клейме? – спросил он.

– Стражам ...

– Имена!

– Тина, Джун, Фунар, Барк, Тони. Сам Креван. Снимал мистер Берри. – Я чуть помедлила: – Кэррик тоже был.

Он быстро глянул на меня: не шучу ли.

О Кэррике никто до сих пор не упоминал.

– Знай я раньше ...

– И что?

– Видишь ли ... Выходит, он тоже нужен. Это *свидетель*, Селестина. Не следовало его отпускать.

Я закрыла глаза и со стоном опустила голову на стол.

– А мистер Берри снимал, – продолжал адвокат.

– Да, – сказала я губами в стол. – Из «предбанника». – Я выпрямилась. – А теперь он пропал. И все стражи.

Рафаэль удивленно поднял глаза, оторвавшись от блокнота с записями.

– Еще о шестом Клейме знает Пиа Ванг. Она стала задавать вопросы – и она тоже исчезла.

Он снял очки.

– Ты доверилась Пиа Ванг? – Теперь он счел меня душой.

– Она также пишет под псевдонимом Лайза Лайф.

Он и рот разинул.

– Она разыскивала стражей, собиралась их расспросить, – продолжала я. – Собиралась изобличить Кревана. И вот уже две недели о ней ничего не слышно. Мои родители знают о Клейме, но не присутствовали, когда Креван его поставил, даже не знают, что это сделал он. Я им не говорила. Знает ли о Клейме сестра – не уверена, с ней мы это не обсуждали. Трибунал пока не трогает мою семью. Вроде бы. Но два дня назад увезли на допрос дедушку. Он знает о Клейме, и что это дело рук Кревана, тоже знает.

Два дня. Неужели всего два дня прошло?

– Они пытаются обвинить его в помощи Заклейменной, – пояснила я. – Потом несколько моих одноклассников. Они схватили меня и заперли в сарае, раздели и фотографировали. – Я рассказывала все это без эмоций, а Рафаэль смотрел на меня в ужасе. – Логан Трилби, Наташа Бенсон, Гэвин Ли и Колин Тиндер.

Он уронил очки на стол и шире прежнего раскрыл глаза:

– Пошли в дом.

Я вошла следом за адвокатом на кухню, и он переключил телевизор на канал, который специализировался на репортажах из суда Трибунала. Дети взвыли. На экране – незнакомый диктор, заменяющий Пиа, красавица блондинка с льдисто-розовыми губами и щеками, эдакая добрая ведьма, с улыбкой произносящая одну напоенную ядом ненависти фразу за другой. На экране появились фотографии Логана, Колин, Наташи и Гэвина. Наташа сделала селфи после того, как увеличила объем губ, дура душой, точно гуппи. С какой стати я смотрю на эти фотографии, на эти глупые,

улыбчивые лица? Будто все у них всегда в порядке. Но я-то знаю правду.

И тут до меня дошло. Под фотографиями вспыхнуло одно только слово:

РАЗЫСКИВАЮТСЯ.

Они пропали два дня назад. Благочестивые родители Логана успели уже обвинить в этом меня. Они дали эксклюзивное интервью каналу Трибунала.

Рафаэль выключил телевизор.

– Все против тебя. Как, по-твоему, я могу действовать, если все, кому известно о Клейме, исчезли, а с последним уцелевшим свидетелем ты только что поцапалась? – Он оглянулся на детей, и впервые я почувствовала, что ему не по себе.

Сьюзен выставила нас обратно во двор, приговаривая:

– Не хочу знать, ничего не хочу знать.

Нужно снова привлечь его на мою сторону. Нужно дать ему какую-то зацепку.

– Судья Санчес на моей стороне. Не спрашивайте почему, но это так. Я решила найти вас и добиться пересмотра дела. Когда Кревану предъявят видеозапись, он вынужден будет отменить незаконное шестое Клеймо, а если он допустил одну ошибку, то, вполне вероятно, допустил и другие. Значит, он сам порочен. Придется ему просить прощения, и вся система Трибунала окажется под ударом. Креван будет унижен, он уйдет в отставку – этого и добивается Санчес.

Рафаэль улыбнулся и посмотрел на меня чуть ли не с восхищением:

– Собираешься доказать, что сам Креван достоин Клейма?

Я нервно жевала губу:

– Конечно, это нестандартный ход ...

– Я и сам не люблю стандарты. Но для начала я должен увидеть эту видеозапись.

Ну да.

– Есть одна проблема. – Я снова сглотнула. – *Большая* проблема. У меня ее нет.

Молчание.

– Муж мистера Берри сказал, что запись у меня. Он так сказал мне по

телефону. Креван подслушал, видимо, наши телефоны прослушивались. Но у меня нет записи, и я понятия не имею, где она.

Судя по лицу адвоката, он готов был сжать пальцами мою шею и хорошенько меня придушить, но, к счастью, передумал. Сделал несколько глубоких вдохов, успокаиваясь.

– Мистер Берри навещал тебя дома после суда? – спросил он.

– Нет.

Первые дни дались мне тяжело, я по большей части спала под действием сильных анестетиков, но я знала, что мистер Берри не приходил. Я по пальцам могла сосчитать всех, кто побывал в те дни у нас. Врач. Ангелина Тиндер.

– Тина! – спохватилась я. – Одна из стражей. Добрая.

– Значит, она и передала тебе записку.

Мысли заметались. Это было почти месяц назад. Целая жизнь прошла с тех пор.

– Нет. Она принесла кексы, которые испекла ее дочь. Я еще подумала, как глупо, мне ведь нельзя. Разрешена одна сладость в неделю, и в кексе больше калорий, чем мне положено.

– Значит, в одном из них, – сказал Рафаэль.

– Нет, я отдала их братишке. – Я поднялась, зашагал по комнате. – Мы бы заметили, если бы он проглотил ... Что мы ищем, мистер Ангело? Файл? Диск? Чип?

– Скорее всего, небольшую флешку, – предположил он, – или карточку из телефона мистера Берри.

У меня оставалось всего пятнадцать минут.

– Что еще она передала тебе? – настаивал он.

– Я ее даже не видела. – Я изо всех сил ломала себе голову. – Мама не пустила ее ко мне. Сочла это неуместным.

– И ведь правда, – подхватил он. – Совершенно неуместный поступок для стража, и небезопасный. Значит, у нее была на то причина. Видимо, она передала видеозапись твоей маме.

– Еще был стеклянный шар, – спохватилась я. – Стеклянный шар с замком Хайленд внутри. Потрясешь, и сыплются красные блестки, похожие на кровь. Ничего более отвратительного не видела – не могла понять, как ей в голову пришло подарить мне такой сувенир после того, что со мной сделали в этом замке.

– Флешка там, – сказал он, вставая. – В стеклянном шаре, только там. Где он?

Я подозрительно присмотрелась к адвокату. Можно ли все же ему

доверять? Я рассказала ему все – не слишком ли много? Лишившись этой записи, я останусь безоружной.

Я изобразила разочарование. Уронила голову на стол, вызвать слезы было легко, в последнее время они так и просились наружу.

– Я его выбросила, – солгала я. – Швырнула об стену, он разбился, и мама выбросила осколки. Несколько недель назад. Теперь уж не найти.

Рафаэль рассердился, но, кажется, поверил. А я тем временем отчаянно соображала, как вернуть шар. Звонить домой нельзя, разговоры конечно же прослушиваются – так Креван и узнал о записи, из моего разговора с мужем мистера Берри.

Какой же я была тогда дурой!

Десять минут в запасе.

Рафаэль выглядел встревоженным. Заставил себя сесть.

– Как я тебе уже сказал, Селестина, я мыслю нестандартно. В этом мое преимущество. Нельзя дожить до моих лет с такой внешностью и не научиться разным приемам борьбы. В юности самое страшное – отличаться от других, но с годами понимаешь: это отличие – твое оружие, твоя броня и сила. Твой дар. Я стараюсь мыслить нелинейно, делать именно то, чего, казалось бы, делать ни в коем случае нельзя.

– А именно?

– Что ты делала последние две недели?

Я нахмурилась, обдумывая этот вопрос. Бежала, пряталась, плакала, жалела себя. Попутно потеряла девственность, но вряд ли он об этом. Подняла глаза, испугавшись внезапно угаданного мной ответа:

– Пряталась от Кревана.

– Именно. Настала пора встретиться с ним.

Составив план, Рафаэль пошел в дом за ключом от машины. Телефон он оставил на столе. Я схватила трубку. После того как я позвонила с секретного телефона судье Санчес и стражу Кейт, я опасалась звонить Джунипер с того же номера. Возможно, он уже засвечен. Дедушка говорил мне, что Джунипер работает в городе, в кафе. Поразительно, все живут своей жизнью, только я замерла на месте.

Когда Трибунал предъявляет человеку обвинение, ответчик должен нанять себе адвоката. Если его оправдают, гонорар адвокату заплатит Трибунал, но, если будет вынесен приговор, все издержки ложатся на

Заклейменного. Мистер Берри был самым лучшим и самым высокооплачиваемым адвокатом при Трибунале, на это ушли все сбережения моих родителей. Кроме того, моя мама, знаменитая модель, лишилась нескольких контрактов, а некоторые разорвала сама, потому что не желала больше рекламировать «идеальные» продукты, «идеальную» жизнь. Боюсь, она осталась вовсе без доходов. Папа работал на круглосуточном новостном канале News-24 и оказался полностью во власти нового управляющего – родной сестры судьи, Кэнди Креван. Она не позволяла папе отбирать и по-своему комментировать новости, тем более когда основной новостью сделалась его беглая дочь.

Итак, Джунипер нашла работу. Мы обе собирались поработать летом, до поступления в университет, но сейчас это превратилось в семейную необходимость. Джунипер старше меня всего на год, даже меньше, нас часто принимали за близнецов. В те недели, когда пресса осаждала наш дом, Джунипер не раз выступала в роли «ширмы», выходила из дома прямо в лапы фотографов и отвлекала их на себя, давая мне возможность ускользнуть через другую дверь. Но, хотя внешне мы очень похожи, характеры у нас совершенно разные.

Я любила школу, прекрасно училась, а Джунипер учебу ненавидела, ей все давалось с трудом из-за дислексии. Но, хотя оценки у меня были лучше, на самом деле Джунипер умнее. Она проницательна и гораздо лучше разбирается в людях и ситуациях, словно, глядя со стороны, узнала гораздо больше, чем я, всегда живо в чем-то участвовавшая. Она позволяла себе дерзости, сидя за одним столом с Креваном, и мне казалось, она склонна к теориям заговора, как и наш дедушка. В тот день в автобусе мы словно поменялись ролями: это она должна была прийти на помощь Заклейменному старику. Думаю, в каком-то смысле Джунипер стало бы легче, если бы ей поставили Клеймо, потому что она и так всегда чувствовала себя маргиналом. Клеймо стало бы для нее чем-то вроде почетного знака. Я многому могла бы научиться у сестры, если бы вовремя прислушалась. И мне так не хватало ее теперь.

Я звонила ей дважды в то кафе из дедушкиного дома. Только один раз она сама подошла к телефону, и я быстро положила трубку. Мне нужно было услышать ее голос, ничего говорить я не посмела, чтобы не подвести сестру. Но, если Трибунал проверит исходящие звонки, что тут странного, если дедушка позвонил внучке на работу.

Теперь я снова набрала этот номер.

– «Кофе Хауз», – сказал мужской голос.

– Позовите, пожалуйста, Глори.

Мне было также известно, что она работает под псевдонимом. Никто бы не взял на работу девушку, чья сестра разыскивается Трибуналом. Глори и Тори – вымышленные имена, которыми мы называли друг друга в детстве. Мы засовывали подушки себе под футболки, изображая двух толстых дам – владелиц кондитерской лавки. Часами лепили пирожные из грязи на заднем дворе, украшали травой и лепестками и угощали посетителей – чаще всего эта роль доставалась Эвану, и он, смеша нас и пугая маму, пытался в самом деле откусить кусочек.

– Личные звонки не разрешаются, – сказал мужчина.

– Ее бабушка умерла! – рявкнула я, и он тут же ретировался.

– Алло? – Ее голос. Тревожный.

– Глори, это Тори, из кондитерской.

– Это ты? – запнувшись, шепнула она.

– Да, – сказала я и чуть не заплакала. Сколько всего я бы хотела сказать сестре, но это сейчас опасно. У меня иссякали последние минуты, пора было уходить, пока не вернулся Рафаэль, пока стражи не добрались до лесного дома.

– Боже, с тобой все в порядке?

– Да. Но мне нужна твоя помощь. Мне кое-что нужно из дома. Сумеешь найти для меня?

– Постараюсь. – Она заговорила тише. – Но будет непросто. Они все время возвращаются, обыскивают снова и снова. И она забрала из твоей комнаты все подчистую. Не сердись. Мы не сумели ее остановить.

Я сразу же догадалась, кто такая «она» – Мэри Мэй.

– На следующий день, после того как ты ушла, она явилась и разгромила твою спальню, а после того как дедушка ... Тогда она забрала все. Все твои вещи. Они что-то ищут, им не ты нужна, как мне кажется.

– Ты права, – ответила я. – Куда она это увезла?

– Не знаю, но она была в обычной одежде, не в форме, и приехала на личном автомобиле. Запихала все твои вещи в мешки для мусора и уехала.

Это она сделала после того, как забрали дедушку, когда они не нашли меня на ферме. Значит, всего два дня прошло. И меня все еще ищут, то есть запись пока так и не нашли. Будем надеяться, Мэри Мэй не выбросила стеклянный шар. Зная ее, есть все основания надеяться.

Послышались шаги Рафаэля, и я закруглилась.

– Спасибо, ты очень помогла, – поспешно сказала я. – Я тебя люблю. – Выключила телефон и снова положила его на стол.

– Я оставил секретарю Кревана сообщение с просьбой срочно перезвонить мне, как только судья вернется, – сказал Рафаэль, ставя передо

мной стакан воды. – Уверен, он сразу сообразит, о чем речь, ему к тому времени уже донесут, что ты здесь побывала. Да и в любом случае мой звонок он заведомо сочтет важным.

Его явно тревожило то, с чем он связался. Вернее, с кем – с самим Креваном.

Но я не собиралась дожидаться, пока Креван отзвонит или пока стражи сюда явятся. Я давно перестала понимать, кому можно верить. И чем мучиться неопределенностью, предпочитала иметь дело с фактами. По крайней мере, я знала, кому доверять *нельзя*.

И мне достаточно было короткого звонка, чтобы добраться до Кревана.

40

– Арт, это я, – заговорила я, прижимая трубку к уху и подскакивая на ухабах серпантина в «мини-купере» Рафаэля. Сердце стучало оглушительно, грохот его отдавался в ушах, гнев ослеплял. Мне хотелось заорать во весь голос: «Я знаю, кем ты стал!»

– Селестина? – изумился он.

Я включила наушники, обе руки положила на руль, сосредоточиваясь. «Мини» летел вниз по склону горы.

– Где ты? – Голос надломился.

– Мы должны встретиться, – решительно заявила я. – Мне нужно кое-что тебе показать.

– Что?

– Видеозапись. Твой отец и я.

– О чем ты говоришь?

– Встретимся через два часа. На обычном месте.

Он молча обдумал, потом:

– Ладно.

Я оборвала разговор.

Тут Кэррик прав: Арт – *наживка*.

41

Я спряталась на вершине нашей горы, под покровом ночи. Меня мутило – Сьюзен впихнула мне какую-то еду (вкус я по-прежнему не могла попробовать), чтобы придать мне сил, но эта еда взбунтовалась. Я ждала

на вершине, откуда открывался вид на весь город, не так давно здесь мы с Артом встречались каждый вечер. Впервые я пришла раньше, чем он, обычно он ждал меня – тоже признак, что ситуация перевернулась.

Луна высоко в небе, не идеально круглая луна, как в последний раз, когда я была с Артом, когда он подарил мне ножной браслет из трех кругов, символ геометрической гармонии, идеала, – в ночь перед тем, как моя жизнь непоправимо изменилась. А может быть, луна и тогда не была идеально круглой, может быть, мне только так казалось, потому что, как я теперь понимаю, многое представлялось мне вовсе не таким, каким было на самом деле. Я стала вспоминать, какой я была, и увидела, насколько я была наивной, как верила, будто знаю все, могу все наперед спланировать, к каждой проблеме подберу решение. Думала, будто людям можно доверять.

Браслет, подаренный Артом, я все еще носила. Один только раз хотела сорвать его и выбросить – в ту минуту, когда увидела Арта в форме стражей. Но как шестое Клеймо, впечатавшееся мне в поясницу, так и этот браслет наделял меня властью. Теперь я знала, что браслет подарен мне стражем, сыном человека, приговорившего меня носить Клеймо, в то время как браслет символизировал Идеал. Оба они – лицемеры.

Захрустел гравий, и я отодвинулась в тень. Джинсы, темная толстовка, копна непослушных светлых локонов, мягкие черты лица, кроткие глаза, губы, изогнутые так, словно из них не может выйти ничего, кроме шутки. Арт. Я выждала, проверяя, один ли он пришел. Заставила его подождать – минуту, другую. Нет, никого больше не было. Пока.

Я вышла из тени.

– Привет, – произнес он так, словно я внушала ему страх. Оглядел меня с ног до головы. Потом оглянулся по сторонам, страхась шпионов.

Интересно, подумала я, Креван выскочит и схватит меня прямо сейчас или предоставит нам поговорить. А еще интересно, подослан ли Арт добыть у меня информацию или он даже не понимает, как его используют. Бедный Арт, на минуту мне стало его жаль, попался промеж двух противников. Но жалость быстро умерла – он выбрал не ту сторону.

– Привет, – ответила я намного мягче, чем собиралась.

Позади Арта раздались шаги, я приготовилась. Как жаль, подумала я, и сама удивилась этой мысли, что нам совсем не дали поговорить наедине. Явился не отряд, не спецподразделение стражей во всеоружии – только Креван, как я и ожидала. Понятно, что он не хотел приводить с собой подручных, которые тоже слышали бы про ту запись, Ему нежелательно, чтобы об этом знали. Он тоже надел джинсы, толстовку – копия Арта, лишь

постарше. Неофициальная встреча.

– Папа! – резко обернулся Арт, и я порадовалась: он в самом деле был удивлен. – Откуда ты? – И сердито: – Неужели следил за мной?

– Я получил твоё сообщение, – сказал мне Креван, не отвечая Арту, довольный, словно в чем-то меня переиграл. Потом он ласково положил руку на плечо сыну: – Иди домой, сынок. Дальше я сам.

– Что происходит? Какое сообщение?

– Извини, сынок, но ты теперь страж, и замок имеет доступ ко всем твоим звонкам. Звонок Селестины сразу же поставили на прослушку. Но об этом мы поговорим позже, – добавил он непререкаемым тоном и снова обратился ко мне: – Арту нельзя разгуливать по ночам, как прежде, у него теперь работа. – Он улыбнулся, и от глаз побежали морщинки.

Я сердито уставилась на Арта, потом пронзила взглядом Кревана:

– Должно быть, теперь вы гордитесь сыном. Теперь он такой же, как вы.

Арт смотрел себе под ноги. Ему не терпелось убраться подальше, раз он понял, что мне известно о его службе в стражах. Бросив последний взгляд на Кревана и на меня, он поспешно ушел.

– Ирония судьбы: ты оказала мне неоценимую услугу. Твое опрометчивое поведение вернуло мне сына. Мы никогда прежде не были так близки, – произнес Креван, приближаясь ко мне.

Ветерок донес знакомый запах. Мята. Жевательная резинка или антисептик? Я не могла толком разобрать. Может быть, он жуёт резинку. А может быть, это домашний запах Кревана из моей прежней жизни, когда мы были друзьями, почти родственниками.

– Он бы ни за что не вошёл в наше семейное дело, если бы ты не предала его – не ударилась в бег, не сделалась нарушительницей.

Меня так и подмывало наброситься на судью, ударить, лягнуть его хорошенько. Заорать как можно громче, выплеснуть на него все известные мне горькие и грубые слова, но смысла никакого – его не прошибешь. Всякое чувство, все эмоции давно в нем умерли. Наверное, он сидел часами, обдумывая, как уничтожить меня и оборвать все связи, какие соединяли его сына со мной.

– Значит, ты что-то хотела показать Арту. – Довольный, он следил за выражением моего лица. – Полагаю, речь идет о так называемой секретной видеозаписи. Давай ее сюда. – Он изображал хладнокровие, но я видела, как он нервничал. Две недели он переворачивал всю страну вверх дном в поисках этой записи.

Я усмехнулась:

– Вы правда думали, что я возьму ее с собой?

Самодовольная улыбка погасла.

– Я позвонила Арту *в расчете*, что он предупредит вас о встрече. Думаете, я не знала, что он стал стражем? Разумеется, знала. Вот только не думала, что он скроет свидание от вас. Выходит, не так уж крепки ваши отношения, – продолжала я, стараясь побольнее его уязвить. – Я сильно изменилась с тех пор, как вы меня заклеямили. Стала умнее. Ирония судьбы – вы тоже оказали мне неоценимую услугу.

Его лицо потемнело – он понял, что все идет по моему плану.

– Я приехала сюда не затем, чтобы показать Арту запись. Я приехала поговорить с вами. Сказать вам, что вы допустили ошибку – впрочем, вы это и сами уже понимаете. Потом вы пытались замести следы, но поздно. Стражи, школьники, журналистка, адвокат ... Слишком далеко дело зашло. Неужели вы рассчитываете, что никто ничего не заметит? Ни у кого картинка не сложится? Всю страну не заклеить, Боско.

– Ты веришь, что какая-то видеозапись так много значит? – рассмеялся он.

– Я это знаю. Потому что я знаю, что на ней. Я же там была, не забыли? А еще знаю, потому что вы из кожи вон лезете, разыскивая меня, пытаетесь меня поймать. Вы запаниковали. Знаете, что от этого вам не отговориться. Когда люди увидят съемку, они поймут, какое вы чудовище. Чудовище, вышедшее из-под контроля: нельзя такому доверять огромную власть.

У него заходил кадык. Боско прикидывался, будто мои слова его не задели, но я же видела: с ним за всю жизнь никто не смел так говорить.

Я сделала глубокий вдох.

– Я могу сделать так, словно ничего и не было. Я отдам вам запись, если вы признаете, что я не заслуживаю Клейма. Что в автобусе я поступила правильно. *Покайтесь*, Боско. – Я повторила то слово, которое он обрушил на меня в камере Клеймения.

Он явно удивился:

– Это невозможно. Стоит сделать так один раз, и все Заклейменные потребуют пересмотра приговора.

– Таковы условия, – пожала я плечами.

Он вздохнул, плечи его поникли, одну руку он спрятал в карман, другой устало потирал лицо.

– Ладно. Я это сделаю.

Я даже растерялась от такого поспешного согласия. Выходит, Рафаэль дал мне хороший совет. Надо ковать железо, пока горячо.

– И вы должны сделать то же самое для Кэррика Уэйна. – Пусть Кэррик скрыл от меня свое участие в делах Эниа Слипвелл, но то, что было между ним и мной, никуда не делось – и то, что было тогда в замке, и то, что случилось накануне ночью в спальном вагоне. Вероятно, ему придется попросить у меня прощения, но он, и только он, по-настоящему верил в меня, только благодаря ему состоялся этот разговор – я перед ним в долгу.

Судья посмотрел на меня, сощурившись, и я постаралась сохранить уверенность. Более пугливая часть меня уже паниковала: не следовало называть имя Кэррика, подсказывать Боско эту связь.

– Ты отдашь мне запись, *все копии*, и я сделаю то, что ты просишь, – для тебя и твоего друга. Но вот мои условия: вы оба покинете страну и чтобы я даже не слышал никогда больше ни о тебе, ни о нем. Только суньтесь в Хамминг – окажетесь снова в том же положении.

Я была потрясена: план сработал! Уехать из страны? Да с радостью. Получить свободу? Конечно, давайте!

– И это соглашение останется частным, – продолжал он, разъясняя все детали. – Никто не будет знать, что приговоры отменены. Вы будете жить свободно, и соответствующие органы будут извещены, но население останется в неведении. Мы сделаем это по-тихому.

Точно так же было и с тем делом, которое выиграл Рафаэль Ангело. Но если я соглашусь всю жизнь молчать об отмене приговора, я так и не верну себе незапятнанное имя и, главное, никто не сможет использовать мою победу как прецедент, чтобы вступить в борьбу за свою свободу. Мы не сможем предъявить обвинение Кревану. Эниа Слипвелл не сможет привлечь меня к своей кампании. Заклейменные так и останутся бесправными. Санчес не сможет отстранить Кревана от власти.

Зато я буду свободна. И Кэррик.

Мне вспомнился упрек, который Корделия бросила мне на заводе: «Настоящий вождь не пожертвует своими людьми ради собственной пользы».

– Нет. – Мой голос дрогнул. – На это я пойти не могу.

Креван прищелкнул языком:

– А ведь все могло получиться!

Я утратила бдительность. Слишком озабочена была тем решением, которое предстояло принять, и не следила за Боско. Думала, я умна – оказалось, недостаточно. Он вынул руку из кармана, вытянул ее и вонзил мне в бедро иглу.

Я рухнула наземь.

Очнулась я на больничной койке. Белые занавески, белые стены, белый потолок, белые простыни, яркая лампа на потолке. Свет ударил по глазам. Ночная рубашка на мне – красная.

Я попыталась сесть, но не смогла. Верхняя часть тела с трудом, но двигалась, руки слушались, но ниже талии – ничего. Никакого движения. Полностью парализована.

Я рвалась прочь из этой ловушки, постанывая от напрасных усилий. Сбросила одеяло и стала приподнимать ноги руками. Ноги тяжелые, но поднять их я могла – вот только ничего не чувствовала. Я шлепала по ним, колотила, пыталась разбудить мои ноги, заставить слушаться.

Занавеска раздвинулась, я дернулась в испуге. Передо мной появилась Тина. Тина. Та самая, которая сопровождала меня во время Клеймения, – одна из пропавших стражей. Вернее, я думала, что она пропала, как и все остальные. Но вот она предстала передо мной в форме стража, и мне вновь пришлось пересматривать все, что казалось очевидным. Успокоительная теория, будто она на моей стороне, она тайно передала мне видеозапись, поэтому Креван ее похитил, – вся эта конструкция обрушилась. Тина – враг.

Она заговорщически приложила палец к губам.

– Он ввел тебе какое-то парализующее средство, – шепнула она. – Тебе сделают пластическую операцию, чтобы убрать шестое Клеймо.

– Что? – прошептала я.

– Ш-ш! – громко шикнула она. – Трибунал вызвал доктора Грин сделать тебе операцию. Извини, Селестина, все так скверно обернулось.

Она подошла вплотную, взяла меня за руку.

– Он угрожал и мне, и дочери. Я видела, что он сделал с остальными, я не могла ... – Глаза ее наполнились слезами. – Я старалась помочь тебе. Ты нашла флешку?

– В стеклянном шаре? – уточнила я.

Она выдохнула с облегчением.

– Барк сделал двойное дно. Я не была уверена, сообразишь ли ты, но он думал – сообразишь. «Она умная девочка», – твердил он. – Тина печально улыбнулась, вспоминая своего друга. – Я думала, нужно приложить записку, но боялась оставлять бумажный след, боялась, что записка попадет не в те руки. Я не могла связаться с тобой. И все боялась, что ты так и не найдешь.

– Я слишком поздно сообразила. Мэри Мэй забрала все из моей

комнаты. Но она тоже не догадалась про шар, иначе меня бы сюда не привезли. Куда она могла деть мои вещи?

– Не знаю. – Тина торопливо соображала, в глазах паника. Если в ее сувенире обнаружат флешку, ей несладко придется.

– Тина, пожалуйста! Мне нужно это выяснить. Узнай для меня, очень тебя прошу.

Дверь открылась.

Тина вытянула руку – мне показалось, сейчас она меня ударит, но она лишь толкнула меня в лоб, вынуждая опустить голову на подушку, и прикрыла мне рукой глаза, чтобы я сомкнула веки.

– Она еще спит, доктор Грин, – негромко сказала она.

– Подумать только. Никогда не видела, чтобы человек так крепко спал.

– Она долго скиталась, устала, наверное. – В голосе Тины звучала жалость.

– Хм, – пробормотала доктор Грин. – Вы уверены, что ей не давали седативные средства?

– Откуда же мне знать, доктор, – осторожно возразила Тина. – Мне лишь поручили присмотреть за ней.

– Обычно я начинаю готовиться к операции за несколько недель, чтобы лекарства не повлияли на формирование кровяных сгустков. – Доктор говорила с Тиной брезгливо, словно ожидая, что женщина вот-вот сознается: да, это она дала мне снотворное.

Неловкое молчание. Обе наблюдают за мной.

– Боюсь, об этом придется спросить судью Кревана.

– Я уже спросила.

Обе знают, что во второй раз к нему не подступиться.

Я стараюсь дышать ровно. Вспоминаю, как пряталась в той яме для костра. Тут хотя бы дышать можно. Жизнь налаживается. Вот только паралич – это что-то новенькое.

– Вы видели Клеймо? – тихо спросила доктор Грин.

– Это произошло при мне, доктор.

– Поверить не могу, чтобы девочка сделала это сама. Как она сумела в такой момент вырвать у стража инструмент? Разве во время Клеймения не привязывают к креслу?

– Что вы говорите? – растерянно переспросила Тина.

– Судья Креван сказал мне, что вы все не уследили, и Селестина сама поставила себе шестое Клеймо.

Молчание.

– Необходимо как можно скорее удалить шрам. Ее обвинения против

судьи Кревана вызвали широкий резонанс. Знаете ли, она утверждает, что это он ее заклеил. Неудивительно, что судья так усердно ее разыскивал.

Тина молчит как убитая.

– Ведь так все было, да? – неуверенно переспросила доктор Грин.

– Очнулась она? – загрохотал Креван, врываясь в комнату.

– Еще нет, судья, – ответила доктор Грин, растерявшись.

– Сразу меня зовите. И проследите, чтобы она ни с кем не говорила.

Хватит ей распространять свои выдумки.

– Да, сэр, – торопливо подтвердила Тина.

– Все в порядке? Операционная вас устраивает, доктор Грин?

– Да, судья, благодарю вас. Могу я задать вопрос? Что это за учреждение? Я не знала о его существовании.

– Новый отдел. Государственная тайна, доктор Грин. – Я расслышала в его голосе усмешку и представила себе выражение его лица. Когда-то он казался мне красивым – пока маска не слетела.

– Мне нужно осмотреть шрам до операции, – твердо заявила доктор Грин.

С помощью Тины она перевернула меня на бок. Хоть бы Креван не стоял вплотную, не глазел! Доктор Грин со свистом втянула в себя воздух.

– Ничего себе! Это должно было причинить страшную боль. Словно пытка. Зачем юная девушка такое с собой сделала?

– Кто знает, что на уме у порочных? Мы еще побеседуем после операции, доктор Грин, – сказал Креван. – Боюсь, я должен готовиться к этому ужасному интервью, с которым премьер-министр поручил мне выступить перед выборами. Придется доказывать населению, что я не страшный, злой волк, каким меня выставляет партия Жизни.

Он снова попытался шутить, сделать вид, будто ничего особенного не происходит. Но если правительство требует от него публичного выступления, значит, плохи у Кревана дела. Они пытаются заранее решить эту проблему.

– А, в самом деле: беседа с Эрикой Эдельман. Она ... – врач запнулась в поисках точного слова, – опытный интервьюер. Желаю вам удачи.

– Удача понадобится, – ответил он. – Эта женщина, я так понимаю, жаждет моей крови, но я с ней справлюсь.

Он вышел из палаты, и его шаги замерли в отдалении.

– Что вы будете делать на операции? – жалобно спросила Тина.

– Когда Селестина проснется, мы поставим капельницу в руку и будем вводить общий наркоз, а также физраствор и другие жидкости. Я введу наркоз, она уснет и ни малейшей боли не почувствует. Дальше я сделаю

пересадку кожи: возьму лоскут с внутренней стороны бедра, наложу на место ожога и пришью. На область, откуда возьму кожу, наложу повязку. Мы снова привезем ее сюда, в палату, дадим обезболивающее, все, что понадобится по ее состоянию. Нужно будет несколько дней наблюдать, как заживает участок, откуда мы возьмем кожу, и как приживается трансплантат. Затем пациентка три-четыре недели должна будет избегать активных нагрузок. Бедро заживет раньше, через две – две с половиной недели.

– Ждать, пока заживают раны. Через это она уже прошла, – негромко напомнила Тина.

– Мне кажется, вы ... Простите, вы, кажется, жалеете ее. Привязаны к ней.

– У меня дочка – ее сверстница, – ответила Тина.

– Интересно, – сказала доктор Грин. – Вы говорите совсем как она.

– В каком смысле?

– Я видела суд над Селестиной. Она сказала, что помогла старику, потому что он похож на ее деда.

– Это вроде бы называется «эмпатия», – мягко напомнила Тина. – Боюсь, наше общество ее утратило.

– Не все утратили, – ответила доктор Грин.

Запищал линолеум под ее ногами, и в палате остались только я и Тина.

– У тебя максимум час, чтобы убраться отсюда, – торопливо заговорила мне в ухо Тина. – Еще немного, и доктор Грин начнет задавать Кревану вопросы и наживет неприятности. Сейчас я пойду выпить кофе, а ключи от машины оставлю рядом с сумкой на стуле у двери. Машина на парковке, сразу у входа. Остальных я постараюсь отвлечь. Больше я ничем не могу помочь, Селестина. – Она чуть ли не извинялась. И быстро вышла, опасаясь, что я попрошу большего. И я бы действительно попросила.

Не теряя времени я села, отталкиваясь локтями от постели. Ухватила за шторку, чтобы сползти с кровати, но мой вес оказался слишком велик для хлипкой шторки, оторвалась даже струна с кольцами, и я рухнула на пол со стоном, отшибла бок, а уж насколько пострадали ноги, понятия не имею, я не почувствовала даже, как они ударились о пол. Стараясь не думать о боли, я перекатилась на живот и поползла, опираясь на локти, волоча ноги за собой. Тело было тяжелым, неподвижным, как труп, не откликалось на команды и не слушалось их. От такого усилия обильно проступил пот, кожа скользила по гладкому полу. Там, где пол соприкасался с ногами, я ничего не чувствовала. Словно меня разрубили пополам: никаких ощущений ниже пояса. И к тому же я не знала, где я, на мне только

и было что нижнее белье, а сверху красная ночная рубашка, я могла доползти разве что до двери палаты, и то с огромным трудом, выбраться из здания – об этом нечего и думать. Но зато я знала, что это не замок Хайленд.

Я добралась до стула, где лежала кожаная сумка Тины, потянулась за ключами.

Мне виделось, как врывается Крewan, застаёт меня распростертой на полу, корчащейся у его ног. Беспомощной, в полной его власти, именно как он хотел. Эта мысль придавала мне сил, я поползла быстрее.

Дверь оставалась приоткрытой достаточно, чтобы я могла ухватиться за нижний край и увеличить проем – до ручки я бы не дотянулась. Тина помогла мне больше, чем я смела надеяться. Я выглянула в коридор. Там было пусто. Из комнаты персонала доносились голоса.

– Джейсон, иди сюда! Судья Крewan велел мне изучить с вами инструкции, – сказала Тина, и я увидела, как страж, следивший в конце коридора за камерами, встал со своего места.

– Ее уже сколько дней назад прислали, – заговорил он, подтягивая штаны на толстом брюхе и подходя к небольшой группе коллег.

– Видимо, его не устроило, как мы ее соблюдаем, – возразила Тина, и стражи ответили ей недовольным бурчанием. – Давайте просто сделаем, как велено. И для начала сварим кофе, а?

– Хорошая мысль, – согласился Джейсон.

– Первая страница, – начала Тина.

Я собиралась выползти в коридор и сразу направо, к лестнице на выход, но тут в помещении напротив телевизору прибавили громкости: дебаты в прямом эфире между лидерами всех партий. Волнующие всех дебаты.

– Партия Жизни выбрала девизом слова «Логика и сострадание», ибо, как известно, «Хорошая голова и доброе сердце – грозное сочетание»^[3], – заговорила с небольшого подиума Эния Слипвелл.

– Слова «Логика и сострадание» принадлежат Заклейменной, то есть Эния Слипвелл и ее партия отождествляют себя с Заклейменной группой населения, – прокомментировал премьер-министр Перси.

Одно очко у Эния.

Я поползла по коридору к той комнате, в распахнутую дверь видны были кресла. Там сидели пациенты, все в красных ночных рубашках, – значит, такие же Заклейменные, Они мне помогут.

– Простите, – зашептала я, вползая в комнату. – Мне нужна помощь.

Все сидели спиной ко мне, даже не шелохнулись. Наверное, следовало поскорее удрать, но, если Кэррик прав, если главное – убедить хотя бы один разум, то надо попробовать, а потом мы поможем друг другу бежать. Мне ведь все равно не удалось бы вести машину с парализованными ногами – нет, я бы обязательно попробовала, но будь у меня помощник, это прибавило бы и скорости, и безопасности. Я окликнула этих людей еще раз, погромче, но они то ли не слышали, то ли не хотели помочь. Я подтащилась к ближайшему креслу, от таких усилий пот потек и по лицу, и по спине.

– Простите, мне нужна ваша ... – Слова замерли на устах. Волосы поднялись дыбом.

Это был мистер Берри.

43

– Мистер Берри! – Я слегка потрясала его руку, пытаюсь привлечь внимание, но он уставился мертвыми глазами в телевизор, и вряд ли потому, что так уж интересовался оживленными дебатами: вид у него был как у человека, одурманенного наркотиками. Совсем старый, лицо казалось моложе остального тела, но тоже ненамного без обычных румян и скрывающего дефекты крема. Шея словно бы с трудом выдерживала тяжесть головы.

Я посмотрела на соседнее кресло – Пиа Ванг. Красавица Пиа Ванг, она пыталась мне помочь, а теперь сидит тут и смотрит таким же невидящим взглядом, волосы связаны в хвост, засаленные, словно неделями не мыты. Мне страшно было осматривать другие кресла, но надо. Я подтащилась к соседнему ряду и увидела стражей: Барка, того, кто меня клеймил, Фунара, Джун и охранника Тони – свидетелей.

В первом ряду – мои одноклассники, Наташа, Логан, Гэвин и Колин. В красных ночных рубашках, совершенно беспомощные, не такими я видела их в последний раз на воле, когда они связали меня и раздели, чтобы полюбоваться Клеймами. И запах мяты, пугающий, напомнивший о том запахе, который исходил от Кревана.

Стыдно признаться – я смотрела на них с некоторым удовлетворением. Пару недель назад они издевались надо мной, фотографировали Клейма. И вот их зло их же и настигло. Разве что Колин немного жалко, мы выросли вместе. Их дом был напротив моего дома, мы дружили семьями, играли вместе до того рокового дня, когда ее мать, Ангелину Тиндер, забрали и

приговорили к Клейму. Это случилось в День Земли, с того дня наша жизнь уже не была прежней. Несчастье Колин не может оправдать то, как она поступила со мной, но ею хотя бы двигала обида и растерянность, а не чистая злоба, как теми тремя. Какое счастье – я не увидела здесь дедушку, других членов семьи, Рафаэля Ангело.

Никто из людей в этой комнате помочь мне не в силах – они даже не замечали меня. А я пробыла там слишком долго. В коридоре слышались голоса стражей: они отказывались и дальше слушать инструкции.

– Он ничего и знать не будет, Тина. Скажем, что все перечитали, – заявил один из них. Тщетно Тина пыталась удержать их внимание. Битва проиграна, кофе допит, стражи разошлись по местам.

Мое время истекло.

Дверь в эту странную телекомнату отворилась, вошла стражница. Я уткнулась взглядом в телевизор, стараясь подражать остальным. Сердце сильно билось – я с трудом вскарабкалась на свободное кресло, по вискам и по спине сбегали струйки пота. Может быть, мне почудилось, но, кажется, я чувствовала влагу и ниже пояса. Значит, действие инъекции заканчивалось? Я не могла проверить, как работают ноги, но в бедрах начали колоть иголки. Я запыхалась от усилий, только бы не заметили, как грудь ходуном ходит под тканью ночной рубашки. Я пыталась контролировать свое дыхание и свой взгляд, он же, наверное, совсем безумный в отличие от других, у которых застывший взгляд зомби. Что Креван сделал с ними? Давно ли они здесь, что он собирается делать дальше? Тут стражница резко выдохнула – наверное, заметив меня, – и выбежала из комнаты.

– Стейси! – позвала она, стоя в дверях, так что я все равно не могла позволить себе шелохнуться.

Я рискнула только мгновенным движением утереть пот со лба, но и это было опасно. Она уже вернулась с напарницей. Зашептались, сблизив головы.

– Это она. Селестина Норт.

– Да нет, Линда, – возразила Стейси.

Подошли вплотную. Я старалась смотреть прямо перед собой, словно никого и не вижу.

– Такая юная.

- В жизни даже симпатичнее.
- Наверное, похудела в бегах.
- Диета беглеца. Мне бы самое то.

Одна фыркнула, потом обе, не выдержав, приснули, но тут же остановились.

– Я так и знала: Тина кого-то прячет в той палате. И еще эту важную врачиху привезли. А нас инструкции заставили читать. Что они затеяли?

- Нам не полагается знать или спрашивать.
- Слушай, сфотографируй меня с ней!
- Стейси!
- А что? Только для меня. Никто знать не будет.

Они снова захихикали. Стейси поправила волосы и присела рядом, обняв меня рукой за плечо, словно мы – подружки, собравшиеся на вечеринку. Линда наставила на нас телефон. Я чувствовала дыхание Стейси на своей коже, чуяла ее сладковатый парфюм. Старалась таращиться в телевизор, но ...

– Раз-два-три ... Боже! – вскрикнула Линда, отступив на шаг.

– Что? – Стейси отскочила от меня, словно от бомбы с часовым механизмом.

– Она на меня поглядела.

– Как это? – удивилась Стейси. – В них наркотиков закачали – на неделю хватит. Вон та, с телевидения. – Она пощелкала пальцами перед лицом Пиа. – «Пиа Ванг в прямом эфире ...» – передразнила она ведущую. – Теперь она уже не кажется такой идеальной. – И снова дурацкий смех.

Линда мялась. Я ее напугала. Очень хорошо, дает ощущение власти.

Голоса в коридоре. Они звучали официально, грохотало множество ботинок. Целая команда стражей. Распахнули дверь, явилось сразу пятеро, все в шлемах. Двое остались у двери, трое вошли внутрь.

Мое время истекло. Заметили, что меня нет в палате.

Войдя в комнату, один из стражей приподнял шлем. Лицо Кейт. Я едва сдержалась, чуть не выдала себя.

– По приказу из замка Хайленд. У меня предписания для офицера, охраняющего Селестину Норт. – Кейт вопрошающе переводила взгляд с одной женщины на другую.

– Это Тина, – поспешно ответила Стейси, которая была рада поскорее выбраться из этой комнаты: ее чуть не застигли, когда она так непрофессионально обошлась со мной. – Сейчас позову.

Линда тревожно откашлялась:

– Пошли за ней вместе.

Кейт ушла с ними, и, как только они переступили порог, второй страж приподнял шлем – Кэррик. Сердце так и подскочило. А затем и третий страж открыл лицо – Джунипер.

Потрясающе.

– Спасатели спешат на помощь. – Джунипер сразу перешла к делу. – Давай быстро. Если они сообразят позвонить в замок, плохо дело. Сейчас же надевай мою форму. – Она уже срывала с себя мундир стража.

Кэррик деликатно отвернулся.

– Джунипер! Что ты делаешь? – спросила я.

– Я займу твоё место.

– Что? Ты?

– Некогда болтать! – настойчиво сказала она. – Займу, и все тут. Вздумаешь спорить, всех доведешь до беды. Выполняй план.

Не могу поверить. Не могу на такое согласиться, не могу оставить сестру в таком месте – они же операцию готовят!

– Я их отвлеку. Ты успеешь сделать то, что нужно. Вставай, снимай рубашку, – уже с раздражением добавила она.

– Не могу, – сказала я.

– Еще как можешь! – Она повысила голос.

– Ш-ш! – предупредил Кэррик.

– Нет, *физически* не могу. Креван мне что-то вколол. Ноги не слушаются.

Они оба уставились на меня, и в глазах у них мелькнул страх. Придется менять план. Как нам всем выйти отсюда, если я не могу идти?

45

– Мы тебя понесем, – сказал Кэррик. – Главное, двигайся.

– Кэррик, глупости, они же станут задавать вопросы. Не сработает, – заговорила я.

Джунипер уже снимала рубашку через мою голову.

– Не надо, Джунипер, пожалуйста!

– Хватит, Селестина! – рявкнула она. – Без вариантов.

– Мама и папа мне этого не простят.

– Мама это и придумала. Если б она могла, она бы сама заняла твоё место.

Джунипер разделась и помогла мне одеться. Я смогла надеть верхнюю

часть формы, поскольку выше пояса все было в порядке, но штаны никак, потому что я не могла приподняться. Кэррик бросился помогать. Мне припомнилась вчерашняя ночь, когда его глаза и руки так жадно вбирали мое тело, и он, вероятно, подумал о том же: наши взгляды встретились. Его глаза – зеленые с карими пятнышками. Значит, он меня не бросил. Джунипер посмотрела на него, на меня и радостно улыбнулась. Я поняла – она про нас знает. Вот уже и красные мундирные брюки на меня натянули, и ботинки прямо на босу ногу – не до носков.

У Джунипер на виске и ладони – Клеймо.

– Мама нарисовала. – Джунипер запыхалась, нервничала, двигалась торопливо. И тихо добавила: – Все шесть.

Она знает. Впервые в разговоре между нами упомянуто шестое Клеймо.

Конечно, у мамы, виртуозно владеющей косметикой, Клейма выглядят как настоящие. Она – знаменитая модель, лучшие гримеры и косметологи работали с ней, особенно когда она снималась в роли «дикой красотки» или что-то такое. «Клейма» у Джунипер идеальные, словно ожоги, покрывающиеся свежей корочкой.

Кэррик поднял меня на ноги, но стоять я не могла. Ниже колен все еще пока онемевшее.

Джунипер заметила в первом ряду Гэвина, Логана, Наташу и Колин.

– Поделом! – В ее взгляде появилась жесткость.

– Спасибо тебе! – Я потянулась ее поцеловать.

Она крепко обхватила меня обеими руками, прижала.

– Я перед тобой в долгу. Ступай, спасай мир, сестренка! – велела она, и я увидела в ее глазах слезы, когда мы разомкнули объятия.

Вернувшись домой Заклейменной, я изо дня в день ждала звонка Арта, его прихода. Он так и не появился. Потом я заметила, что Джунипер отлучается из своей спальни по ночам, и однажды ночью застигла их вдвоем, на нашем с Артом тайном месте, на вершине горы. Тогда я сделала неверный вывод. Теперь-то я знаю, что ничего между ними не было и оба они хотели уберечь меня от новых бед, но мне потребовалось время, чтобы это понять. Я подумала, что оба они меня предали. С Джунипер я успела объясниться и помириться, но я понимаю, ей кажется, что она должна как-то это искупить. Принести себя в жертву – такого проявления любви я не ожидала даже от нее, это уж слишком, это опасно. Кэррик помог мне приподняться, держа меня под мышки, а Джунипер надела мне на голову свой шлем.

Кейт вернулась вместе с Тиной, встревоженной и испуганной. Стейси

и Линда приплелись за ней и с любопытством смотрели на происходящее. Хотелось бы надеяться, у Кэррика и Джунипер есть план. Я тишком передала Тине ключи от машины, и она быстро сунула их в карман. Мне она вручила полоску бумаги.

– Сообщение в замок, – строго сказала она.

– Мы готовы идти. – Кейт двинулась к двери, Кэррик тащил меня. Те две стражницы подозрительно уставились на нас.

– Сука подлая меня лягнула, – сказала я, стараясь, как могла, изменить голос. Я всем своим весом навалилась на Кэррика.

Они тут же уставились на Джунипер, которая безжизненно замерла в кресле перед телевизором. Даже не глянули вслед нам, когда мы выходили, только Джунипер и рассматривали.

– *Лягнула!* – повторила за мной Линда. – Я тебе *говорила*: она смотрела прямо на меня.

– Тебе не кажется, что она не совсем похожа? – спросила Стейси.

– Знаменитости вживую всегда на себя не похожи, – ответила Линда.

– Пора уложить ее в постель, скоро операция, – вмешалась Тина. – Помогите мне ее пересадить.

Она приподняла Джунипер под мышки, те две стражницы подкатали кресло на колесиках, Джунипер довольно ловко изображала тряпичную куклу.

Мы двинулись дальше по коридору, навстречу свободе, и сердце у меня болело при мысли, что Джунипер мы так и оставим тут. Кэррик помогал мне держаться на ногах, я старалась хоть как-то ими шевелить, будто иду сама. Я понимала, сколько сил он тратит на то, чтобы тащить меня и еще и удерживать вертикально. Те два стража, которые пришли вместе с ним и стояли у двери, теперь следовали за нами по пятам. Интересно, кто это? Было бы слишком рискованно приводить сюда Фергюса и Лоркана. Возможно, это Мона и Леннокс, подумала я. Один из псевдостражей явно был женщиной. Все вместе мы вышли из больницы. Я почувствовала, как обдувает свежий ветерок влажную кожу. Не может быть, чтобы так просто мы удрали, не может быть.

Мы добрались до машины, настоящего вэна стражей, и я узнала водителя: Маркус, страж, приставленный к профессору Ламберту, муж Кейт. Вэн тронулся, мы сидели замерев: еще миновать охраняемые ворота. Я сообразила, что мы попали в Крид-Бэрракс, государственный центр обучения и переподготовки стражей. Он занимал площадь примерно десять акров, а назван был по городу, на окраине которого располагался. Креван обустроил тут собственную тюрьму, в стороне от главного здания, и прятал

в ней тех, кто представляет для него угрозу. Долго ему не продержаться: там внутри моя сестра, там все, кто пытался мне помочь. Сердце замерло: мы остановились перед воротами, Маркус опустил стекло.

Он вытянул руку, уверенно помахал стражу в будке.

Все молчали. Все перестали дышать.

Страж вышел из будки и подошел к машине:

– Откройте, пожалуйста, вэн, я должен заглянуть внутрь. Новые правила. – Судя по его гримасе, дырка в голове для него – эти новые правила.

– Вперед. – Маркус отпер двери машины. – Что ищете?

– Лишних людей.

– Оно бы неплохо. Лишние люди нам быгодились. На улицах беспокойно, – пошутил Маркус.

– И не говорите. – Страж приоткрыл дверцу и оглядел нас внимательно, не просто пересчитал по головам. Мне показалось – сейчас стошнит.

Кейт сняла шлем.

– Привет, Райан, – как ни в чем не бывало сказала она.

Он кивнул ей:

– Привет. Хорошо. Спасибо, – захлопнул дверь и дважды по ней постучал.

Ворота открылись. Мысленно я понукала Маркуса гнать во весь опор, но это вызвало бы подозрения. Он не стал торопиться.

Только отъехав достаточно далеко от Крид-Бэрракс, два таинственных стража сняли шлемы, и мне улыбнулись Мона и Леннокс.

– Спасибо, ребята! – Я обняла каждого, Мона крепко прижала меня к себе.

– Все добрались с завода до убежища профессора Ламберта? – спросила я.

– Все, кроме Бахи, – ответил Леннокс. – Мы специально сделали крюк и высадили его в городе.

– На том самом месте, где он бросил Лиззи, – уточнила Мона, глаза ее так и полыхали, наконец-то она расквиталась за подругу. – Мы попытались расспросить, не видел ли ее кто, но место не из безопасных. Пришлось быстро двигаться дальше.

Конечно, она чувствовала себя виноватой из-за того, что раньше не отправилась на поиски подруги, не сообразила, что та не по своей воле покинула завод.

– Мы ее обязательно найдем! – подбодрила я Мону.

– После всего, что он натворил, Бахи в самом деле думал, что мы повезем его к профессору Ламберту, – гневно продолжала она. – Даю ему неделю максимум, дольше он от стражей прятаться не сможет. Он понятия не имеет, как выжить в городе.

– А если он расскажет все Трибуналу? – обеспокоилась я.

Кэррик пожал плечами:

– Едва ли он решится выдать Альфу и профессора Ламберта. Все это время только они и обеспечивали ему безопасность. А про наши планы он знать ничего не знает.

– А какой у Ламбертов дом! – подхватил Леннокс. – Отличный выбор, Селестина. – Он поднял руку, и я, засмеявшись, хлопнула о его ладонь своей.

– Ты была права, Селестина, они хорошие люди, – сказал Кэррик, и я по интонации поняла, что он готов признать свою ошибку.

Все, кроме Кейт и Маркуса, принялись стаскивать с себя форму стражей прямо в вэне. Маркус уже гнал на изрядной скорости, жеманиться было некогда.

– Если остановят, вы арестанты и мы вас везем в замок, поняли? – предупредила Кейт.

Мы согласились.

Кэррик вручил мне пакет с одеждой, моя одежда из дома, как давно я ее не видела! Джунипер собрала для меня конечно же. Чувствительность к ногам постепенно возвращалась, но пока не настолько, чтобы я могла сама стащить с себя штаны. Кэррик, ни о чем не спрашивая, наклонился и развязал шнурки на моих ботинках. Так просто, а у меня на глазах выступили слезы.

– Спасибо всем, ребята! – повторила я.

– Мы будем тебя вытаскивать из всяких мелких передряг, а ты нас – из одной, но большой, – подмигнул Леннокс, и тут до меня дошло. Наконец дошло. Мы все зависим друг от друга, а не я тут главная и все зависят от меня. Каждый из них тоже рисковал очень многим.

– Как вы меня отыскали?

– Кэррик следовал за тобой по пятам, – ответила Мона.

Я глянула на Кэррика, но он, не поднимая глаз, возился с моей обувью.

– А с Джунипер как связались?

– Последний номер на телефоне Рафаэля Ангело. – Кэррик поднял голову, чуть насмешливо шевельнул бровью.

Да, не самый мой умный поступок. Умею же я втянуть людей в свои неприятности. За этой мыслью последовала другая, ужасная.

– Что будет с Джунипер? – запаниковала я. – Они собираются сделать пересадку кожи!

– Пересадку? – удивилась Мона. – Это еще зачем?

Она-то о шестом Клейме не знала.

Я с тревогой ждала ответа от Кэррика.

– Не беспокойся. Действуем по плану. Твоя мама ворвется в это заведение с адвокатом и полицейскими, как только мы дадим зеленый свет, она обвинит их в том, что вас перепутали и похитили ни в чем не виновную сестру.

У меня челюсть отвисла:

– И это сработает?

– Сработает, – уверенно ответила стражница Кейт, и я призадумалась, в какой момент она перешла на нашу сторону и почему или же она всегда была против Трибунала и сочла правильным бороться против него изнутри. Хотелось бы расспросить ее, да момент был неподходящий.

– Может быть, Боб Тиндер присоединится к моей маме? – предложила я.

– Боб Тиндер? – Кэррик, нахмурившись, снова поднял голову, стаскивая с меня ботинок. – Новый главный редактор The Voice?

– Раньше он был главным редактором газеты в холдинге Crevan Media, – пояснила я. – Он наш сосед. Его жена, Ангелина, была заклеена. Еще до нас с тобой. Какой-то вышел спор между Креваном и Бобом, и так Креван с ним поquitался. Его дочь Колин тоже там – все четверо пропавших старшеклассников там.

– Все четверо? – Кейт резко подалась вперед.

Я кивнула.

– И Логан Трилби?! – уточнила она, и я поморщилась от одного звука его имени.

Стоило припомнить, как он надо мной издевался, и боль возвращалась. Он был из всех четырех самым злобным, законченный садист.

– Так, может быть, знаменитая чета пасторов Трилби тоже явится туда спасти своего сына? – предложила Кейт.

Я покачала головой.

– Нет, его родители с такой информацией сразу побегут в Трибунал. Они фанатично преданы Трибуналу. Что бы ни случилось, во всем у них буду виновата я, а вас они и слушать не станут. – Я вспомнила телеинтервью, в котором они ухитрились обвинить меня в исчезновении сына.

– Еще как послушают, если появится надежда вернуть драгоценного

сыночка, – возразила Кейт, обменявшись взглядом с Маркусом: у них явно созрел план.

– Знаменитая модель, уважаемая чета пасторов, разгневанный главный редактор газеты. Не с теми родителями связались! – Мона улыбалась во весь рот.

– А двое других ребят кто?

– Наташа и Гэвин, – тихо произнесла я, вспоминая, как они раздели меня в сарае, осматривали шрамы от ожогов. И тут же мне представились их лица меньше часа назад, глаза остекленевшие, слюна капает на красные больничные халаты. В самой себе никак не разобраться – я ненавидела их и в то же время жалела. Радовалась, что их постигло наказание, и стыдилась своего злорадства.

– Пусть там и остаются! – сердито вмешался Кэррик.

Теперь уж я не решалась встретиться с ним глазами. Он, конечно, знал, что они со мной сделали: Пиа Ванг, то есть Лайза Лайф, сообщила стране все кошмарные подробности.

Пока Маркус и Кейт возбужденно обсуждали новый план, я никак не могла унять внутреннюю дрожь: слишком хорошо я понимала, куда моей маме предстоит сунуться, с какими людьми иметь дело, кого обвинять.

Нелегко ей будет. Опасно. Для Трибунала неприкасаемых людей нет.

Маркус отвез Кейт, Мону и Леннокса обратно в особняк профессора Ламберта, где все они прятались. Мне виделось, что Ивлин поселилась в розовой детской, у нее есть большая кукла, и она ее причесывает – и пусть моя картинка была идеализированной, главное, девочка на свободе, в безопасности. Я знала, что Альфа сделает для нее все. Вот только мы с Кэрриком пока что были вовсе не в безопасности. Вэн остановился в каком-то полузаброшенном месте: ряд магазинов, все закрыты на ночь, работал только ларек с китайской едой навынос.

– Только ты да я, – сказал Кэррик, открывая дверь машины. Внимательно посмотрел направо и налево, прежде чем выпрыгнуть.

Я бы с радостью поехала к Альфе. Принять ванну, поесть, лечь спать, и как будто ничего не было, но дело зашло слишком далеко. Джунипер пришлось занять мое место. Часы тикают. Нужно много успеть, пока там не сообразили, что меня подменила сестра.

– Удачи! – пожелала Кейт и захлопнула за нами дверь.

Вот мы с Кэрриком и снова одни, предоставлены сами себе. Крид-Бэрракс находится на одном конце города, а Маркус отвез нас в другой конец и дальше, в пригород. Кэррику вновь пришлось поддерживать меня. Я высматривала, где тут можно спрятаться, хотя не так уж это было необходимо, ведь мы находились в тихом проулке и солнце уже зашло. В темноте прятаться легче, но уже немного оставалось до комендантского часа, когда появляются патрульные, – вот тогда снова начнутся проблемы.

– Каков план? – спросила я.

Он повернул к себе ладонь, словно там были записаны пункт за пунктом.

– Спасти Селестину Норт, самую красивую девушку на земле. Ставим галочку. Дальше. Извиниться. – Он посмотрел мне прямо в глаза, смирив свою гордыню. – Прости, что я сразу не рассказал тебе про Эниа Слипвелл, виноват, но поверь: я правда хотел как лучше. Все, что я делал, я делал ради Заклейменных, ради тебя и меня. И уж никак не хотел сделать тебе хуже. Что бы я ни говорил, что бы ни делал – все правда. Я стараюсь как могу.

Да, в его сердце нет лжи. Я это понимала и не собиралась больше спорить с ним. И все же – пусть еще чуть-чуть пострадает. Пусть скажет все до конца.

– Я думал, достаточно спасти тебе жизнь, это послужит извинением, сама понимаешь, и не придется все говорить словами, – сказал он и прикусил губу, чтобы скрыть нахальную усмешку.

– Хм, ну вообще-то не жизнь – они всего лишь собирались сделать пересадку кожи, а не покончить со мной. Но все равно я ценю твою помощь.

– Все тебе недостаточно хорошо! – фыркнул он.

Я приложила руку к его груди, ладонью к Клейму.

– Ты для меня достаточно хорош. Я готова была винить всех в том, что случилось со мной. Кого угодно, только бы не собственную глупость. Я люблю моих родных, мне так без них плохо. И я не привыкла быть сама по себе – мне было бы легче, будь во всем этом виноват кто-то другой.

А Джунипер там совсем одна в этой больнице! Меня бил озноб: они уже поняли, что это не я? Хотелось бы надеяться, что наш план сработает, что Тина поможет. Но я понимала: не будет мне покоя, пока я не узнаю, что и мама, и Джунипер в безопасности.

– Я всегда был один и по-другому не умею, – сказал Кэррик. – Прости, – шепнул он, прижимая меня к себе. – И за то, что случилось в супермаркете, и за то, что оставил тебя одну у адвоката. Но если это может тебя утешить – я неотступно следовал за тобой. И ты, кстати говоря,

чересчур быстро гнала под гору в том «мини».

– Было срочное дело.

– Я видел тебя с Артом. – Он ждал моего ответа.

Я промолчала.

– Я слышал твой разговор с Креваном.

Теперь уже я опустила глаза, смутившись: дерзкий у меня был план, но ведь не сработал.

– Креван знает про тебя. Он конечно же сообразил, кто мне помог. Ты прости. Я пыталась выторговать у него свободу для нас обоих, и он бы согласился, но не могла же я предать всех остальных. Просто не смогла.

Я боялась, он крикнет мне: «Ты сглупила, Селестина, как ты могла!» – но он молчал.

– Ну что? Скажи, что я дура.

– Ты молодец, что попробовала.

– Глупо было.

– Чутьочку глупо. – Я расслышала в его голосе улыбку. – Но ты правильно сделала, что отказалась. Я бы счастлив был бежать в другую страну и жить на свободе, но я бы не смог кинуть всех наших.

Я успокоилась. Значит, я приняла правильное решение.

– Та ночь, в твоей комнате, была, наверное, лучшей в моей жизни, – пробормотала я.

Он наклонился ближе, чуть приподнял пальцем мой подбородок, нежно меня поцеловал. Прикрыв глаза, я наслаждалась мгновением – кто знает, когда будет и будет ли следующий раз.

– Так зачем мы приехали сюда? – спросила я, когда мы разомкнули объятия и вернулись к реальности.

– Тебя ждет один человек.

– Кто?

– Эния Слипвелл.

Раньше тут торговали мобильными телефонами. Теперь магазин закрыт, в витрине – табличка «Продается», стекло закрашено, чтобы нельзя было заглянуть внутрь.

– Она там? – Я немного растерялась. Мне казалось, кандидат на главный пост в стране выберет себе штаб-квартиру пороскошнее.

– Не может же она встречаться со своими сторонниками из числа

Заклейменных где попало. Приходится соблюдать осторожность.

Он позвонил, и дверь тут же открылась. Кэррику все еще приходилось помогать мне на каждом шагу, но силы возвращались, я уже ковыляла довольно бойко.

Внутри меня сразу поразила обстановка: повсюду рабочие столы, кресла, доски со статистическими таблицами и данными опросов. В каждую розетку – а их в бывшем магазине гаджетов немало – воткнут ноутбук. И никто и глазом не моргнул, когда мы с Кэрриком вошли, все уставились на огромный плазменный экран.

На экране судья Креван давал интервью Эрике Эдельман. Он был в щегольском костюме, в голубой рубашке, в галстук под цвет глаз – и голубые глаза так и сияли, так и светились отраженным светом. Человек, внушающий доверие. Эрика в изящной блузе и юбке, видны безукоризненные ноги, прическа столь же идеальна. Самая знаменитая женщина на телевидении, ведущая собственную программу, и все политики боялись ее: Эрика справлялась с ними, словно с младшеклассниками.

Я огляделась по сторонам в поисках Эниа Слипвелл, но ее нигде не было видно. Да и о чем с ней говорить? Кэррик и прочие были преданы ей всей душой, но я заметила, что Альфа и тот же Рафаэль считают, что она еще не вполне проявила себя, рано ей безоговорочно доверять. Кое-кто полагал даже, что она выступает в защиту Заклейменных ради саморекламы, прокладывая себе путь наверх, но это, по мне, не беда, лишь бы, пробившись наверх, она сделала все, что сулила.

Стоя у двери, мы тоже стали смотреть интервью. Я прислонилась к двери, ноги еще не очень меня держали.

Креван и Эрика Эдельман прогуливались в тех местах, где он вырос. Эта запись была сделана несколько дней назад. Он показывал ей свой первый дом, футбольные кубки, фотографии дедушки и бабушки, все, что помогает представить его как обычного человека, имевшего семью и детство. А потом они вернулись в студию, в прямой эфир – вернее, не в студию, он давал интервью прямо у себя дома, в парадной гостиной, которая редко использовалась. Красивый камин, книжные полки, на стене детские фотографии Арта – их специально повесили поближе друг к другу, чтобы, когда камера даст крупный план, они попали в кадр вместе с Креваном. Ага, моих фотографий уже нет.

– Мистер Креван, для начала расскажите нам о себе. У вас даже имя необычное. Почему вас называли Боско?

Здорово, она обращалась к нему не «судья», а «мистер», сразу выбив у него из рук главное оружие, превратив его в обычного человека, и я знала:

каждый раз, когда она так обращается к нему, это его бесит, она методично заколачивает его в землю.

– Имя от бабушки. Она родом из Италии. Мария Боско – хорошее итальянское имя. Родители решили назвать меня в честь этой замечательной женщины.

– Мария Боско была женой Митча Кревана, который и создал Трибунал.

– Именно. Он и наш великий премьер-министр Данбар организовали первый Трибунал, сначала это была временная мера для расследования злоупотреблений правительства.

– А ваш отец стал его преемником.

– Мой отец добился, чтобы Трибунал был постоянным, и вместе с другими людьми, чья заслуга тоже велика, привел Трибунал к его нынешнему состоянию.

Эрика посмотрела судье прямо в глаза, будто хотела проникнуть ему в самую душу.

– Расскажите о своем детстве, Боско.

– Это было самое счастливое детство, нас двое братьев и сестра, Кэнди ... – Он пустился описывать счастливое семейство, в котором все привыкли упорно работать и добиваться наград.

– Да, прекрасная картинка, мистер Креван, – прервала его Эрика. – Но все же вернемся в ваше детство. Расскажите о наказаниях, которым подвергали вас отец и дед.

Креван рассмеялся:

– Вы говорите так, словно это какие-то ... драконовские меры. Обычная дисциплина, так моего отца воспитывал его отец, да и деда так воспитывал прадед. Это не было ... – Он пожал плечами. – В наше время многих воспитывали куда жестче, можете мне поверить. – Он улыбнулся, надеясь, что сумеет увернуться от этой темы.

– Расскажите, что это была за дисциплина, – вцепилась Эрика.

Он сел ровнее, выпрямил спину, собрался с мыслями.

– Этот метод воспитания основывается на семи основных пороках человеческого характера. При любом проступке или ослушании нам надевали на шею табличку с указанием, какой именно порок побудил к этому.

– Вы ходили с такой табличкой по дому?

– Нет-нет. – Он улыбнулся, как будто с удовольствием припоминая. – Приходилось носить ее повсюду. Хоть на футбольную тренировку, хоть в школу. Помню, Кэнди на первое свидание пошла с табличкой

«Жадность». – Он засмеялся. – А у Дэймона, когда он участвовал в футбольном турнире, на шее болталась табличка «Упрямство». Но мы быстро учились. Я имею в виду – мы быстро научились разбираться в своем поведении, рано поняли, какие у каждого «главные пороки» и как их контролировать.

– В тринадцать лет вы уже смогли этому научиться?

– С тринадцати лет эта система начинала действовать. Какое-то время, конечно, требовалось, чтобы привыкнуть. – Он снова рассмеялся.

– Объясните мне, что это за «главные пороки», которые вы упомянули, и какова была цель такого наказания.

– Если вкратце ... У каждого человека есть какая-то главная отрицательная черта. Иногда она берет верх над всем характером, превращается в порок. Мы учились различать в себе такие свойства, справляться с ними и совершенствовать свой характер.

– Эти семь пороков – они соответствуют семи смертным грехам?

– Эти детские наказания не входят в систему Трибунала. – Он все еще улыбался, но взгляд сделался острым. – Мы вроде бы собирались поговорить о Трибунале, рассеять кое-какие мифы, распространяемые партией Жизни и прочими. В этом я охотно готов принять участие.

– Эти наказания – часть вашего воспитания. И это первый этап Трибунала, его корни, можно сказать, так что да, мне интересно, – возразила Эрика.

Он медленно выдохнул, словно выпустил носом пар. Я видела, он уже злится, но пытается это скрыть.

– Семь основных изъянов характера. Самоуничтожение, то есть склонность умалять, недооценивать самого себя. У такого человека развивается комплекс неполноценности. Саморазрушение – человек постоянно срывает собственные планы, сам себе вредит и себя наказывает. Он всегда в смятении, пытается уйти от самого себя.

Мученичество – неумение принять ответственность, склонность винить во всем других.

Упрямство – нежелание принимать перемены, даже позитивные.

Жадность – эгоизм, излишнее потакание себе, избыточное потребление.

Заносчивость – уверенность в своем превосходстве, потребность казаться лучше, чем ты есть, потому что не можешь смириться со своей заурядностью.

Нетерпение – неумение ждать, раздражение при виде препятствий.

– Вы применяли тот же метод воспитания к своему сыну Арту?

Мое сердце слегка дрогнуло, когда она упомянула Арта. Мне все еще хотелось его защитить – естественная реакция, ведь еще недавно я думала, будто люблю его. Но тут же я вспомнила, кем он стал, и сочувствие сменилось гневом. И все же я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть, когда они вот так обсуждали Арта.

Креван подобрался:

– Моему сыну уже восемнадцать.

– А пока он рос?

– Нет, – просто ответил он. Поерзал в кресле.

– И вашего деда, вашего отца это устраивало? Такое нарушение традиций, принятых в доме Креванов?

Он нахмурился, вопрос ему, видимо, показался нелепым.

– Моему сыну такие методы воспитания не требовались. Что опять-таки подтверждает мою теорию: люди стали меняться. Новое поколение – поколение очищенное. Год от года мы приговариваем к Клейму все меньше людей.

– Или можно сказать и так: вы распространили отеческую дисциплину на весь народ.

Он рассмеялся, прикидываясь, будто его повеселил такой вывод.

– Ну это и вовсе натяжка.

– Эния Слипвелл утверждает, что люди в нашей стране живут в страхе. Это ли вы считаете благой переменной? Если каждый человек в стране парализован страхом, боится допустить промах, боится вообще принимать решения, рисковать – лишь бы не нарваться на самое страшное наказание, не превратиться в парию?

– Нет, я с Энией не согласен. Повторяю: теперь люди научились думать, *прежде* чем действовать.

– И если этому их научил страх, тоже ничего? Не подрывает ли это принципы демократии?

– Да ладно! – Он уже не сдерживал досаду. – Мы живем в демократической стране, послезавтра наш великий народ в очередной раз явится к урнам для голосования – и голос каждого будет услышан.

– А если проголосуют за партию Жизни, главная цель которой – роспуск Трибунала?

– Не думаю, чтобы так случилось, – уверенно ответил он. – У партии Жизни нет политического опыта. Нам ничего не известно о позиции Энии Слипвелл и ее сторонников по другим вопросам, кроме «принципиальных разногласий с Трибуналом». И я уже начинаю думать: а что скрывает Эния Слипвелл? Чем ей так не угодил Трибунал?

– Видимо, она считает Трибунал *негуманным*, – заметила Эрика, и зрители приветствовали ее слова радостным кличем. Эрика немедленно перешла к другому вопросу:

– Я только что получила информацию, что началось расследование и вашей деятельности.

Креван слегка смутился, но справился, хотя на него и обрушился такой сюрприз в прямом эфире.

– Дела Трибунала часто проверяются. Иногда требуются подробности или уточнения. Всегда находятся бдительные люди, следящие, чтобы все строго соответствовало правилам, – пояснил он.

– Но в данном случае расследуется именно *ваша* деятельность, мистер Креван. По-видимому, речь идет о случаях, вызвавших в обществе споры. В особенности последнее, очень странное дело – Селестины Норт. Многие считают, что она заклеимена несправедливо, что изъян не в ней, а в самом приговоре.

Я изумилась, услышав, как легко она упомянула мое имя.

– Это внутреннее расследование, но мы видели документы, – произнес чей-то голос прямо мне в ухо. Я оглянулась – рядом стояла Эния Слипвелл.

Ох! Может быть, и правда что-то начнет меняться.

На экране судья Креван замер на миг. Потом:

– Рад буду предоставить расследованию любую информацию по делу Селестины Норт, но пока что я впервые слышу о самом расследовании и не намерен обсуждать это дело с вами. Могу лишь заверить: я такой человек, для которого важнее всего торжество справедливости.

Креван, сцепив зубы, ждал следующего вопроса, пытался скрыть свой гнев.

– И последний вопрос. Если бы ваш дед и ваш отец были сегодня с нами, какую бы табличку они повесили вам на шею, как вы думаете? Что вы считаете своей «главной отрицательной чертой»?

Он призадумался, по лицу блуждала рассеянная улыбка.

– Жадность, – сказал он наконец. – Я очень многого, может быть, даже слишком многого хочу для моей страны, для моего народа. Я хочу для нас только лучшего. Возможно, люди порой смотрят на меня так, как я подростком смотрел на отца. Я это понимаю. Если мне отводится роль страшного серого волка, то ради блага общества я готов принять эту роль – когда-нибудь народ скажет мне за это спасибо, как я сказал спасибо отцу. Число приговоренных к Клейму сокращается. Люди меняются. Люди научились сразу распознавать добро и зло, их моральный кодекс отличается от того, который действовал во времена моего дела, когда страна была в

финансовой разрухе, когда мы переживали катастрофу, откровенно говоря.

– Или можно предположить, – вставила Эрика, – что нынешние лидеры страны научились на опыте предшественников, на их *ошибках*. И за это можно было бы этих предшественников поблагодарить.

Похоже, такая мысль Кревану в голову не приходила, и она ему не понравилась, но он все же попытался улыбнуться – оскалился.

– Я поговорила с Марком Хустоном, готовясь к интервью ...

Эрика пролистала какие-то бумаги у себя на коленях.

Креван оживился:

– Марк! Конечно, мы дружили в школе. Сто лет его не видел!

И снова нахмурился, ожидая, что воспоследует. Эрика листала бумаги.

– Я спросила Марка, помнит ли он эту систему, принятую в вашей семье, – таблички на шее с указанием изъянов характера. Помнит ли, чтобы вы появлялись в школе, на футболе, в кино, на тусовке или еще где-то с такой табличкой на шее. И он, оказывается, такое помнит. Я спросила, какую табличку вам вешали чаще всего. И знаете, что он ответил?

– Не знаю. Если Марк помнит такие подробности, значит, память у него куда лучше моей. – Оскал во весь рот.

– Он сказал, тут все просто, табличка всегда была одна и та же. Ваша *главная отрицательная черта*, как вы это называете. – Она снова глянула на листок и зачитала: – Это была *заносчивость*, то есть, как вы только что объяснили, *уверенность в своем превосходстве, потребность казаться лучше, чем ты есть, потому что не можешь смириться со своей заурядностью*.

Теперь уже он не мог скрыть гримасу гнева.

– Мистер Креван, благодарю за участие в нашей передаче, нам многое удалось прояснить. – Эрика улыбнулась на камеру.

Все вновь испустили радостный клич, когда передача закончилась. Верхний свет не включали, одни помощники Эниа негромко обсуждали увиденное, другие прочесывали интернет, выясняя реакцию общества. Продумывали новые опросы и как вести агитацию.

– Ты что-то не очень рада, – сказала мне Эниа.

Я покачала головой.

– Он сильно разозлится, – сказала я.

А уж я-то знаю, на что Креван способен, если его разозлить.

– Рада видеть тебя наконец, – сказала Эния.

Она протянула руку, и я пожала ее. Теплая кожа, крепкое рукопожатие.

– И я вас, – ответила я без особой уверенности. – Вы распустите Трибунал, если вас выберут?

Она улыбнулась:

– Сразу быка за рога? Знаешь, мы тут предпочитаем говорить не «если», а «когда».

Но на вопрос она так и не ответила, заметила я себе.

– Иди со мной. Поговорим наедине, – пригласила она.

Кэррик смотрел нам вслед и, похоже, нервничал: как бы я не вздумала оскорбить женщину, которая в глазах всех, здесь собравшихся, герой.

Я могла уже стоять без поддержки, хотя ноги все еще подгибались. Все внимание уходило на то, чтобы идти ровно. Эния обхватила меня рукой за талию и увела в маленький кабинет, подальше от толпы. Там тоже сгрудилось несколько человек вокруг компьютера, но, завидев Эния, они тут же освободили помещение. Эния присела на стол и полностью сосредоточилась на мне.

– Ты не доверишь мне. Почему?

– Я никому не доверяю, – не лукавя, ответила я.

– Это понятно.

– Я знаю, Кэррик вам доверяет. Он верит в вас, и все эти люди, которые здесь собрались, тоже, и тысячи людей по всей стране вас поддерживают. Но у меня пока не было доводов – «за» или «против». – Я сглотнула. – И хотелось бы надеяться, что, если выборы приведут вас к власти, вы не сделаете поворот кругом.

– Нет, *когда* я приду к власти, я не сделаю поворот кругом. Я изо всех сил постараюсь сдержать свои обещания.

– Какие именно?

– Справедливое обращение для Заклейменных. Реорганизация Трибунала.

– Реорганизация? Справедливое обращение? – повторила я. – Этого мало. Нужно сломать систему.

– Отменить полностью? – с тревогой переспросила она. – Нельзя так сразу, Селестина. Маленькими шагами.

– Маленькими шагами мы никуда не придем: стране нужен огромный прыжок.

Она подумала над моими словами.

– Можешь поверить мне в том, что я сдержу обещание, которое дала Заклейменным. И если ты будешь и дальше поступать так, послужишь

вдохновляющим образцом, покажешь всему народу, что Заклейменные – люди, а не чудовища, этим ты не только мне облегчишь задачу. Ты самой себе поможешь. Ты очень отважная девушка, Селестина. Стране давно нужен был человек вроде тебя, чтобы всерьез начать разговор об отношении к Заклейменным. Ты вдохновляешь меня – ты же видела, какой мы выбрали девиз для кампании.

Я кивнула:

– Да, это лестно.

– Так что я могу теперь сделать для тебя?

Я с удивлением посмотрела на нее.

– Мне кажется, тебе пора уже получить помощь, как ты считаешь?

– Помочь Заклейменной? Да еще нарушительнице?

О чем она говорит?

– Оглянись по сторонам, Селестина.

Я глянула в окно, снаружи было много людей, и почти все – с повязками Заклейменных, у одних шрамы бросались в глаза, у других, значит, были скрыты под одеждой.

– Я никому не помогаю, – пояснила она. – Это мне помогают, понимаешь?

Я улыбнулась:

– Хорошая отговорка.

Ноги вдруг подогнулись, и я вынуждена была сесть.

– Ты в порядке?

– Креван схватил меня, привез в тайную больницу Трибунала в Крид-Бэрракс, он вколол мне что-то, от чего меня парализовало. Я смогла сбежать.

Она потрясенно глядела на меня. Не сразу даже и поняла, что я такое говорю.

– Что у тебя с ним, Селестина? Почему он до такой степени одержим тобой?

– Этого я вам сказать не могу.

– Но что-то же происходит.

Я кивнула.

– Что-то большое.

– Огромное.

У нее даже зрачки расширились.

Я решила довериться:

– Я пытаюсь разоблачить Кревана. Вы мне в этом поможете?

– Все, что в моих силах.

Мы вышли из кабинета, Эниа отвела меня к человеку, укрывшемуся подальше от предвыборной суматохи в тихом уголке. Он склонился над компьютером с огромным экраном – в жизни такого не видела, – вокруг три ноутбука и провода, провода. На голове наушники, он полностью сосредоточился на мониторе, там крутилась видеозапись с Эниа Слипвелл.

– Редактирует политический манифест, – пояснила Эниа. – Завтра выходит в эфир.

Она положила руку ему на плечо, и мужчина снял наушники.

– Пит, этой девушке нужна твоя помощь. Дай ей все, что понадобится.

Обнаглев, я ухватила ноутбук, телефон, зарядники, упихала все это в свой рюкзак. За моей спиной возник Кэррик.

– Только что говорил с Тиной, – сообщил он. – Доктор Грин отложила операцию на утро. Так что у нас в запасе ночь – а спозаранку твоя мама поедет туда.

Мне поплохело при мысли, что Джунипер проведет целую ночь в том ужасном заведении. Там Креван рыщет, и настроение у него после катастрофического интервью с Эрикой Эдельман конечно же ужасное, что угодно может произойти. И я со страхом думала о том, как мама явится к стражам, ворвется в эту больницу и обвинит их в том, что они похитили ее дочь – не ту дочь. Сработает ли? Неужели они извинятся и отпустят обеих? Отпустят других родителей вместе с детьми? Я торопливо прихватила со стола Пита кое-что еще.

– Тебе разрешили? – тихо спросил Кэррик.

– Эниа сказала, я могу брать все, что мне нужно.

Он приподнял бровь.

– Да, она хорошая, – признала я наконец-то.

– Каков план?

– Мы кое-кого навестим.

– Кого?

Рафаэль Ангело дал мне совет: нельзя все время убегать, нужно развернуться и встретиться с преследователем лицом к лицу.

В записке, которую Тина передала мне перед побегом, был только адрес – без имени, без объяснений. Имени и объяснений не требовалось, я знала, кто там живет.

– Наведаемся к Мэри Мэй.

В растерянности я всякий раз хватаюсь за факты. Кто против меня, кто на моей стороне. Кому можно доверять, кому нельзя и как воспользоваться и теми и другими. Конечно, это максимальное обобщение: против меня незаклейменные, на моей стороне – Заклейменные.

Нельзя было ехать в такую позднотищу на машине Леонарда или в «мини» Рафаэля, и, разумеется, ни в коем случае нельзя было воспользоваться какой-то из машин Эниа Слипвелл – если ее уличат в помощи мне, это все испортит, она лишится доверия обычных людей. Нам с Кэрриком нужно быть среди своих, и единственный безопасный для нас транспорт – автобус, развозящий Заклейменных перед комендантским часом.

Мэри Мэй жила за городом, не в пригороде, а возле озера. Неужели эдакая крестьянка, разводит скот или даже лошадей? Хотя вряд ли животные стали бы ей доверять. У них чутье на таких, как Мэри Мэй. Но озеро – замечательное, не подумала бы, что она может там поселиться. Красивое, просто волшебное, вокруг горы, волна за волной, за дымкой туч и тумана. У моей подруги Марлены там дача, они почти все выходные проводили там и иногда брали меня с собой. Мама тоже возила нас к озеру, она любила встречать там рассвет. Пока мы с Джунипер не заныли, что нам эти поездки скучны, – тогда она стала ездить одна. Теперь мне стало стыдно, что мы так ее подвели.

Мы с Кэрриком пока не были уверены, там ли, у Мэри Мэй, видеозапись, но никакой другой информацией мы не располагали. Джунипер сказала, что Мэри Мэй забрала все из моей комнаты и увезла на личном автомобиле и одета тоже была не в форму – интересно, какая у нее «гражданская одежда», трудно себе представить, чтобы Мэри Мэй купила хоть тряпку, не похожую на форму стража. Видимо, Креван страшно давил на нее, требуя срочно отыскать меня и видеозапись. И то и другое – ее ответственность, а она упустила и меня, и вещдоки. Мои вещи она конечно же повезла к себе домой, чтобы спокойно в них покопаться. Это всего лишь вещи, но противно даже думать – мои плюшевые игрушки, фотографии, книги, одежда, все, чем я владела в жизни, – все отнято.

Джунипер снабдила меня кепкой – надвинув ее на лоб и распустив волосы, я скрыла Клеймо на виске. В офисе Эниа нам дали нарукавные повязки, чтобы мы не выделялись среди Заклейменных: странно было бы, если б в автобусе для Заклейменных оказался человек без такой повязки. Я уже несколько недель в бегах, и снова надеть повязку – словно груз к телу привязать. Я видела, что Кэррик чувствовал то же самое, он даже вести себя стал непривычно, надев повязку. Наверное, для того их и придумали,

чтобы мы чувствовали себя униженными, отрезанными от общества.

Кэррику хотя бы не приходилось каждый день выставлять свое Клеймо на всеобщее обозрение. Но на этот случай и придуманы нарукавные повязки с буквой «П», уравнивают таких, как он, с теми, у кого ожоги остались на видных местах.

Мы втиснулись в забитый автобус, развозящий Заклейменных перед комендантским часом. Присоединились к своему народу. Кэррик низко надвинул кепку на лоб, прижался ко мне, опустил голову – лица не разглядеть. Я ухитрялась держаться ко всем спиной.

В автобусе нужно было предъявить удостоверение Заклейменного и сесть.

– У нас нет карточек, – шепнул Кэррик.

– Есть, – ответила я и достала из рюкзака две карточки, позаимствованные у помощников Эниа. Если она и правда заботится о своих людях, пусть раздобудет им новые.

Кэррик глянул и засмеялся, должно быть восхищаясь моей предусмотрительностью. Хотя в итоге я – Харлан Мерфи, тридцатилетний компьютерщик, а он – Трина Оверби, библиотекарьша сорока с лишним лет.

В автобусе мы так же, не поднимая глаз, пробрались на задние сиденья. Я даже не знала, глянул ли кто в мою сторону, потому что я старалась ни на кого не смотреть.

Казалось бы, в автобусе, полном Заклейменных, среди своих, я могла чувствовать себя в безопасности, но все равно боялась. На экране за кабиной водителя вспыхнуло объявление. От Трибунала, как любое объявление в автобусе для Заклейменных. Фотография Кэррика. Сердце заухало, я с силой толкнула Кэррика, привлекая его внимание. Фотография была сделана в Хайленд-касле, когда его доставили туда стражи. Я узнала фон, на таком снимают арестантов. Он смотрел в объектив с чистейшей ненавистью, сразу видно – с таким связываться опасно, вон шея какая крепкая, мышцы буграми вздулись на плечах. Под фотографией подпись: «В БЕГАХ».

И голос бойкой заместительницы Пиа Ванг: «Кэррик Уэйн разыскивается вместе с Селестиной Норт как ее сообщник. Обнаружив любого из них, позвоните по этому телефону, и вы получите награду».

Предложить награду Заклейменному – все равно что ребенка в лавку сладостей запустить.

– Джунипер! – шепнула я Кэррику. – Они ее разоблачили. Наше время истекло.

– Нет, о тебе ни слова, – возразил он. – Смотри внимательно.

Он был прав. Говорили только о нем, о Кэррике. Креван все еще думал, что запер меня в больнице, теперь оставалось лишь заткнуть рот Кэррику. Утром мама и вся ее команда поддержки ворвутся в больницу, тогда-то Креван поймет, что я снова от него ускользнула. Тогда он потребует мою голову.

Женщина, сидевшая перед нами, обернулась и уставилась на нас. Я на миг подняла голову и увидела, как другие пассажиры тоже начали оборачиваться.

– Все о’кей, – не поднимая глаз, буркнул Кэррик.

Но ничего не о’кей, вот уже все обернулись и таращатся. Кое-кто начал быстро нажимать кнопки мобильных телефонов. Вдруг автобус прижался к обочине и остановился. Сердце упало. Кэррик взял меня за руку. Я сидела у окна, он в проходе. Он медленно водил большим пальцем по моей ладони. Не знаю, замечал ли он это сам. Он словно бы оберегал от всего мира мой шрам, пусть в глазах других людей это уродство, а он – восхищался.

Водитель поднялся и обратился к нам:

– Все должны ненадолго выйти из автобуса. Загляните в кафе или в туалет, как хотите.

Со всех сторон послышались стоны, на лицах тревога.

– Что происходит? – шепнула я.

Кэррик пожал плечами.

– Нет, нет, нет, я этого не потерплю! – Мужчина средних лет вскочил на ноги и орал в голос. – Третий раз за неделю автобус задерживается. Это неслыханно. Нам велят выйти, а потом в автобус нельзя вернуться. Проблемы с двигателем, пробило шину. И что в итоге? Я опаздываю к комендантскому часу, и меня наказывают. Я из автобуса не выйду. – Он скрестил руки на груди. Несколько человек возгласами поддержали его.

– Это подстава! – крикнул кто-то, и раздались еще более громкие вопли протеста. Но большинство так боялись неприятностей, что поспешили выйти. Осталось с полдюжины пассажиров, кроме нас.

– Послушайте, – вздохнул водитель. – У меня приказ. Только что передали по рации. Остановить автобус и ждать механика. Я просто делаю, что велено.

Пассажиры продолжали кричать на него, сердито махать руками. С места никто не трогался.

– Надо выходить. – Кэррик приподнялся, но я снова усадила его.

– Подожди.

У Трибунала была одна проблема с автобусами, развозящими Заклейменных перед комендантским часом: на борту сплошь

Заклейменные. Обычно нам не разрешалось собираться даже по трое без присмотра, но пришлось изменить правило ради этих специальных автобусов. Поначалу на каждом дежурил еще и страж, но это оказалось слишком накладно. Тогда стражей усадили за руль, но перед выборами водители автобусов забастовали и потребовали вернуть им рабочие места. И власти тоже боролись с безработицей, а потому согласились, чтобы автобусами управляли гражданские. Они лишь установили в автобусах камеры наблюдения, чтобы мы тут не сговорились и не затеяли мятеж.

Старуха обернулась и заговорила, обращаясь ко мне и Кэррику:

– Неужели вы ничего не можете сделать?

И все вывернулись, чтобы поглядеть на нас. Даже водитель.

– Черт! – буркнул Кэррик.

– Что это вы задумали? – подозрительно спросил узнавший нас водитель.

– Так они вам и скажут! – обрушилась на него старуха. – Ребята молодые, время на их стороне, а что они делают – нам бы следовало сделать с самого начала.

Я благодарно улыбнулась ей.

– Слушайте! – Немолодой водитель вскинул руки. – У меня внук заклеямен. Раньше мне на таких, как вы, и смотреть было противно. А это, можно сказать, открыло мне глаза.

Общее молчание.

– Я не хочу ехать с ними в одном автобусе! – вдруг завизжала средних лет женщина. – Нам достанется только потому, что мы их видели. Мы достаточно пострадали из-за тебя, Селестина Норт! Хватит задирать нос, делай, что тебе велено! И нас в беду не вовлекай!

Я поднялась и обратилась ко всем пассажирам. Ноги подгибались.

– Я на вашей стороне, вы же знаете! Я стараюсь доказать, что мы вовсе не порочны, а даже если мы и сделали какие-то ошибки, ничего ужасного в этом нет – на ошибках мы тоже учимся. Но мне нужно время, чтобы все это осуществить.

– Она единственная, кто борется за нас! – вступилась другая пассажирка. – Единственная, кто при этом не прибегает к насилию, точнее сказать. Хулиганы, которые устраивают беспорядки, нам только вредят, а Селестина действует мирно.

– Да, она права. И люди ее полюбили. Я слышала разговоры. Судят по-разному, но сама девочка им *нравится*. Сомневаются, так ли справедлив был приговор. Можете себе представить, чтобы в таком духе говорили о Заклейменных?

– Никакой пользы от этого не будет, – сказал мужчина. – Поговорят и забудут, как всегда.

– Поговорят? – взвилась старуха. – Да мы никогда не видели столько поддержки. От нас зависит, будет ли поддержка и дальше расти.

– Поддержка будет расти, – твердо обещала я. – Я не допущу, чтобы «поговорили и забыли».

Водитель внимательно слушал, оценивал наши аргументы, словно тут, в автобусе, он и судья и присяжные.

– И мой внук снова будет жить нормально? – спросил он.

– Сделаю все, что смогу.

Он снова кивнул. Посмотрел Кэррику в глаза:

– Ты помогаешь ей?

– Она помогает нам всем.

– Куда едете?

Я протянула ему листок с адресом. Он прочел.

– Это срочно, я так понимаю.

Я кивнула.

– Так, все выйдут, я отвезу этих двоих туда, куда им надо. Возражения имеются?

Промолчали даже те, кто прежде сомневался.

– А станете болтать – я скажу, что вы все выдумываете, ясно? – для верности пригрозил водитель.

Женщина, сидевшая впереди, пожала нам руки и пожелала удачи.

– И знайте: я только ради них выхожу, – заявил мужчина, с которого начался протест. Он глянул на меня и добавил: – Помогите нам всем, Селестина. Ты справишься. – У двери он приостановился и ткнул пальцем водителю в лицо: – Смотри, отвези их куда надо.

Я смотрела, как они выходят, – смотрела сквозь слезы благодарности. Да, сделаю все для них, для каждого.

Водитель сел за руль и закрыл двери. Ждавшие на остановке так и не смогли войти и, не понимая, злобно глядели на нас.

Заурчал мотор, мы тронулись с места.

В автобусе я утратила веру в человечество. В автобусе мне ее вернули.

Водитель подвез нас как можно ближе к дому Мэри Мэй, но не слишком близко, потому что автобус для Заклейменных вне обычного

своего маршрута мог привлечь нежелательное внимание.

Крытый соломой домик стоял одиноко возле рыбацкой запруды. Перед краем запруды резко отходила вправо подъездная дорожка, сад непосредственно граничил с прудом. На берегу легонько раскачивались снасти. Свет в доме был выключен. Я понадеялась, что и самой хозяйки нет, это упростило бы нам задачу, но пока что нам ничто не давалось легко.

Мы прошли по краю запруды и взобрались на стену, ограждавшую сад. По ту сторону – целый луг роскошных экзотических растений, прекрасно ухоженных, изящный мост через ручей. Надо же, в каком живописном месте обитает наше чудовище. Пригибаясь к земле, прячась за кустарником, мы подобрались к удобному наблюдательному пункту, откуда открывался хороший вид на дом. Дом мы отсюда видели сзади, с той стороны, которая выходила на озеро, с той стороны, где, вероятно, и проходит основная жизнь.

План был прост: проникнуть в дом и забрать мой шар. Но теперь, добравшись до места, я заметила серьезные изъяны в своем плане. И главная проблема: как проникнуть в дом?

– Как мы это сделаем? – шепнула я.

– Позвоним в дверь, свяжем ее, если придется, я ее стукну – пожалуй, стукну, даже если не понадобится. Ты найдешь шар.

Я покосилась на Кэррика: слыхана ли подобная глупость?

– Ударить ее – значит навлечь на себя еще худшую беду. Тогда нас и полиция начнет разыскивать. Мэри Мэй – самая авторитетная среди стражей.

– Хорошо, не буду бить. Просто свяжу. Крепко.

– Кэррик, – разочарованно сказала я, – нам нужно придумать что-то другое, грубой силой не обойдешься.

Он тупо уставился на меня.

Я выругалась – выходит, как планы придумывать, так сама. И понятно, Кэррик нервничает, мы с ним оба страшно рискуем. Я присмотрелась к дому, соображая, нет ли способа проникнуть в него незаметно. И тут у двери мелькнула какая-то фигура. Дверь резко распахнулась, мы вжались в землю.

– Черт! Это она!

Я была уверена, что она заметила нас – ведь никто не выйдет в сад просто прогуляться незадолго до полуночи.

Старушка в ночной рубашке босиком ступила на траву. Длинные седые волосы с одной стороны заплетены в косу, в развевающейся белой рубашке посреди ночной темноты она казалась призраком. Дверь она оставила

открытой, я заметила, как поглядывал в ту сторону Кэррик, и понимала, о чем он думает, но интуиция советовала оставаться на месте. Старуха была похожа лицом на Мэри Мэй – значит, это ее мать, единственная родственница, которую Мэри Мэй не сдала Трибуналу. Мать она все-таки жалела. Старуха подняла стоявшую у заднего крыльца лейку, собиралась полить растения в подвесных горшках, но воды внутри не оказалось.

– Ц-ц-ц, – горестно пробормотала она. Повернулась в сторону озера и пошла туда.

– Так, я в дом, а ты тут следи. – Кэррик изготовился к рывку.

– Стой. – Я схватила его, пришлось обеими руками сжать его бицепс, чтобы удержать на месте. – Нельзя ее тут оставлять. Она слишком близко подошла к воде. Может свалиться.

– У тебя пунтик – старикам помогать? – спросил он, но голос его был ласков, и рука, коснувшаяся моей руки, была теплой.

Старуха легла на живот, перегнулась через край пруда, пытаясь наполнить лейку. Я поспешила к ней. Взяла у нее лейку, молча наполнила водой и вернула.

Она присмотрелась ко мне – не холодно и подозрительно, а с любопытством, словно пытаясь понять, кто я.

– Он сегодня посетит меня? – спросила она нежным, детским почти голосом.

Я не ответила, не зная, о ком она.

– Господь. Он послал тебя за мной? Это хорошо. – Она выпрямилась. – Я готова. Я снова увижусь с Энди. – Она оглянулась на дом. – Только надо помириться с ней. Надеюсь, Господь будет добр и к ней. – Она глянула на меня, словно это от меня зависело. – То, что она сделала, она считала правильным. Я ее мать. Я буду просить за нее – заступлюсь перед ним. Но остальные ... Они так и не простили ее. Надеюсь, они простят меня. Это из-за нее они носят Клеймо. – Она вдруг подобралась. – Конечно, я почти все забыла, но это я помню. Она все что-то ищет. Ты знаешь, что она ищет?

Я кивнула.

– Каждую ночь идет в гараж. Он знает, где это? Если найдет, наверное, она обретет мир. Это сводит ее ... – В доме вспыхнул свет, и мы обе оглянулись.

– Она идет сюда, – шепнула старуха. – Сколько у меня осталось времени, прежде чем он заберет меня?

Сердце сильно забило в груди при виде Мэри Мэй – она вышла в сад и опрометью помчалась к нам по траве.

– Мама! – сердито крикнула она.

Я приложила палец к губам, молясь, чтобы Кэррик, отчаянно махавший мне рукой, не попался на глаза Мэри Мэй. Старуха кивнула:

– Ты сама придешь за мной?

Я кивнула в ответ.

Успокоенная моим обещанием, она взялась за лейку, а я проворно ускользнула во тьму, за куст. Кэррик бросил на меня предостерегающий взгляд, но я и так замерла, мы оба не шевелились, деваться нам было некуда, разве что в пруд нырнуть. Придется, так нырнем. Кэррик обхватил меня рукой, словно защищая, он надежно держал меня.

Мать Мэри Мой стояла и смотрела на озеро, словно в последний раз – прощальным взглядом, но без грусти. Она была готова уйти – даже как будто рада. Мне было стыдно, что я подвела ее к такой мысли, но старуха, казалось, приняла ее спокойно и радостно.

– Мама! – Голос Мэри Мэй перешел в рычание. Она тоже выскочила в сад в ночном облачении и кое-как ковыляла босиком по траве.

– Я набрала воды для цветов, – отстраненно сообщила мать. – Уже сколько дней нет дождя.

– Сколько раз я тебе говорила: не перегибайся через край! Это опасно. Можно упасть. Мама, как ты ... Откуда в лейке вода, мама?

– Ангел, добрый ангел. Прилетел ко мне.

– Ангел? – прошептал Кэррик, закрывая лицо руками.

Я не стала ничего ему объяснять, боясь, что Мэри Мэй услышит. У нее, опытного стража, все чувства обострены, странно, что она нас еще не почуяла. Она отобрала у матери лейку.

– Хватит чуши про ангелов, мама. Двенадцатый час, тебе давно пора в постель. Если будешь так себя вести, придется установить сигнализацию.

– Энди хочет, чтобы цветы поливали вовремя. Он просил.

– Папа умер. Мама, ты забыла?

– Элис соберет лепестки и использует в аппликациях.

Мэри Мэй резко втянула в себя воздух.

– Не смей произносить при мне ее имя! – зашипела она. Вылила воду из лейки обратно в пруд, ухватила мать за локоть и повела обратно в дом.

– Где они все? – жалобно, по-детски спросила мать. – Почему ты ничего не говоришь о них? Я хочу повидать своих детей. Хочу знать, что у них все в порядке. Хочу попрощаться.

– Нет никакой необходимости прощаться. Ты тут, со мной, тебя никто не тронет. Помнишь? Только ты и я, мама, больше нам никто не нужен.

Мы с Кэрриком смотрели, как они уходят в дом.

– Она совсем чокнутая, хуже, чем я думал, – шепнул он.

И при этом она учит новичков. Я подумала об Арте, о том, как она отравляет его разум. Мало ли что она могла наговорить обо мне. Любую ложь – и он, возможно, поверил. Кажется, я снова занялась поиском оправданий для Арта? Потрясла головой, выбрасывая его из своих мыслей.

В передней части дома вспыхнул свет.

– Там спальня матери, – отметил Кэррик. – А где же искать чертов шар? Он где угодно может быть.

– В гараже. – Я указала на пристройку.

– Откуда ты знаешь?

– Ее мама сказала, она все время ходит что-то искать в гараже. Значит, там.

Мы видели, как Мэри Мэй снова прошла мимо задней двери, потом свет вспыхнул в кухне, а оттуда она перешла в примыкавший к дому гараж. Там загорелись два высоких окна. Попасть в гараж можно либо из дома, либо через въезд с другой стороны.

Слышен был грохот, перемещались коробки, рушились, потом вдруг вопль, прямо-таки безумный визг. Жуткий, словно ведьму жгут на костре, мучительный вопль разочарования и злобы.

Судя по звукам, она разносила мои вещи в пух и прах, я испугалась, не разбила бы она шар – тут-то бы и обнаружилась спрятанная внутри видеозапись. Я дрожала в тоненькой футболке, а Кэррик пытался меня согреть, прижимая к себе. Ближе, ближе, поцеловал в шею, мне тут же стало тепло от жара его тела.

Двадцать минут Мэри Мэй шуровала в гараже, потом затихла. Изнемогла от злобы. Свет в гараже погас, она переместилась в кухню, тощая, страшная, волосы дыбом, где ее безупречная укладка. Подойдя к раковине, Мэри Мэй налила себе стакан воды и уставилась в окно так, словно заметила нас. Меня снова затрясло, и Кэррик покрепче обнял меня.

Свет погас, наваждение исчезло. Она спит в передней части дома, комната ее матери – в задней половине.

– Подождем три четверти часа – и вперед, – предложил Кэррик. – После такой истерики она не сразу уснет.

– У нас нет времени, Кэррик. Как только Крewan узнает, что я на свободе, кому он первым делом позвонит? Конечно же ей.

– Время есть, я же тебе сказал. – Он поглядел на часы. – Операцию отложили до утра. Твоя мама поедет туда часов через семь, не раньше. И не одна. Все под контролем. Если приедет Крewan, Тина предупредит нас.

– Семь часов – это слишком долго. – Я покачала головой, перебирая все, что может за столько часов пойти не так. Потом уселась и стала

следить за домом, чувствуя, как нарастает во мне тревога.

Дедушка заперт в замке, против него стряпают дело, обещание ограничиться суточным арестом, естественно, оказалось ложью. Джунипер в той псевдобольнице, куда мама должна ворваться утром, вопия об учиненной несправедливости, о преступлении. Кэррик в бегах, его разыскивают. Все мы под угрозой, это я навлекла на близких опасность. Нельзя, чтобы они пострадали. Мой план должен сработать.

Мы словно хищные птицы следили за домом Мэри Мэй. Через сорок минут полной тишины, убедившись, что никто больше в доме не движется, мы начали действовать. Кэррик, пригнувшись, быстро пошел через двор к гаражу, в надежде найти вход там, чтобы не пробираться через дом. Но у гаража не было двери, не было замка, в котором можно было бы поковыряться, оба окна располагались слишком высоко, и в них едва ли удалось бы протиснуться, настолько узкие. Другого выбора не оставалось – только пройти через дом.

Я подошла к окну той комнаты, где спала старуха, тихонько постучала по стеклу, молясь, чтобы там не оказалась настороже и сама Мэри Мэй.

Мать тут же появилась у окна, слегка меня напугав: яркая белая рубашка, седые волосы, прозрачная кожа – при таком освещении она казалась не ангелом, скорее эльфом. Я приложила палец к губам, кивнула в сторону двери, и она тихо двинулась туда. Открыла мне дверь, я вошла, оставив дверь приотворенной для Кэррика, пошла вслед за старой женщиной в ее спальню. В доме было очень тихо, я шла на цыпочках, но Кэррик крупнее и на нем тяжелые ботинки, шагал он неуклюже, и у меня сердце готово было разорваться от страха всякий раз, как он на что-то натыкался или под ним скрипела половица. Аромат выпечки смешивался в этом доме с каким-то густым, застоявшимся запахом. По ту сторону узкого коридора – спальня Мэри Кэй, дверь распахнута, должно быть, и во сне караулит мать. Я вошла вслед за старухой в ее спальню и тихонько прикрыла дверь.

– Сядь, сядь, – попросила она, протягивая руку.

Я опустилась на стул рядом с ней. Женщина сидела на кровати, подоткнув под спину подушки.

– Я готова, я жду его. – Она храбро задрала подбородок.

Я замерла, не зная, как на это ответить. Хоть бы Кэррик нашел шар

прежде, чем мы слишком далеко зайдем.

– Ты знаешь, что ищет Мэри? – спросила она.

Я кивнула.

– Можешь найти это?

– Постараюсь.

– И тогда все уладится?

Я кивнула.

– Я всего лишь хочу увидеть еще раз детей, – продолжала она со слезами на глазах, голосок снова стал детским. – Она забрала их у меня.

Я взяла ее за руку, пытаюсь утешить.

– Она всегда была немного ... странной. В детстве, бывало, если что-то захочет, то сильно, слишком сильно. И так же она любила Генри – слишком сильно ... до одержимости. А Генри полюбил ее младшую сестру Элис, и этого Мэри стерпеть не могла. Отомстила всем родным, кто скрывал это от нее. Уничтожила нашу семью. – Слезы капали, боль, даже спустя столько лет, оставалась непереносимой. – Но ведь я все-таки ее мать. И я прошу Бога пожалеть ее, – продолжала она, заклиная меня взглядом. – Она причинила очень много боли, но потому, что ей самой больно, – все время.

Я протянула ей бумажный платок, и старуха утерла глаза.

Собралась, приготовилась:

– Мне не страшно. Это, наверное, значит, что я готова.

Послышался стук в окно, мы с ней обе так и подскочили. Я подумала, все кончено, Мэри Мэй вызвала стражей. Они окружили дом, над крышей завис вертолет, включил прожектор. Будут снимать – арест Заклейменной в прямом эфире. Я дернула занавеску, но увидела Кэррика – он радостно потрясал стеклянным шаром.

– Кто это? – пугливо спросила старуха, поплотнее кутаясь в одеяло.

У меня голова шла кругом, сильный прилив адреналина. Я схватила обе ее руки, сердечно пожалала.

– Вам еще рано уходить, – шепнула я.

– Рано? – удивилась она.

Я покачала головой, улыбнулась:

– Ложитесь спать. Скоро вы увидите с детьми. Я обо всем позабочусь.

Я уложила ее, подоткнула одеяло под ее щуплое тело. Старуха закрыла глаза, успокоилась, улыбнулась – ей уже виделась встреча с детьми.

Шесть часов спустя мы – Рафаэль Ангело и я – добрались до дома судьи Санчес. Пентхаус из мрамора и стекла в самом высоком здании города разительно отличался от горного убежища Рафаэля. Судья Трибунала зарабатывает немалые деньги – клеймит сограждан и смотрит на всех сверху вниз, с судейского кресла или с верхнего этажа небоскреба. Люди, прогуливающиеся в парке под ее окнами, кажутся малыми точками, незначительными, она может принимать решения и не думать о том, как они скажутся на живом человеке. А теперь в дом судьи Санчес проникла реальная жизнь. Санчес только что проснулась, глаза еще сонные, – мы ворвались в ее дом на рассвете.

Ее трудно узнать без красной помады и очков в оправе такого же цвета – непременный публичный образ. Сейчас на ее лице нет и следа косметики, волосы заколоты шпилькой, она кутается в черный кашемировый кардиган, словно ей холодно, хотя тут вовсе не холодно. Она провела нас в огромную кухню-столовую-гостиную, где помимо окон во всю высоту стены еще и потолок стеклянный. Заметила, как я поглядываю на потолок.

– Мой сын – звездочет, – пояснила она. – Поэтому мы поселились здесь.

– Астроном будет точнее, – поправил ее вошедший в кухню подросток, тоже заспанный, растрепанный, на ходу он завязывал пояс халата. Примерно моих лет, красивый, довольно высокий, заносчивый с виду.

– Только если тебе за это платят, – возразила она, уставившись в ноутбук, который раскрыл перед ней Рафаэль.

Парень глянул на меня, узнал и обернулся к матери, стараясь скрыть изумление. Селестина Норт в доме судьи!

– Кофе будешь, мама? – спросил он.

Трудно поверить, что она – чья-то мама. Что в ее сердце вмещается любовь и забота о другом человеке. Как говорится, у зеркала два лица. И вероятно, Санчес честно пытается мне помочь, пусть и ради собственной выгоды.

От кофе она отказалась, покачав головой.

– А мне – да, – откликнулся Рафаэль.

– Мама любит смотреть вниз, а я вверх, – сказал парень, помешивая кофе. – Хочешь подняться на крышу и посмотреть? – предложил он мне. – У меня там телескоп.

Я бы предпочла посмотреть на звезды, а не на то, что сейчас Рафаэль продемонстрирует судье Санчес, но я знала, что обязана оставаться с ними. Это было слишком важно.

– Нет, спасибо, – вежливо поблагодарила я.

Он окинул меня взглядом. На халате – герб самой престижной частной школы страны.

– Зря они тебя заклеили, – сказал он нарочито громко, назло матери. – Я ей говорил. Возмутительный, нелепый приговор. Какая-то темная игра, я так понимаю.

Мы нашли флешку, как и обещала Тина, в основании стеклянного шара. Шар лежал в стороне от прочих моих вещей, сваленных в гараже, Кэррик сразу же на него наткнулся. Похоже, преданность Трибуналу помешала Мэри Мэй даже заподозрить, что улика против ее босса может быть спрятана в сувенире с изображением драгоценного для ее сердца замка. Флешку спрятали под двойным дном – и мы легко нашли ее, открутив основание шара. Позвонили Рафаэлю с одноразового телефона, который нам выдали в офисе Эниа, и адвокат приехал за нами к озеру. Мне не хотелось смотреть эту запись, я отошла от машины, пока Рафаэль и Кэррик проверяли флешку. По их лицам я и потом могла догадаться, что все самое важное удалось заснять. Рафаэль не мог смотреть мне в глаза, Кэррик не сводил с меня взгляда.

Я подумала, к Санчес Кэррика лучше не брать. Она такой человек – берет то, чем может воспользоваться, остальное в мусор. Кэррик ей не был нужен, и с нее стало бы прямиком отправить его в замок. К тому же в этот час мама и Боб Тиндер уже должны были штурмовать «тренировочный центр» стражей, Креван вот-вот узнает, что я на свободе, – Кэррику безопаснее держаться подальше от меня, пусть лучше поможет маме и Джунипер.

Я проверила, нет ли в телефоне сообщений от Кэррика. Глухо.

Глянула на телевизор в кухне – может, есть новости. Санчес, само собой, смотрела News-24, канал Кревана. Но и там обычные новости не прерывались срочным репортажем о моей маме и Джунипер. Впрочем, это бы вряд ли показали на News-24. Они в любом случае постараются все скрыть. А вот Боб Тиндер скрывать не станет.

Тобиас протянул мне чашку, хотя я и не просила кофе. И Рафаэлю тоже сварил. Оказывается, мне действительно нужен был кофе, после бессонной ночи я держалась только на адреналине.

– Спасибо. – Я взяла чашку, благодарная даже за такой простой знак внимания. Понюхала. Запах кофе. Отхлебнула. Вкуса не почувствовала.

– Уходи, Тобиас! – строго велела судья, и ее сын поплелся прочь, вздернув нос, развернув плечи. Он прихватил с собой газету. Что-то он в ней вычитает? Я же зашла за спину судьи, чтобы хорошо видеть экран ноутбука. Мне важно было посмотреть эту запись вместе с ней и понять, как она ее воспринимает.

– У кого еще есть копии? – спросила Санчес прежде, чем Рафаэль включил запись.

– Это оригинал, – сказал Рафаэль. – Мы никому не показывали.

– Мистер Берри снимал на мобильник. Чтобы сохранить на флешку, он должен был сначала скопировать запись в компьютер, – настаивала судья.

– Вероятно, судья Креван нашел ноутбук и карту памяти, когда поймал мистера Берри. Это единственная запись. Та, которую он всюду ищет, – пояснил Рафаэль.

– И вы хотите, чтобы я поверила, что по дороге ко мне вы не сняли копию? – Она иронически приподняла брови.

Рафаэль обернулся ко мне:

– Отдай ей.

У меня челюсть отвисла:

– Рафаэль!

– Абсолютная честность, – настаивал он. – Только так это работает, Селестина.

Я сердито вынула из кармана запасную копию и выложила ее на стол перед судьей. Санчес тут же спрятала ее в карман. После этого Рафаэль нажал кнопку и откинулся на спинку стула. Он знал, что сейчас будет. Санчес, наоборот, подалась вперед.

Я маячила у них за спиной, обкусывая ногти.

Начало видеозаписи. Картинка неустойчивая. Сначала я увидела пол, потом он накренился, стал расплываться, слышались громкие голоса, началось движение. Вот мамы тупи, движутся прочь, папа кричит, всех выгоняют из камеры для родственников. Санчес оглянулась на Рафаэля, недовольная: зачем тратить на это время?

Видимо, мистер Берри повыше поднял мобильный. Теперь в фокусе оказалась камера Клеймения. Легко было узнать Кревана даже со спины, по его кровавой мантии. Он загоразживал меня, прикованную к креслу для Клеймения. Камера вновь поехала вниз, снова крики, движение, картинка расплывается.

– Ну и что? – вырвалось у Санчес. – Так Креван находился в камере во время процедуры, что в этом особенного?

– Смотрите дальше, – спокойно ответил Рафаэль.

Мистер Берри нашел позицию поудобнее. Он оставался за дверью, вот почему я его тогда не заметила. Креван сдвинулся в сторону, я оказалась на виду, привязанная к креслу, самой смотреть жутко. Рот раскрыт с помощью распорок. Мне поплохело, я вспомнила тот ужасный момент. Тут мистера Берри, видимо, толкнули, и телефон упал. В кадре остались только его ноги, потом ботинки стража, и третья пара обуви – кеды Кэррика.

– Снимайте! – отчетливо послышался на записи голос Кэррика.

Судья Санчес дернула головой:

– Это чей голос?

Мы оба словно и не слышали вопроса. Телефон успели поднять как раз вовремя, чтобы запечатлеть, как мне ставят Клеймо на язык. И тут Креван начал орать:

– Покайся, Селестина!

Он расхаживал передо мной взад-вперед, картинка получилась на редкость отчетливая.

– Покайся!

Стражи уже отстегивали ремни, чтобы снять меня с кресла, все они были потрясены, и Барк, который прижигал меня каленым железом, и Фунар, который прежде ненавидел меня. Они усадили меня на кресло-каталку.

– Прижгите ей спину! – потребовал вдруг Креван. Громко, внятно. Я почувствовала облегчение: ему не отвертеться.

Я отошла в сторону – не потому, что не могла выдержать это зрелище, но потому, что важнее было следить за лицом судьи Санчес. Как она отреагирует на то, что со мной сделали после вынесения приговора?

Ее лицо оставалось невыразительным и непроницаемым – сдержанным. Никаких эмоций, ни жалости, ни страха – ничего. Ее глаза скользили по экрану, оценивая кадры, словно глаза робота.

Крики Кревана, сопротивление стражей, Креван хватает раскаленный прут для Клеймения, мой задушенный вопль – смотрит и не сморгнет. Рафаэль чесал то затылок, то нос, ерзал в кресле, ему было не по себе, в тот момент, когда мне прижгли поясницу без анестезии, я – там, на мониторе, – испустила такой громкий вопль смертельной муки, что на этот крик примчался испуганный Тобиас, – а она и глазом не моргнула.

Запись закончилась.

Санчес глянула на меня – хладнокровнейше. Слишком хладнокровно, слишком спокойно: я поняла, что это маска, за которой скрыты истинные чувства.

– Он скажет, что это постановочный фильм.

– Чушь, – отозвался Рафаэль.

– Это ... Это ... – пытался выдать из себя вопрос Тобиас.

– Загляните на YouTube, вы таких сотни найдете. – На сына Санчес не обращала внимания.

– Запись, несомненно, аутентична, – сказал Рафаэль.

– Креван что?.. – снова попытался Тобиас, и опять ему никто не ответил.

– Она Заклейменная, в его руках власть и авторитет, он сумеет убедить население, что это подделка, – гнула свое Санчес.

– А это? – Я повернулась спиной и предъявила ей Клеймо на пояснице.

– Господи! – вскрикнул Тобиас, схватился рукой за голову, куда и подевалось наигранное равнодушие.

– Вон отсюда! – крикнула Санчес. – Это не твое дело.

Сын глянул на нее, сначала с недоумением, потом с гневом и затопал обратно в свою комнату.

Санчес обернулась к нам:

– Клеймо на спине по форме отличается от остальных.

– В этот раз она не была зафиксирована, не было обезболивающего.

Судья Креван действовал сам, девочка извивалась и кричала от боли, вы все видели сами. Это Клеймо идеально соответствует той сцене, которую мы только что видели. – Рафаэль смотрел на Санчес с удивлением и старался говорить спокойно, однако в его голосе пробивался гнев. – Что происходит? Вы же хотели убрать Кревана из Трибунала. Или трусили?

– Нет, я не трушу, и я твердо намерена устранить Кревана с должности главы Трибунала.

– Вы велели принести доказательство, которое поможет свергнуть Кревана, и я принесла, – напомнила я, заводясь: она явно собиралась дать обратный ход.

Она посмотрела на меня, и впервые выражение ее лица изменилось.

– Ты принесла мне чересчур много, Селестина. Этого хватит, чтобы свергнуть весь Трибунал. Теперь я понимаю, почему Креван охотится за тобой.

Я с тревогой оглянулась на Рафаэля и увидела на его лице точно такую же гримасу. Наше преимущество только что обернулось поражением. Снова я в опасности. Санчес хотела лишь убрать Кревана, а не уничтожить

Трибунал. И теперь она снова превратится в кошку, а я опять – мышь.

Рафаэль откашлялся:

– Значит, у нас есть возможность заключить сделку.

Санчес резко обернулась к нему:

– Вы пытаетесь мне угрожать?

– Вы пытаетесь угрожать моей клиентке? – спокойно парировал он.

Она слегка нахмурилась.

– Судья Санчес, условия игры остаются прежними. Мы принесли то, что вы просили, и нет никакой необходимости это обнародовать. Вы можете использовать запись приватно, чтобы испортить репутацию Кревана. Решение по-прежнему в ваших руках. Нам нужно одно: чтобы действия Кревана были признаны несоответствующими уставу Трибунала и чтобы его уволили. И чтобы приговор моей клиентке был, таким образом, отменен.

Она напряженно размышляла.

– Креван сообразит, что я не могу никому это показать. Значит, у меня нет ничего против него. Я тоже участвовала в заседании суда, который вынес этот приговор. Пусть я не знала о дальнейших действиях Кревана, ответственность ложится и на меня. На всех троих судей Трибунала – на меня, Джексона и Кревана.

– Но если вы разоблачите его, тем самым вы снимете с себя ответственность. Главное – сделать первый ход, – продолжал Рафаэль.

– Он у нас в руках! – вмешалась я и не услышала в своем голосе уверенности.

– У меня в руках *ты*, Селестина, – сказала она. – И ты нужна Кревану.

– Вы решили использовать меня, чтобы получить то, чего вы хотите! – сообразила я.

– Безобразие! – вскричал Рафаэль, вскакивая. – Это неэтично, аморально, беспринципно, противоречит собственным правилам Трибунала. Я буду бороться с вами до конца, – уже спокойнее добавил он. – Расследование деятельности Кревана уже начато. В итоге это приведет к роспуску Трибунала. Пора вам выбрать, на чьей вы стороне – спасшихся или затонувших вместе с судном.

– Верно. Предпочитаю быть среди спасшихся.

Рафаэля это устраивало.

– К сожалению, обреченным судном я считаю вашу затею. Едва ли у вас выйдет «бороться до конца», Рафаэль, когда Трибунал предъявит вам обвинение в помощи Заклейменной.

– Он мой адвокат. Мы заключили договор.

– Адвокат нарушительницы?

Рафаэль покачал головой, улыбаясь во весь рот, словно ловушка, в которую мы угодили, казалась ему смехотворной.

Он глянул на меня:

– Ладно, Селестина, пошли отсюда.

– Боюсь, я не вправе отпустить вас. – Она подняла трубку. – Грейс, это я. Немедленно соедините меня с Креваном.

Я кинулась за флешкой, которая все еще торчала из ноутбука, но Санчес успела схватить ее, резко меня оттолкнув. Она оказалась сильнее, чем я ожидала, и я рухнула на журнальный столик. Стекло разбилось, столик качнулся.

Рафаэль бросился ко мне:

– Цела?

– Тобиас! – позвала судья.

Ее сын вернулся, на этот раз в спортивном костюме той же частной школы. Окинул взглядом картину: я на полу среди осколков стекла, его мать кому-то звонит. Он хорошо знал свою мать.

– Что ты натворила? – спросил он ее.

– Не дай им уйти! – Она ринулась в спальню, прижимая к уху мобильный телефон. – Черт побери, Грейс, набирай его номер снова и снова. Он нужен мне сию минуту. Тобиас, запи входную дверь! – заорала она и заперлась в спальне.

Тобиас подбежал к двери, запер ее и набрал на контрольной панели код. Механический голос подтвердил, что квартира заперта. Человек на такой должности, как Санчес, должен принимать повышенные меры безопасности. На нас Тобиас поглядывал с тревогой.

Рафаэль – крепыш, но с Тобиасом ему не справиться.

– Выпусти нас! – потребовал он. – Ты не вправе удерживать нас силой. Ты видел эту запись, ты знаешь, как поступил Креван. Ты сам понимаешь, кто прав, кто виноват.

Тобиас запаниковал, он ни на что не мог решиться. На лбу у него проступил пот.

Рафаэль сердито покачал головой:

– Если все время смотреть на звезды, перестаешь видеть реальную жизнь. С виду ты парень хороший. А твоя мама – нет. То есть ее нельзя назвать хорошим человеком.

Тобиас тревожно переводил взгляд с адвоката на меня. Рафаэль помог мне подняться с разбитого стекла. Хорошо, не порезалась.

– Я не могу, – пробормотал Тобиас, пот катился у него уже и по

верхней губе. – Мама! – вдруг во весь голос крикнул он, и она выбежала из спальни, полуодетая. – Разбейся сама. Я больше не могу. Ты все время твердишь, что ты права, все время, но ... – Его голос пресекся. – Слышала бы ты, как о тебе говорят в школе. Они собираются идти маршем на замок. Против Трибунала. Мне стыдно собственным друзьям признаться, кто ты, чем ты занимаешься.

– Это Крewan, Тобиас, – заговорила она с интонациями, которые были для меня полной неожиданностью, заговорила, как мать. – Он портит нашу репутацию, но я все исправлю. Обещаю тебе, люди снова поверят в Трибунал. Ты будешь мной гордиться – ты должен верить мне, я все делаю для этого.

– Нет. – Он покачал головой. – Ты – такая же, как он. И я уже думаю, порочные – не те, кому вы ставите Клеймо. – Он сделал глубокий вдох, собираясь с силами: – Это вы все. – И он выскочил из квартиры, оставив дверь нараспашку.

И я и Рафаэль изумленно уставились на открытую дверь. Судья Санчес тоже замерла на миг, захваченная врасплох бегством сына, однако быстро оправилась. За мальчиком она гнаться не стала – захлопнула дверь и снова ввела код. Опять мы оказались взаперти. Она успела надеть на одну ногу туфлю с каблуком, другая все еще была в чулке. Бордовая юбка-карандаш, красная шелковая блуза. Губы подкрашены красной помадой, вернулись на место и очки в красной оправе.

В спальне зазвонил телефон. Санчес стала медленно пятиться прочь из кухни, разрываясь между желанием ответить на звонок и опасением выпустить нас из-под контроля. Потом вдруг развернулась – и бегом в свою комнату. Не добежала, звонки прекратились, мы услышали, как она бормочет проклятия.

Я заглянула в свой телефон. Сообщение от Кэррика:

Джунипер вышла. Все наши в порядке. Ты как?

Огромное облегчение. Хорошая новость вдохновила меня, и я наконец сообразила, что делать. Теперь уже не страшно, если Крewan узнает, где я: Джунипер в безопасности. И мама. И Кэррик.

– Что ты делаешь? – спросил Рафаэль, когда я сняла трубку со стоявшего на столе телефона.

– Соедините меня с замком Хайленд, – торопливо произнесла я.

– Что ты делаешь? – бросился ко мне Рафаэль.

Я прикрыла аппарат рукой, чтобы он не отключил звонок. Одними губами шепнула:

– Доверьтесь мне.

Он остановился в шаге от меня.

– Добрый день, это Селестина Норт, я готова сдать, – быстро заговорила я. Рафаэль буквально волчком завертелся от возмущения. Попытался вырвать у меня трубку, но я вскарабкалась на стул, ему не достать. – Я нахожусь в квартире судьи Санчес в башне Граймз. Пусть меня как можно скорее заберут отсюда. Спасибо.

Я положила трубку, сердце оглушительно грохотала.

– Зачем? – спросил он.

– Судья Санчес пошла звонить Кревану. Хочет с ним договориться. Как по-вашему, они допустят, чтобы нас официально арестовали, поместили в камеру Трибунала, когда мы столько о них знаем? Единственный шанс – чтобы нас взяли стражи.

Рафаэль вдруг перестал вертеться и сел.

– Об этом я не подумал. Знаешь, а это, пожалуй, самая умная твоя мысль за последнее время. Похоже, моя проницательность отчасти передалась тебе.

– Лишь бы стражи подросли первыми.

Судья Санчес то и дело заглядывала в кухню проверить, как мы тут, и лихорадочно названивала, разыскивая Кревана по всем номерам, какие только могла вспомнить. Но ей не хотелось, чтобы я слышала, как она торгуется, добывая себе какие-то привилегии в обмен на мою свободу, поэтому разговаривать она уходила в другую комнату, понижала голос. А мы так и сидели в гостиной, ожидая своей участи. Несколько минут спустя в дверь громко постучали. Я глянула в глазок – только подумать, чтобы я была счастлива увидеть красные шлемы!

– Стражи! – сказала я Рафаэлю.

И мы, высоко подняв руки, ударили ладонь в ладонь, как футбольные болельщики.

– Стражи! – заорали стражи. – Откройте дверь.

– Боюсь, я открыть не смогу, – преспокойно ответил им Рафаэль. – Нас заперли, и сами мы открыть не сможем. Ломайте дверь!

Казалось бы, дела совсем плохи, стражи готовятся ломать дверь, чтобы схватить меня, но мне вдруг передалось хладнокровие, с каким Рафаэль взирал на все происходящее в нашем нелепом мире. Он, пожалуй, только притворялся отстраненным, а я и правда вдруг почувствовала себя такой. Я же знала, что он лишь актерствует: веган, украшающий свой дом трофеями, похожими на человеческие головы и содранную кожу, кое-что этим говорит миру, – и если человек посвящает жизнь борьбе за справедливость, за чужие права, глупо считать его отстраненным. Может быть, потому я теперь и могла улыбаться: я знала, что шутить-то он шутит, но пойдет до конца.

– Отойдите, мы ломаем дверь! – крикнули нам, и мы повиновались. Я думала, послышится металлический скрежет взламываемого замка, но вместо этого на дверь обрушился сильный удар.

– Кувалда! – восхитился Рафаэль. Он небрежно прислонился к стене, сложил руки на груди. – Правильно экипировались.

Снова дверь содрогнулась от удара.

– Что происходит? – Судья Санчес вылетела из спальни. Интересно, успела ли она дозвониться до Крована. Продать меня ради укрепления своей власти.

– Стражи, – спокойно пояснила я.

– Что? – В ужасе она переводила взгляд с меня на Рафаэля и при виде наших безмятежных лиц разволновалась пуще прежнего. – Этого не может быть!

БАМ!

– Тем не менее они здесь, – подтвердил Рафаэль и закинул в рот мятную облатку. – Должно быть, тут, в пентхаусе, сирена с улицы не слышна.

Ее лицо как-то жалко сморщилось.

– Что? – повторила она. Такая растерянная, потеха.

БАМ!

– Что это?

– Ломают дверь, – пояснил Рафаэль.

– Как? Почему? Эй! Эй, слышите? Прекратите, прошу вас!

– Потому что мы тут заперты, – подхватила я.

Она пыталась командовать ими, она же член Трибунала, но по ту сторону двери ее не слышали, всю орудия кувалдой.

Наконец дверь поддалась. Судья Санчес только успела отскочить – щепки, большие куски дерева, обломок кувалды полетели на ее плюшевый ковер.

В проеме больше дюжины стражей.

– Судья Санчес! – заговорил один из них, молодой, входя в квартиру сквозь изуродованную дверь. – Мы получили сообщение, что здесь находится Селестина Норт. Вы не пострадали?

Судья Санчес с отвращением уставилась на него, потом поглядела на свой ковер, на шелковую блузу, тоже в опилках и щепках.

– Вы сломали мою дверь.

Парень занервничал:

– Нам сказали, она заперта.

– Вот именно: потому что я заперла их.

Парень залился краской. Другой страж, у него за спиной, кусал губы, чтобы не расхохотаться.

– Мы сию минуту распорядимся установить новую дверь, судья.

– Разумеется! Сию минуту! – рывкнула она. Потом двумя пальцами ущипнула себя за переносицу. – Объясните мне, почему ... зачем ... как вы здесь оказались? Это личное дело судьи Кревана. Я ждала его звонка.

Стражи переглянулись в растерянности.

– Нам кто-то позвонил и назвал этот адрес. А судья Креван сейчас занят, готовит большой сбор.

– Какой сбор? – заинтересовался Рафаэль.

– Все Заклейменные должны были срочно доложить своим кураторам, чтобы их направили на пункты сбора. Нам приказано доставить туда всех Заклейменных – никаких исключений.

– Нет, Селестину вы никуда не должны доставлять, она нарушитель. Сначала мне нужно поговорить с судьей Креваном, – сказала Санчес.

– Мы выполняем инструкции судьи Кревана, судья Санчес, – вмешался другой страж, подступая ко мне. – *Всех* Заклейменных доставить в пункт сбора, никаких исключений. Мы доложим судье Кревану о поимке Селестины Норт и проследим, чтобы она была наказана за нарушение правил.

Прежде чем ухватить меня за локоть, он поднес к губам красный свисток, свисавший ему на грудь на золотой цепочке.

– Заткните уши, – посоветовала я Рафаэлю.

И он только успел последовать моему совету, как все двенадцать стражей затрубили, возвещая об аресте очередной Заклейменной. Еще один арест.

Часть третья

Судья Санчес приказала им арестовать также и Рафаэля. Несмотря на его профессию, на подписанный нами договор, адвоката будут судить за помощь нарушительнице.

Нас подвезли к докам, впереди уже выстроились цепочкой автобусы, которые развозили Заклейменных перед комендантским часом.

– Что происходит? – теребила я Рафаэля, но он не отвечал: пристально смотрел в окно и пытался разобраться.

– Тебя предупреждали, что сегодня нужно явиться к куратору? – спросил он меня наконец.

– Меня и не могли предупредить. Я же нарушительница. А те люди, с кем я была, вообще никогда не имели дела с кураторами.

– Может мне кто-нибудь объяснить, что тут происходит? – Рафаэль подался вперед, обращаясь к одному из стражей.

– Все Заклейменные должны собраться по этому адресу ровно к девяти часам.

– Зачем?

– Приказ Трибунала.

– А со мной вы что собираетесь делать? Я же не Заклейменный.

– Отвезем вас в замок.

– Судья Креван выступит с речью перед Заклейменными, – пояснил более словоохотливый страж.

– Как? Лично? – озадаченно нахмурился Рафаэль. – Перед всеми Заклейменными страны?

– Не одновременно. В разных городах действуют свои сборные центры. Вы что, ничего не слышали? – Страж извернулся на сиденье и уставился на меня, как на пришельца с другой планеты.

– Она в бегах, – ткнул в меня пальцем Рафаэль. – В бегах от подобной информации проку мало. Хотя нам бы не мешало заранее об этом знать.

– Простите меня, Рафаэль! – вздохнула я.

– Не извиняйся. Я же знал сюжет, помнишь? И я наконец-то, как ни странно, свободен. Дом в горах – это ведь добровольное заключение. Я создан для такой работы. А как ты? В порядке?

Я кивнула. Потом покачала головой. Пожала плечами. Я пыталась их обыграть, пыталась держаться на шаг впереди, но вот я тут и понятия не имею, что с нами будет.

– Сочту это за утвердительный ответ, потому что утешение – не по моей части.

Машина застряла в пробке, я выглянула и увидела перед собой склады по обе стороны дока. В узком проходе между двумя складами две женщины – выскочили на перекур. Обе в белых комбинезонах, сплошь в кровавых пятнах, и на руках тоже кровь, до локтей.

– Рафаэль! – дрожащим голосом позвала я.

– Рыбы потроха! – поспешно ответил он. – В доках потрошат и пакут рыбу.

Хотелось бы мне убедить себя, что именно этим тут заняты, но не верилось.

Дверь автомобиля открылась с той стороны, где сидел Рафаэль, стражи велели ему выходить. Мы не успели попрощаться, он крикнул: «Удачи тебе, детка!» – и дверь захлопнулась.

Открылась дверь с моей стороны, меня вытащили наружу. Двое стражей встали по бокам. Рафаэля тем временем отводили в другую машину, чтобы доставить его в замок.

Передо мной распахнулась дверь склада. На входе сначала просветили рентгеном, эту проверку я прошла без проблем, а дальше – прибор для установления личности, тут же меня и опознали. Много людей, мужчин сразу отводят направо, женщин налево. Мутило от запаха рыбы. Подвели к отделению, предназначенному для женщин, мне навстречу как раз шла еще одна работница, фартук красный и мокрый, словно она только что кого-то зарезала. Мы на миг встретились глазами, в ее взгляде – жалость.

– Извини, – тихо сказала она мне и заспешила навстречу товарке, тоже в кровавом фартуке, заспешила так, словно обе они куда-то опаздывали.

Я вошла в отделение для женщин. Вошла в ад.

Сотни женщин, таких же Заклейменных, как я, обернулись ко мне. Одни издали приветливо окликали меня, другие протискивались ближе пожать руку или похлопать по плечу, одна женщина заплакала, вообразив, будто я смогу ее спасти, другая – потому что, раз я попала в плен, то никакой надежды больше не осталось.

Я оглядела цех, попыталась постичь происходящее. Действительно рыбозавод, то самое место, куда доставляют свежую рыбу, потрошат и отправляют на местный рынок и в магазины. Длинные ряды прямоугольных раковин на высоких подставках, чтобы работникам не приходилось наклоняться. Пол из светлых глиняных плиток, проще мыть, к тому же наклонный, так что кровь легко стекает и уходит в канализационные люки. Зачем нас сюда привели? Воображение у меня чересчур активно, я сама себя запугала.

А вот и знакомое лицо в толпе. Светловолосая девушка. Я видела ее недавно на фотографии, которую мне показывал влюбленный в нее Леонард.

– Лиззи?

Она посмотрела на меня с недоумением:

– Селестина Норт? Ты откуда меня знаешь?

– От твоего друга Леонарда. Он тебя ищет. Он давно знал про твое Клеймо. Он помог мне. Я обещала ему, что постараюсь тебя найти.

Она распрямилась, на лице – недоверие.

– Но Бахи сказал мне, что Леонард узнал о Клейме и не желает иметь со мной дела. Он сказал, я должна уйти. Я всех подвергала опасности. Я не хотела уезжать, но он меня заставил.

Я покачала головой:

– Бахи все время врал, он многих обманул. Леонард любит тебя, он ищет тебя с того самого дня, как ты исчезла.

– О! – Глаза изумленно расширились, первая радостная весть, наверное, с тех пор, как Бахи посадил ее в самой скверной части города. У нее прекрасная улыбка. – Спасибо!

– Он спас меня от стражей, он хороший человек, – продолжала я.

Но тут прозвучал свисток, и все замолчали.

Свет прожектора ударил в стену склада. Явилось телевидение, канал Трибунала. Многие из нас стопами выразили недовольство, протест.

– Судья Креван в прямом эфире на канале Трибунала объяснит нам, что нас сегодня ждет, – заворковала заместительница Пиа Ванг, точно развлекательную программу представляла.

На экране появился Креван, он сидел в коричневом кожаном кресле в кабинете Трибунала, облаченный в красную мантию.

– Сегодня – сорокалетний юбилей Трибунала, основанного моим дедом. Мы прошли большой путь. Если бросить взгляд назад, на тогдашнее состояние страны, политическое и экономическое, хаос, вызванный легкомысленными и беспощадными решениями наших лидеров, и

сравнить, к чему мы теперь пришли ...

Мы уже близки к тому, чтобы полностью очиститься от всех пороков, от иррациональных, аморальных, неэтичных и безответственных решений. Теперь нашими компаниями управляют компетентные люди, в мировой политике нас признают как страну, в высшей степени заслуживающую доверия, с нами хотят иметь дело.

Недавно в столице и в ряде небольших городов произошли волнения. Могло показаться, что мы сбиваемся с пути, упускаем из вида цель. Сегодня настало время перегруппироваться. Сегодня мы выведем напоказ тех, от кого мы защищаем свое общество. Проведем парадом тех немногих, ядовитых для общества членов, которые не способны думать и действовать, как мы. Разумеется, мы любим и этих наших собратьев; ставя на них Клеймо, мы не перестаем их любить, но таким образом мы спасаем себя и подаем всему миру знак, что мы – пристойное, хорошо организованное общество.

Он глядел прямо в камеру, его голубые глаза так и впивались в каждого из нас.

– Сегодня вы увидите и поймете, зачем нужен Трибунал. Вы увидите ту часть населения, в которую сами превратитесь, если не пожелаете жить в пристойном, хорошо организованном обществе. Я прошу всех, я *призываю* выйти на улицу, выстроиться вдоль пути этой процессии, поддержать нас.

Картинка на экране исчезла, и женщины разом заговорили, заспорили, кое-кто еще сохранял спокойствие, но большинство уже одолевала паника.

Опять свисток, четыре раза ему пришлось надрываться, прежде чем все умолкли.

Главная стражница поднялась на возвышение и заорала:

– Заклейменные! Снимайте с себя все и переодевайтесь в одежду, которая сложена в том конце помещения. Не задавайте вопросов и пошевеливайтесь!

Я приподнялась на цыпочки, высматривая, что же там сложено в конце помещения. Ворох красных тряпок, в разводах, как будто их только что окунули в краску, – и тут я поняла, почему у тех женщин, которых я видела снаружи, белые фартуки были в красных пятнах. Они поспешно красили одежду – в красный цвет, цвет Клейма.

Поначалу все двигались медленно. Женщины переговаривались, нехотя продвигаясь по наклонному полу к более высокому краю, где лежали красные груды, но потом сообразили, что выбор ограничен, своего размера может не хватить, и начали торопливо хватать, а кое-кто уже и отпихивал других в борьбе за красные тряпки.

Маленький размер, средний, большой, самый большой. Рядом со мной плачет какая-то рыхлая старуха. Я подошла к столу, поискала себе маленький, ей – самый большой, хорошо бы хватило. Маленькие закончились. Женщина слева от меня протянула мне свою добычу и потянулась к стопке среднего размера.

– Спасибо, – растерянно поблагодарила я.

Никто, как ни странно, не пытался меня опередить. Старуха со слезами на глазах приняла из моих рук то, что я ей принесла.

Когда я развернула выданную одежду – она была вся смята, свернута комом, – то пришла в ужас, как и все остальные, судя по их крикам, воплям, вою. Красная обтягивающая комбинация, оставляющая почти все на виду.

– Я не надену это! – крикнула какая-то женщина. – Я это не надену!

Ее призыв подхватили, и все, кто уверенно, кто робко, согласились: будем держаться заодно. Красные тряпки полетели на пол.

Стражи проложили путь к той женщине, с которой начался протест.

– По приказу Трибунала вы обязаны надеть это.

Все затихли, наблюдая.

Женщина взяла в руки комбинацию и швырнула ее на пол к ногам стража.

Мгновение полной тишины, а потом взметнулась дубинка, ударила женщину сзади под колени. Она рухнула лицом вниз, разбила губу, хлынула кровь, она вскрикнула от боли. И тогда вся толпа разделилась надвое – одни женщины отступили и поспешно принялись переодеваться, другие бросились в атаку. Я оказалась далеко от центра событий, на самом краю толпы, – ошеломленная, напуганная. Нас загнали сюда, в тесноту, обращаются как со скотом.

Вдруг стражи принялись свистеть. Мы переглянулись, недоумевая. Они не требуют тишины, они свистят так, словно кого-то поймали. Но здесь же все и так Заклейменные, вот мы и смотрим с недоумением, разве Заклейменных можно поймать вторично? Неслыханное дело.

Большинство стражей сошли со своего места, словно все это отрепетировали заранее, и, свистя, проложили себе путь через толпу. Они окружили не одну из Заклейменных, а женщину-стража. Та озиралась в ужасе. Коллеги обступили ее со всех сторон. По цеху переливался свист, и эхо разносилось так громко, что мы зажимали уши, и эта стражница тоже. Они сгруппировались вокруг нее, выстроились кольцом и принялись тыкать в свою же коллегу дубинками. Не шутя, какие уж тут шутки.

– Раздевайся, Карен!

– Для нас всех бесчестье, чтобы такая носила наш мундир. Снимай!

– Ты знаешь, что ты сделала, Карен! – орал один.

– Мы слышаны о том, что ты сделала! – чуть ли не пел другой.

Они травили ее, тыкали дубинками, толкали, пока она в голос не закричала, моля их остановиться. Она звала на помощь, но вряд ли могла ожидать ее от нас. Только что она заставляла нас раздеваться, а теперь напарники принялись за нее, решили наказать за проступок, о котором нам ничего не известно. Какой-то профессиональный промах? Что-то узнали о ее личной жизни? Что бы ни было, они узнали, они выследили. Пропала Карен. Они хорошо спланировали это нападение, унизив ее – да еще перед сотнями Заклейменных.

Вот уже Карен швырнули на пол и принялись раздевать, как она ни брыкалась, как ни вопила. Стащили с нее форму и набросили на голову комбинацию. Она попыталась отобрать свою форму, да где там. А из цеха ей не выбраться, ее не выпустят, дверь заперта, Карен зажата в нашей толпе. Совершенно беспомощная, как и все мы. Забилась от нас подальше в угол, заплакала.

На том наша борьба и закончилась. Я прижалась спиной к стене, чтобы никто не подсмотрел шестое Клеймо, и быстро переоделась. Оглядела себя, чувствуя, как слезы щиплют глаза, но тут на другом краю помещения между двумя женщинами вспыхнула свара, и мне стало некогда жалеть себя. Голоса озлобленные, вот-вот полезут в драку.

– Она взяла мое! – кричала одна.

– Не брала! – рычала вторая. – Я первая ее взяла. Положила на минутку, а ты уж и ухватила.

Женщины вокруг неуверенно переминались с ноги на ногу, никто не хотел вмешиваться. Я оглянулась на стражниц – начальница хохотала, на ее лице столь явно выразилось удовольствие, что у меня буквально глаза налились кровью. Я прорвалась сквозь толпу, растолкала тех, кто стоял вокруг спорщиц, и обрушилась на них – растащила, растолкала в стороны. Они были крупнее меня, старше, сильнее и злее. Но я их обеих застала врасплох.

– Они. Смеются. Над. Нами. – Я хотела сказать это шепотом, чтобы не услышали стражи, а вышло злобное шипение.

Одна женщина так и не обратила внимания, продолжала воевать за красную комбинацию, зато вторая меня услышала. Она оглянулась на стражей, увидела, как они смеются над нашими раздорами из-за этих жалких тряпок. Кулаки у нее сжались.

– Вы хотите, чтобы они смеялись над нами?

Она покачала головой.

– Но вы сами даете им повод, – продолжала я, чувствуя, как во мне закипает гнев.

– Ты – Селестина Норт, – сказала эта женщина.

Это заинтересовало даже ту, более толстую, она тоже обернулась ко мне.

– Мне это не годится, – прорычала она, сжимая грубыми пальцами комбинацию. – Это на нее.

– Мне в обтяжку, можно разглядеть, что я ела на завтрак.

– А я и через голову не натяну. А ты схватила на два размера больше, чем тебе нужно. Головой подумай!

– Плевать! Я первая взяла.

Да уж, стражи могли повеселиться: женщины спорят за жалкие обрывки красной материи, только чем стыд прикрыть. Но теперь и ссорящиеся поняли, что над ними смеются, и это положило конец спору. Теперь они на одной стороне.

– Нужно сотрудничать, – тихо подсказала я.

– Не шептаться, Норт! – прокричала начальница, сделав шаг в мою сторону. Я не оборачиваясь продолжала негромко инструктировать спорщиц:

– С той минуты, как нас загнали сюда, мы – подруги. Мы все на одной стороне. Мы против них, а не против друг друга.

Я забрала у толстухи комбинацию.

– Вот, растяните ее. – Засунув руки вовнутрь, я развела их, натягивая тонкий хлопок. Потом еще и коленом нажала, чтобы сильнее растянуть. Растягиваясь, материя из красной становилась розовой. Я протянула эту комбинацию более худой женщине. – А большую отдайте ей.

Она подумала и со вздохом отдала. Обе уставились на комбинации, которые им достались, точно двое обиженных детей.

– Улыбайтесь! – уже веселее сказала я.

– Что? – Обе не поняли.

– Выше нос, давайте пройдем через это и сохраним достоинство.

Они вскинули голову, их примеру тут же последовали соседние ряды, дальние. Такая демонстрация солидарности быстро стерла усмешки с лиц стражниц.

Заверещали свистки, опять нам пришлось прикрывать уши. Нас погнали как скот, несколькими длинными цепочками по одному человеку, один ряд от другого отделялся длинными столами для разделки рыбы. Я оказалась позади Лиззи. И бывшей стражнице Карен тоже пришлось построиться – и в путь, каким бы он ни был, – она-то знает, что нас ждет,

бледна, растеряна, едва не блюет.

Рядом со мной, в соседнем ряду, тихо плакала старуха. Плотная облегающая комбинация лишила ее достоинства, скромности, свисала дряблая плоть, варикозные вены выставлены напоказ. Женские тела распирали комбинации, слишком пухлые груди, попы и бедра по предела натягивали ткань. А миниатюрным женщинам, наоборот, пришлось подвязывать лямки наверху, резинки в нижней части затягивать, чтобы хоть как-то укрыться. Каждая из нас полностью на виду. Вот девочка, на вид ей нет и шестнадцати лет (хотя по паспорту есть, конечно, раньше этого возраста не клеймят), пытается ладонями, скрещенными руками укрыть свое созревающее тело, лицо полыхает стыдом.

Мы, женщины, одеваемся на радость себе, прячем несовершенства, подчеркиваем все лучшее. Одежда – наше продолжение, отражение наших мыслей и чувств. Теперь с нас сорвали одежду, мы практически обнажены, все детали, все, что мы хотели бы скрыть, все, чего стыдимся, те образы самих себя, которые никому не хотим предъявлять, – все напоказ. Даже если кто-то не стыдится своего тела, одинаковая для всех одежда сама по себе унижительна. Нас лишили индивидуальности, уникальности. Показали нам, что между нами не делается различий, мы ничто, не имеем собственного значения. Не имена, а числа, жалкое войско человеческих изъянов.

И все мы хотели бы знать: к чему нас таким способом готовят. Что дальше?

Раздали шлепанцы, подошвы такие тонкие, что сквозь них ощущается холод глиняных плиток. Начальница прошла вдоль ряда, осматривая нас. Остановилась возле меня, оглядела с головы до ног, сморщилась, точно почуяла вонь из канализации.

– Ты Селестина Норт. Любишь из себя жожака разыгрывать?

Я промолчала.

– Твой час славы настал, – злорадно продолжала она. – Выходи вперед. Я двинулась между рядами, все смотрели на меня.

– Вперед, Селестина! – сказала вдруг одна из женщин.

Остальные захлопали, ободряя меня, подначивая, словно мне предстояло выйти на боксерский ринг. Хлопали по плечу, подмигивали ободряюще, улыбались как могли. Все, кто там был, старались выразить мне поддержку, и я почувствовала, как слезы подступают к глазам, слезы благодарности и гордости, – все эти женщины на моей стороне.

Стражницы засвистели, давая этот внезапный всплеск солидарности, на который их начальница никак не рассчитывала. Я заняла место во главе

ряда. Наш ряд погонят первым, а я буду первой в ряду. Вот только я еще не знала, куда мы идем.

Двери цеха распахнулись, внутрь хлынул свет, нам скомандовали: вперед!

В ту же минуту, когда мы вышли, из соседнего цеха выгнали мужчин в красных майках и трусах-боксерах. Судя по синякам и расквашенным носам, они тоже проиграли бой. Некоторые женщины заплакали при виде мужчин, заплакали и некоторые мужчины, другие старались отвернуться, чтобы не смущать нас.

Человек, который шел впереди мужского отряда, глянул на меня и выругался, увидев, как нас нарядили. Страж тут же хватил его дубинкой по голове и заставил молчать. Мы встретились на полпути между цехами, дальше нам велели шагать бок о бок. Я шла впереди женщин, он впереди мужчин. Хотелось бы знать, почему его выделили в этом наказании: уж мужчины-то вряд ли ссорились из-за трусов. Я попыталась прочесать взглядом мужскую компанию, нет ли знакомых лиц, но тут свисток затрубил мне в самое ухо, приказывая смотреть прямо перед собой.

– Ты Селестина Норт? – спросил идущий рядом мужчина, стараясь не разжимать губ.

– Да.

– Что тут творится?

Невольно я оглянулась.

– Не знаю.

– Надеюсь, у тебя есть какой-то план, – продолжал он.

Нас вывели из дока в город. Улицы заполнены людьми, обычными жителями, которые вышли из домов, отлучились с работы, чтобы посмотреть, как Заклейменных проведут мимо них. Позорный парад. Парад отверженных. На тротуарах через небольшие интервалы расставлены стражи в полном боевом снаряжении, со щитами в руках. Готовы подавить мятеж.

Старая часть города. По другую сторону реки современный, деловой, многоэтажный город, выросший на месте заброшенных доков, а на этом берегу сохранились старые мощеные улочки, жилища торговцев, оптовых и розничных, продавцов фруктов и овощей, рыбы и мяса, – деловой, процветающий, пестрый мир, полный людей и жизни. Значит, отсюда нам

предстояло совершить свой путь – мимо складов, мимо рыночных лотков. Да, все правильно. Мы же скот, на который глазают, оценивают, покупают его и продают.

Дальше проход расширился, начались кафе и рестораны, нависавшие над улицами балконы верхних этажей, куда люди выходили с чашечкой кофе поглазеть на нас. В скользких шлепанцах трудно шагать по брусчатке, я уже несколько раз стукнулась большим пальцем об острые края ограненных булыжников, да и не я одна спотыкаюсь. Кое-кто уже падал, раздирая коленки, идущие рядом помогали им подняться.

Сквозь громкоговорители по городу разносится голос Кревана, та же речь, что мы слышали раньше, но теперь в записи. Одни и те же фразы, выхваченные из контекста, отредактированные, повторяются вновь и вновь:

– Сегодня мы поблагодарим Заклейменную часть населения за то, что они помогли нам очиститься от всех пороков и создать пристойное, хорошо организованное общество.

Этот девиз почему-то особенно полюбился, его проигрывают бесконечно, словно пластинку заело.

Высокие и низенькие, жирные и костлявые, черные и белые, старые и молодые, все на виду, мы шагаем по узким мощеным улицам на глазах у зрителей. Свистки и улюлюканье мы слышали – от небольших групп совсем юных мальчишек, – но гораздо чаще мы натывались на взгляды, полные смущения и даже страха. Одно дело, когда в стране есть какие-то Заклейменные, второсортные граждане, и совсем другое – когда они проходят вот так, в позорной процессии, демонстрируя шрамы, оставленные палачом. Так бы оно – с глаз долой, из сердца вон. Люди спокойно живут своей жизнью, пока их не принуждают посмотреть в лицо суровой реальности.

Эта процессия задумывалась как демонстрация безжалостной силы, чтобы запугать людей, да, чтобы пробудить в них ужас. Пусть вся страна услышит весть: попробуйте только усомниться в государственном идеале – и то же самое произойдет с вами. И никто ничего не может поделать, даже одно слово протеста сочтут заступничеством, погонят такого храбреца вместе с нами, а потому все держат рот на замке из страха превратиться в Заклейменных, в таких же, как мы.

И, хотя мое почти обнаженное тело открыто всем взглядам, я словно превратилась в невидимку. Нет, меня, настоящую меня, сейчас никто не видит. Когда людей вот так сгоняют в одну толпу, утрачивается человеческое, исчезает индивидуальность. Я шла и злилась на слезы, которые своевольно катились по щекам. Голову выше, смотреть прямо

перед собой. Слезы бессмысленны и бесполезны, от них никакого толку. И никто не утрет наши слезы, если не мы сами.

Я попыталась поймать взгляды других Заклейменных, мужчин, женщин. Что нам делать? Неужели и мы перестали видеть друг в друге людей? Они все казались такими же беспомощными, как я, сдавшимися, некоторые так низко опустили голову, что не разбирая дороги спотыкались об идущих впереди, другие высоко держали голову, мол, на все наплевать. Многие плакали. Иные лица ничего не выражали, бесстрастны. Лишь бы эту минуту пережить. Смирились.

Я высматривала Кэррика, но он, конечно, не дурак, он здесь не засветится.

Может быть, наблюдает за происходящим по телевизору? При этой мысли я улыбнулась. Вот бы хорошо. Мне представилось, как он валяется на диване, в убежище, на свободе.

– Леонард! – вдруг во весь голос вскрикнула рядом со мной Лиззи.

Леонард на обочине, среди толпы.

Он протянул к ней руки, и они успели обняться, прежде чем настигший Лиззи страж их растащил.

– Дайте же им обняться! – крикнул женский голос, и все, кто стоял в толпе рядом и видел это, стали кричать на стражей.

Но кто-то другой в то же время кричал нам:

– Подонки Заклейменные!

Я шла дальше.

Потом обернулась посмотреть, велика ли наша цепочка, и далеко позади увидела Мону. Господи! А вот и Корделия. Ивлин нигде не видно, хорошо бы хоть она была в безопасности, с Альфой и профессором Ламбертом, а не в интернате для Порочных с рождения, хотя я опасалась худшего. Потом я увидела и Келли, мать Кэррика, а в соседнем ряду профессора Ламберта. Сердце упало: значит, схватили всех. Что с Джунипер, мамой, Кэрриком? Ноги подгибались.

Пройдя по мощеным улицам, мы вышли на старую площадь, окаймленную яркими, богато украшенными зданиями XVIII века. Чего они только не повидали за свою жизнь – эти дома, а теперь стали свидетелями такой жестокости.

– Должно быть, нас ведут в замок, – сказала я тому, кто шел рядом со мной.

Сердце стучало: замок вызывал страшные воспоминания, но ведь там дедушка, и отчасти мне даже хотелось туда попасть, найти его. Потом я подумала: а вдруг дедушка где-то здесь, в мужской цепочке, – я обернулась

и снова попыталась разглядеть, кто идет сзади. И оттого, что смотрела назад, споткнулась, упала, разбила коленку.

Мужчина, который шел рядом, хотел было помочь, но страж засвистел, запрещая останавливаться. Мужчина пробормотал извинения и двинулся дальше. Женщина, стоявшая среди зрителей, охнула и протянула мне руку, но достаточно было взгляда стража, чтобы она попятилась.

– Прости, милая, – сказала она мне, губы ее дрожали. – Мне так жаль...

И все продолжали шагать мимо, а я лежала, из коленки сочилась кровь, и я притворялась, будто не могу встать, – нужно было точно рассчитать время.

– В колонну! – скомандовал страж.

Я еще потянула время, вставая, пока Мона не подошла вплотную, и тут я как раз поднялась и влилась в колонну прямо перед ней. Она радостно улыбнулась при виде меня.

– Привет, подруга! Надо же где встретились! Здорово ты выступила на складе.

Я оглянулась на мужчин, оказавшихся рядом. Леннокс, Фергюс и Лоркан.

– Классно выглядишь, Селестина, – добродушно заметил Леннокс.

Я улыбнулась. Силы вернулись: наше «племя» снова вместе.

– Терпеть не могу, когда на вечеринке все одеты одинаково, – пожаловался Лоркан, и мы вопреки всему рассмеялись.

– Ну что, Селестина, все идет по плану? – подколот Леннокс.

Все засмеялись вдвое громче.

– Молчать! – приказал страж, мимо которого мы как раз проходили.

– Где Кэррик? Мама и Джунипер в безопасности? – торопливо зашептала я. Сначала узнать, что с моими, потом расспрошу, как схватили ребят.

– Джунипер на свободе, в безопасности, с твоей мамой, – ответил Леннокс. – Мамой можешь гордиться, она такой шум подняла на этой базе стражей – явилась с юристом, с полицией, с газетчиком. Они переписали всех, кого там держали: стражей, Пиа Ванг, твоих одноклассников. Полицейский раскипятился, особенно из-за ребят, они уже несколько дней в официальном розыске. Кревану много чего придется объяснять. Думаю, все вот-вот выплывет.

Я улыбнулась: я была счастлива, что мама и Джунипер справились, гордилась ими. Но что ждет нас впереди? Этого никто не знал.

– А Кэррик? Он где?

Лоркан беспомощно оглянулся на Леннокса.

– Говорите! – потребовала я.

– Мы не знаем, – признался он. – Честное слово.

Я сглотнула, постаралась сдержать слезы. Не буду отчаиваться: может быть, Креван и не добрался до него.

– Как вы сюда попали? – спросила я.

– Невезение, – ответил Леннокс.

– Дом профессора Ламберта обыскали, – вмешалась Мона. – И тайный подвал обнаружили.

Боже! Это я во всем виновата. Я отправила их туда – посулила им там безопасность.

– Не твоя вина, – угадав мои мысли, сказал Леннокс. – Стражи давно уже стали присматриваться с подозрением к Маркусу и Кейт, и мы договорились, чтобы Маркус выдал нас – чтобы он оставался на хорошем счету. Без помощников среди стражей нам не обойтись. Так сам Ламберт решил. Ивлин спрятали, за нее не бойся.

Я кивнула – да, помощь Маркуса и Кейт необходима. Но и жертва была велика. Хоть Ивлин удалось укрыть. Я знала, Альфа позаботится о ней.

– Я сбежала со своим учителем английского, – вдруг ни с того ни с сего заявила Мона.

– Что? – Я резко обернулась.

– Прямо смотреть! – скомандовал страж.

– Ты спрашивала, как я заработала Клеймо. Когда мы еще только познакомились. Я тогда тебе не сказала. Мне было пятнадцать, я удрала со своим учителем английского. Ему было двадцать девять. Мы поженились. Я думала, нам это сойдет с рук. Не сошло. Было во всех новостях. Меня объявили в розыск. Нас поймали. Его посадили в тюрьму, а меня, поскольку я была несовершеннолетней, заклеямили.

– Я не сумела бросить курить, когда забеременела. – Корделия заговорила громко, чтобы все наши слышали. – Мамочки в престижном пригороде Мэдисон-Мидоу были возмущены. Они устроили свой частный Трибунальчик и вынесли мне предупреждение. Но я не сумела бросить. Меня поймали на восьмом месяце беременности, я курила в форточку в туалете на благотворительной распродаже выпечки, и они дружно решили заявить на меня. Я умоляла подождать до родов, чтобы девочка не считалась Порочной с рождения, чтобы у меня ее не отняли. Заклейменной матери-одиночке новорожденного ребенка не оставляют на воспитание. Они все согласились подождать – все, кроме одной...

– Мне нравилось одеваться в бабушкино платье, – пресерьезно заявил Леннокс и тут же расхохотался. – Шучу-шучу. Я создал сайт знакомств, чтобы мужчины могли без проблем изменять женам.

Мы все гневно уставились на него.

– Это твой был сайт? – Лицо Моны исказила гримаса. – Ну ты и задница.

– Миллион клиентов. Совершенно легально. У меня и «феррари» появился, и что угодно.

– «Феррари» конфисковал Трибунал? – Фергюса явно больше всего заинтересовала судьба автомобиля.

– Нет. Жена отсудила при разводе.

Мы так и покатались со смеху.

– Что ж, поделом тебя заклеямили, – сказала Мона, однако мы видели, что это она не всерьез.

Заговорил Фергюс, наконец-то забыв про свои шуточки:

– Я служил в полиции. С рабочего телефона переписывался с подружкой, мы посылали друг другу «интимные фотографии». Мне дали испытательный срок на пятнадцать месяцев, с удержанием жалованья. Ничего противозаконного в этом не было, обвинение в непристойном поведении с меня сняли, но доложили в Трибунал, а Трибунал счел меня порочным.

Я глядела на них с изумлением. Каждое признание словно прибавляло сил следующему человеку, и, пока мы шли, их тайны раскрывались передо мной одна за другой.

Вступила мать Кэррика:

– Мне поставили Клеймо на язык за клевету против нашего общества. Мы с Адамом не всегда были пекарями, – с горькой усмешкой добавила она. – Мы врачи. У нас была частная практика. И мы писали статьи о риске поголовных прививок. Наше мнение не устраивало ни медицинское сообщество, ни власти.

– А я ничего не сделал, – сказал пожилой, незнакомый мне человек. – Меня подставили. Но Трибунал заявил, что я лгу, и меня заклеямили.

И мы все умолкли, услышав это.

Когда мы ступили на мост, соединяющий город с замком, я принялась думать о вместимости души, думала и не могла остановиться. У каждого

человека есть в душе место для других людей. У каждого – для каждого, с кем он знаком. У одних душа вместительная, у других обмелела. И вот эти люди на улицах, зрители, и стражи – все собрались из-за нас. У этих людей нашлось много, много места в душе для нас, Заклейменных. Если кого-то любят, его могут потом с равной силой возненавидеть. Как Арт любил меня – и как гнев и ненависть, вызванные моим арестом, привели его на службу Трибуналу. А Джунипер чувствовала себя виноватой, потому что укрывала Арта, а мне не сказала, и в итоге она заняла мое место в больнице, рискнула ради меня собственной свободой. Поменялась со мной.

Если для каждого из нас есть место в душе каждого, кто нас видит, то нужно лишь одно – изменить сами эмоции. Глядя на лица тех, кто провожал взглядами нашу процессию, наши выставленные напоказ Клейма, слабости, несовершенства, я вдруг почувствовала надежду. Я поняла: отлив может смениться приливом. Если нас так сильно ненавидят, то могут столь же сильно полюбить.

Мы свернули за угол и пошли в гору по крутой мощеной дороге к замку Хайленд. Люди, стоявшие цепочкой вдоль нашего пути, вдруг словно прочли мои мысли: я услышала приветственные клики. Громкие, мощные, по-настоящему радостные. Совсем не похожие на те звуки, что сопровождали нас до сих пор. Я глянула направо и чуть впереди, по той стороне, где двигалась моя колонна, увидела маму, Джунипер, Эвана – они подпрыгивали, махали руками, приветствовали и подбадривали каждого, кто проходил мимо.

– Ура! – громче прежнего закричала мама, ликуя, со слезами на глазах. – А вот и моя дочка! Девочка моя!

– Мама! – крикнула я. – Мама!

Поверить своим глазам не могла. Тоже принялась подпрыгивать как можно выше.

– Это моя мама! – сказала я друзьям, и они тоже стали махать ей. Мы подходили все ближе. Уверившись, что все смотрят на них, Джунипер, мама и даже Эван стянули через головы свитера, распахнули рубашки и выставили напоказ футболки с красными печатными надписями: РАСПУСТИТЬ ТРИБУНАЛ.

Те Заклейменные, кто успел это разглядеть, ухмылялись, что-то радостно выкрикивали, радуясь отваге моих родных и такой поддержке. Я ими так гордилась! И все улыбались, все утирали слезы, а мама, брат и сестра и еще какие-то люди, которых они сумели собрать и организовать, аплодировали нам. Я поняла вдруг, что тут, у ворот замка, собрались не только родные и близкие Заклейменных: вон ребята из школы Тобиаса, они

вышли на протест, как и собирались, и Тобиас с ними, бунтует против организации, где работает его мать. Мама протянула мне руку, и я ухватилась за нее на ходу. Страж кинулся нас растаскивать, но мы держались крепко, смотрели друг другу в глаза, едва могли смотреть от слез.

– Я люблю тебя, маленькая. Я так тобой горжусь! – еле выговорила она. И, собравшись с духом, громче: – Выше голову, Селестина! Выше голову – все! Мы пришли поддержать вас.

Я вздернула подбородок. Так и пойду. Мы расцепили руки.

А еще есть у каждого свои главные люди: каковы бы ни были наши изъязны, в их душах мы всегда найдем приют.

Тянувшиеся гуськом колонны мужчин и женщин смешались во дворе замка Хайленд. Знакомое место для каждого из нас – здесь мы перешли из обычной жизни в жизнь Заклейменных. Нас загоняли во двор, тысячи уже стояли вплотную друг к другу, даже дышать тяжело. Под Часовой башней, штаб-квартирой Трибунала, был установлен временный помост.

Красный плащ Кревана слегка развевался на ветру, когда верховный судья шагал из кабинета на помост. Возле помоста стоял Арт, окидывал бдительным взглядом толпу. И на этот раз при виде его в мундире Трибунала не было такого чувства, словно меня лягнули в живот. Я уже свыклась с этим новым образом, не раз мысленно вызывала его, разглядывала и пыталась понять. Теперь я глядела на него не с болью, а с любопытством, желая разобраться, что же творится у него в голове. Проходя мимо, Креван ласково коснулся рукой плеча Арта, широко улыбнулся – довольный, счастливый, что сын на его стороне. Рядом со мной кто-то прищелкнул языком. Арт, смущенный публичным проявлением отцовской любви, опустил голову, щеки у него зарозовели.

Креван поднялся на помост и огляделся по сторонам, словно выискивал кого-то. Сначала я подумала, он оценивает общую картину, однако сообразила, что ему нужен конкретный человек. Ему нужна я. Он знал, что я здесь.

Я стояла слишком далеко от сцены.

– Селестина! – зашептала мне Мона. – Ты куда?

– Нужно подойти ближе.

Я стала проталкиваться вперед, и мне охотно уступали дорогу, никто в

первые ряды не рвался. Мы же здесь не по своей воле собрались. Креван заметил, как я пробираюсь к помосту, а я того и добивалась – я сбила его с мысли.

Он приостановился, растерявшись на миг, потом собрался. Арт тоже увидел меня, осмотрел с ног до головы – в этой красной комбинации, точно такой же, как на тысячах других женщин. Не знаю, что он видел, когда смотрел на меня, – не до него, я должна была полностью сосредоточиться на Креване.

– Дамы и господа, я собрал вас здесь, чтобы поблагодарить за участие в городском параде. Спасибо, что уделили нам время. Сегодня по всей стране в больших и малых городах прошли такие же процессии: Заклейменные на своем примере показывают соседям, как общество очищается от своих пороков. Я собрал вас здесь, чтобы сообщить вам о новой стратегии.

Что-то было в его глазах, в странных движениях губ – я почувствовала, как ужас медленно заползает мне под кожу.

– Вчера мы с премьер-министром Перси обсудили новый план. Мы назвали его Окончательным решением.

Тихий ропот.

– До сих пор Трибунал считал правильным позволять Заклейменным жить в обществе, чтобы граждане видели, что может произойти, если поддаться слабости, поддаться своему несовершенству. Однако в последнее время, в связи с нарастающей угрозой и вспышками насилия, – теперь он глядел на меня в упор, – стало ясно, что совместное существование двух групп населения неблагоприятно. Настала пора в интересах *всех и каждого* внедрить новую систему. Окончательное решение проблемы Заклейменных предполагает устройство Заклейменных в отдельных поселениях, где они смогут свободно существовать *совместно*, среди подобных себе, следуя правилам Трибунала.

Поднялся гул, люди начали возмущенно кричать. Как бы он ни формулировал, как бы ни пытался навести глянец, мол, так будет свободнее самим Заклейменным, – ничего хорошего в этой затее нет. И меня тоже затрясло.

– Хотите загнать нас в резервацию! – крикнул один.

– В гетто!

– В лагерь!

– Это не резервация, не гетто и не лагерь, – преспокойно отвечал Креван. – Однако мы все понимаем, что Заклейменные не могут жить среди нормальных членов общества.

Поверх криков толпы он продолжал, обращаясь главным образом к телекамерам:

– План подготовлен, и новое правительство сразу начнет его осуществлять.

С уверенной, спокойной улыбкой он смотрел в камеру. Мне вспомнилось, как такой же улыбкой он ободрял меня в прошлой жизни. *Все будет хорошо, Селестина*. Когда я впервые встала на водные лыжи. Когда Арт впервые сел за руль. Когда я собиралась с духом, чтобы попробовать устрицы. И когда умерла мама Арта мы вернулись с похорон, Арт рыдал, я обнимала его, а Креван остановился на пороге и вот так же поглядел на нас. Всегда его взгляд ободрял меня: «Все будет хорошо, Селестина».

И сейчас, когда толпа разразилась гневными воплями, когда Креван сошел с помоста и его длинный плащ развевался за его спиной, и Арт в изумлении поплелся следом за отцом, и стражи надвинулись на нас, выставив перед собой щиты, занеся дубинки, ожидая бунта, – и сейчас я чувствовала, как струятся по щекам напрасные слезы.

Нет, ничего не будет хорошо. Не может быть хорошо.

Я увидела ту полную старуху, с которой мы вместе были в доке, – она все так же пыталась руками прикрыть свое тело, униженная, растерянная, она рыдала, совершенно одна, посреди разразившегося безумия. Потом к ней подошла другая женщина, они плакали вместе, держась за руки. Рядом мальчишка, на вид моложе меня, долговязый, кожа да кости, не боец. Женщина взяла его за руку, так они втроем и стояли, словно на общей молитве. Там и сям люди, группы людей, пытались заговаривать со стражами, что-то доказать. И я видела, как нарастает гнев и уже недалеко до столкновения.

Я кинулась к Моне – та уже во весь голос объясняла женщине-стражу, что она о ней думает, а запас слов у Моны изрядный. Я схватила ее за руку, оттащила прочь.

– Мона, перестань!

– Что! Селестина, отпусти меня! – Она рванулась прочь, но я вцепилась ногтями в ее ладонь.

– Ой! Да какого!..

– Прекрати! – сквозь стиснутые зубы потребовала я. – Ты действуешь на руку Кревану. Посмотри!

Она перестала вырываться и огляделась по сторонам.

– Вокруг полно камер, они только и добиваются, чтобы мы повели себя как неразумные животные. Креван провел нас по улицам чуть ли не голышом, потом произнес эту речь об окончательном решении – на камеры.

Нас надо запереть, потому что мы склонны к беспорядкам. Он нас подставил.

Все, кто сидит сейчас дома и смотрит телевизор, – все они поддержат сегрегацию, все будут опасаться нас и примут его план.

Наконец-то Мона поняла меня. Она ткнула Фергюса локтем, а когда он не отреагировал, еще и пнула.

– Что? – сердито обернулся он.

Она передала ему мои слова, а я тем временем перешла к небольшой группе людей, которые стояли и держались за руки посреди бури. Я взяла старуху за свободную руку. Сжала крепче. Женщина дрожала.

– Возьмемся за руки! – сказала я громко, но не срываясь на крик. – Возьмемся за руки, все!

– Что она делает? – услышала я голос Леннокса.

– Кэррик велел бы нам слушаться ее. И Эния тоже.

Они пробрались к нам. Мона взяла меня за руку, по другую сторону от нее встали Леннокс, Фергюс и Лоркан, друзья-побратимы, обхватили друг друга за плечи. Люди стали присоединяться к нам. Всего несколько минут – и мы уже выстроились рядами, плечом к плечу, держась за руки, все вместе.

Мы молчали. И в молчании я чувствовала, как нарастает во мне сила, какой я прежде не знала. Мощное чувство здесь и сейчас. Я крепко держала руку старухи и еще крепче сжимала пальцы Моны. У многих, у всех на глазах блестели слезы. Я видела, как бегают желваки на скулах у Фергюса – он едва справлялся с волнением.

Телекамеры запечатлели все. Стражи в растерянности переглядывались, ждали сами не зная чего. Они готовились подавлять мятеж. Мы не повелись. Я внимательно присматривалась к стражам. Как отобрать у них власть? Я чувствовала себя такой сильной, небывало сильной. И вдруг, я сама не знаю, как мне это пришло в голову – просто само пришло, – я засвистела. Высокий пронзительный свист, я старалась, чтобы это было похоже на их сигнал. Мона тут же подхватила, за ней другие, и вот уже три тысячи человек, три тысячи голосов, все изо всех сил свистят. Стражи растерялись – что делать, как подавлять, это же не бунт? Мы стояли спокойно и мирно, подражали их свисту, отнимали его, присваивали. Один из стражей вдруг уронил щит, снял шлем, бросил его на землю.

– Не могу. – Он пошатнулся, словно теряя сознание.

– Райли! – окликнули его. – Вернись на свое место.

– Нет! Я не могу! Не могу! – твердил он.

– Сработало! – обрадовалась старуха, которую я держала за руку. Я почувствовала, как она распрямляется, становится выше ростом. – Мы в тебе не ошиблись.

Свист становился все громче. Еще один страж вышел из рядов. Женщина. Это Кейт. Она бросила щит, сняла шлем и двинулась прочь от своих напарников – к нам. Встала между мной и старухой, взяла меня за руку. Поднесла к губам свисток и дунула в него – и мы все заплодировали стражу, свистящему на нашей стороне.

Из окна Часовой башни на нас глядел Арт. С тревогой глядел.

Вот хорошо, пусть тревожится.

Это еще только начало.

61

– Скажи что-нибудь! – попросила меня Кейт. Рука у нее влажная, от нее даже пахло потом – нервным потом. Конечно, она совершила отчаянный поступок, и теперь ей было очень страшно, однако она держалась – силой своего убеждения.

– Что?

– Ты должна что-то сказать людям.

– Верно, давай! – Мона отпустила мою руку и легонько подтолкнула меня вперед.

И вот я стою одна, оторвавшееся звено цепочки.

– Нет! – запротестовала я, кишки свело, глотку перехватило при одной мысли выступить с речью. Я попыталась вернуться в строй, но меня опять вытолкнули вперед.

– Я не знаю, что говорить.

Припомнилось, как несколько недель тому назад в доме Ламбертов Альфа вытащила меня на сцену. Множество лиц, обращенных ко мне с ожиданием, с надеждой, что после их неистовых аплодисментов я скажу что-то волшебное. Полное и безраздельное внимание, вся аудитория на моей стороне, а мне в голову не приходило ни единого слова. Как ни смешно, спасли меня в тот день стражи, сорвавшие мероприятие.

– Говори! – Мона еще разок пихнула меня в спину.

Я все-таки попыталась вернуться, втиснуться между Моной и старухой, но они уже сцепили руки. Я понимала, что камеры направлены на нас, нельзя устраивать сцену. Со стороны это выглядело так, словно меня выталкивали из толпы.

Чей-то голос:

– Это Селестина.

Мое имя всегда легко разобрать, даже если кто-то обсуждает меня в сторонке, думая, что я не услышу. Обе «с» свистом пронесли над толпой, свист стихал, превращался в шипение, а потом замер.

Я сделала несколько шагов и встала лицом к толпе.

– Меня зовут Селестина.

Слишком тихо. Леннокс тут же заорал:

– Мы тебя не слышим! Поднимись на сцену!

Я сердито оглянулась на него, но его крик подхватили другие. Я думала, стражи не позволят, но они толком не понимали, что нужно делать, никто не контролировал ситуацию, кто-то из их же людей только что перешел на нашу сторону, а верховный судья удалился в замок. Они молча смотрели, как я лезу на помост. Я откашлялась. Жуть какая, тысячи людей смотрят, а на мне обтягивающая красная комбинация, все мои изъяны, все недостатки напоказ. Это они придумали, чтобы нас унижить, но – не сработало. Помните, как советуют людям, боящимся публичных выступлений? Вообразите, что все стоят перед вами в нижнем белье. А тут и вообразать не надо. У каждого все несовершенства напоказ. Нет передо мной и одного идеального человека. И никто не станет меня судить – наоборот, глядя на этих загнанных людей, я ощутила такой прилив сил, что куда и страх подевался.

– Меня зовут Селестина Норт, – сказала я громко, и мое имя разнеслось над густой толпой.

Мне ответили громким приветственным кличем – этого не ожидала ни я, ни стражи: они напряглись, готовясь подавить бунт.

– Вчера вечером я смотрела интервью судьи Кревана. Мы все слышали, что он говорил, а теперь, надеюсь, он слышит меня. Теперь моя очередь.

Один из стражей двинулся к помосту, чтобы остановить меня.

– Свободы слова нас никто не лишал, – напомнила я ему. Страж оглянулся на своего командира – тот кивнул, и страж остановился.

Я сама не понимала, откуда берутся слова. Все, что я думала и чувствовала накануне, когда смотрела интервью Кревана, само собой выплескивалось теперь из меня.

– Высокомерие, жадность, нетерпение, упрямство, мученичество, самоуничижение, саморазрушение. Эти семь пороков приписывает нам судья Креван. Но, судья, у каждой медали две стороны. То, что вы называете жадностью, я назову жаждой – жаждой равенства и

справедливости в обществе. Назовите меня высокомерной – я скажу, это гордость, я горжусь своими убеждениями и сумею постоять за них.

Я нетерпелива? Да, я ставлю под вопрос ваши приговоры, потому что это не закон, а лишь моральное суждение. Я упряма? Да, я решительна и иду до конца. Вы говорите, я стремлюсь к мученичеству, а я отвечаю – это самоотверженность. Самоуничтожение? Это смирение. Саморазрушение? Когда я пыталась помочь Клейтону Берну в автобусе, я вовсе не хотела тем самым погубить свою жизнь, я хотела исправить то, что видела, – бесчеловечное обращение со стариком. То, что вам кажется изъяснами, я считаю своей силой, судья Креван.

Не надо стыдиться ошибок. На ошибках мы учимся ответственности. Начинаем понимать, что работает, а что нет. Принимаем решение, что мы в следующий раз сделаем по-другому, как нам измениться, стать мудрее и лучше. Мы – не отклонение от идеала, мы – люди.

Голос мой оборвался на высокой ноте, и толпа радостно зааплодировала.

– Человеку свойственно ошибаться. Мы учимся на своих ошибках, – повторила я, когда гул затих. – Нет страны, где бы не знали этих пословиц. И если пословицы верны, а судья Креван и наши нынешние правители *никогда* не допускали ошибок, то им придется учиться у нас. Вот я стою перед вами, самый порочный по их меркам человек на земле, столько Клейм нет ни у кого. Сегодня мы выйдем из тени, куда нас загнал Трибунал, присвоивший право морального суждения. Мы – лидеры будущего.

Мона торжествующе вскинула руки, завопила, и вся толпа вслед за ней. Я видела, как профессор Ламберт радостно хлопает в ладоши, как хлопают друг друга по плечам Лоркан и Фергюс.

Дело того стоило. Правда стоило. Даже несмотря на то, что случилось потом.

Я не чувствовала никакого страха, когда стражи потащили меня прочь. Только что произнесенная речь пьянила, кружила голову. Я не знала, откуда взялись слова, они сами собой вылетели изо рта, когда мне понадобились. Хотелось бы думать, что мои родные все слышали и Кэррик тоже, где бы он ни был.

Стражи со мной не церемонились. Как только мы отошли от камер,

они жестко ухватили меня, ускорили шаги. Это не Тина, и я для них не заблудшая семнадцатилетняя девочка. Вот и хорошо. Я и правда уже не та, которая пять недель тому назад прошла по этим коридорам, испуганная, цепляющаяся за дружбу с Креваном в надежде, что он вытащит ее отсюда. Тогда меня ужасал каждый звук, уж как я боялась стражей – все время озиралась по сторонам, всюду видела угрозу.

Больше я не боюсь. На этот раз я знаю, что я права, а они неправы.

Меня отвели в глубь замка, на лифте мы спустились в подвал. Прошли пропускной пункт, и каждый страж постарался дать мне понять, какое я ничтожество в его глазах. А вот и камеры, и в первой же из них я увидела Рафаэля Ангело. Он сидел на стуле спиной ко мне, задрав ноги и скрестив голени, смотрел канал о Заклейменных.

Я улыбнулась: он держался как ни в чем не бывало. А на экране – заполненный толпой наружный двор. Все Заклейменные уселись на камни и свистят. Сидячая забастовка. У ворот собрались жители города, они тоже свистят, их стало намного больше, чем в тот момент, когда Креван возвестил Окончательное решение.

Рафаэль Ангело обернулся – возможно, увидел наше отражение в стеклянной перегородке. Улыбнулся мне и поднял большой палец. Я хотела ответить тем же, но стражи отреагировали так, словно я гранату бросить собиралась, – схватили меня за руки, завернули руки за спину. Я вскрикнула от боли: они вынудили меня согнуться под неудобным, неестественным углом.

– Дом, милый дом, – пропел один из стражей, останавливаясь перед моей прежней камерой. Тут ничего с прошлого раза не изменилось. За одним исключением: перешагнув порог, я увидела деда.

– Дедушка! – Я бросилась к нему в распростертые объятия. – Как ты тут?

Отодвинувшись, я быстро его оглядела, погладила руками его щеки, даже повернула его лицо чуть-чуть вправо и влево, проверяя, все ли в порядке, не сделали ли с ним что-то плохое.

– Все хорошо, все хорошо, – ответил он, снова притянув меня к себе, и я увидела на его глазах слезы. – Я боялся, что сжег тебя заживо, – пугливым шепотом признался он. – Пока жив, буду никогда себе этого не прощу.

– Но ты же меня не сжег, – напомнила я ему. – Вот она я.

– Но я не знал, целый день не знал. Не был уверен ... Мне все виделось, как я поджигаю костер, а ты там. По ночам мне здесь слышались твои крики. – Он все крепче прижимал меня к себе.

– Дедушка, я здесь. Ты меня не сжег. – Понизив голос, чтобы стражи

не слышали, я добавила: – Ты меня спас. Не забывай. Если бы не ты, мне бы не удалось бежать.

Он поцеловал меня в макушку, и я почувствовала, как он дрожит.

– Расскажи мне, что происходит, – попросила я, пытаюсь вернуть его к реальности. – Почему тебя держат здесь? Они не имеют права просто так держать тебя.

– А! – устало отмахнулся он. – Каждый день у них новое дело, которое нужно изучить.

– Хватит! – прервал нас страж. – Свидание окончено.

Дед повиновался сразу же. Он был здесь уже четвертый день и знал, что сопротивляться бесполезно.

Я все же попыталась спорить:

– Я должна поговорить с дедом! – Но кто меня слушал.

Деда схватили и отвели в другую камеру, рядом с Рафаэлем, от моей – по диагонали. И хотя он, как мне показалось, утратил боевой дух – никогда прежде такого с дедом не было, – выглядел он неплохо. Здоровый, хорошо выбрит. Здесь ведь все налажено. О нем хорошо заботились. Только на волю не выпускали. Он слишком долго оставался наедине со своими мыслями, и дух его был сломлен. Это надрывало мне сердце.

Наконец я заглянула в соседнюю камеру, с внезапным, романтическим и даже идиотским желанием увидеть там любимого человека. Глупо, конечно, желать, чтобы Кэррик оказался рядом со мной – в неволе. Нет, пусть остается там, в реальном мире, на свободе – относительной свободе. Но здесь мы впервые с ним встретились, и, пока я была в этой камере, он был в соседней.

Я заморгала. Глаза конечно же меня обманывают. Показывают вместо реальности мечту. Но нет, видение не исчезло.

Кэррик стоял за стеклянной перегородкой и смотрел на меня.

Под правым глазом синяк. Я замерла, не в силах поверить. Воображение разыгралось или Кэррик действительно здесь?

– Прости, – прочла я движения его губ. Он тоже сдался?

– Твоего парня взяли нынче утром. Все, как встарь, да? – Стражи, смеялись, заперли дверь моей камеры.

Я бросилась к перегородке, распластала по ней ладонь.

Снова там, с чего начинали. Но теперь нам этого мало. Теперь я знаю звук его голоса, помню его прикосновения. В тот раз стеклянная перегородка помогла нам обрести друг друга – теперь она разделяет нас.

Я верила, что он в безопасности. Мой план не сработал.

И что толку лягать ногой стекло и кричать от гнева?

Недолго я оставалась в камере одна. Явились четверо: судья Креван, судья Санчес, судья Джексон и человек в белом мятом костюме из льна с седой козлиной бородкой, здорово обгоревший на солнце. Судьи были в красных плащах, герб Трибунала на груди. «Ревнители идеала» почтили меня своим визитом – в полном составе.

Они шагали ко мне гуськом, маленькая армия, выступившая в поход, у каждого папка под мышкой. Судья Санчес выглядела скверно, в широко распахнутых глазах – тревога.

Похоже, будет весело.

Кэррик, дедушка и Рафаэль тут же поднялись на ноги. Моя защита – пусть они отделены от меня стеклом, но их присутствие придавало мне сил. Страж отпер судьям дверь, они вошли в камеру, страж остался стоять в углу.

– Вы свободны, – сказал Креван стражу. Тот несколько удивился, что его отсылают.

– Сядь, Селестина, – велел Креван. Выглядел он усталым. Старым. Что ж, я рада: мне удалось основательно его потрепать.

– Лучше постою.

– Господи, Селестина! – Он стукнул рукой по столу, и неудачно загоревший тип подпрыгнул от неожиданности.

Я улыбнулась.

– Хотя что-нибудь можешь сделать, как тебе сказано?

– «Упрямство – нежелание принимать перемены», – процитировала я его слова.

Он явно был на грани срыва, и я наслаждалась каждым мгновением. Судья Санчес смотрела на него с тревогой и с такой же тревогой на меня. Донесу я на нее – вот все, что ее интересовало.

– Я знаю, что вы сделали с моей сестрой Джунипер. – Я посмотрела ему прямо в глаза, прекрасно понимая, что он знает: там, на вершине горы, он, конечно, схватил меня, а не ее. – Другим судьям это известно?

Джексону известно: он смотрит на Кревана с неудовольствием.

– Да, случилось прискорбное недоразумение – впрочем, как я слышал, вас с сестрой и раньше путали.

– А с кем вы перепутали Колин, Логана, Гэвина и Наташу?

Джексон не сводил глаз с Кревана. Похоже, он был тоже не прочь услышать ответ.

Креван не терял хладнокровия:

– Они, как и стражи, помогали особой команде, занимавшейся твоими поисками, Селестина. Трибунал серьезно относится к нарушителям, уклоняющимся от наказания.

Это спокойный тон напугал меня. Неужели ему все сойдет с рук? Даже после того как мама ворвалась в больницу с полицейским, адвокатом, газетчиком? Даже после того как в тайной больнице обнаружили мою сестру, пропавших подростков, обколотых до ступора стражей, журналистку и моего адвоката – ему снова все сойдет с рук?

– Я бы хотела поговорить с Селестиной наедине. Одну минуту, – заговорила вдруг Санчес.

– Зачем? – спросил Джексон.

– Как женщина с женщиной. Мне кажется, прежние отношения судьи Кревана и Селестины мешают им теперь понять друг друга.

– Тем не менее я предпочту присутствовать при встрече, – сказал Джексон. – Уверен, судья Креван тоже никуда уходить не собирается. Но вести разговор будем мы – на этот раз вам, судья Креван, не стоит вмешиваться.

Кревана такой поворот явно не устраивал.

Судья Санчес поглядела на меня:

– У меня была возможность обговорить с Селестиной некоторые вещи вскоре после Клеймения. И я надеюсь, что достигнутая договоренность остается в силе.

Наш договор в силе? Она и я против Кревана? Но Санчес уже один раз обманула меня – возможно ли ей довериться и охота ли мне доверяться?

Кэррик, дедушка и Рафаэль прижались к стеклянным перегородкам своих камер, пытаюсь понять, что происходит в моей. Кэррик ближе всех, мне кажется, будто он совсем рядом, и все же он не слышит ни слова из этого разговора. Рафаэль сделал мне знак: пусть его впустят в мою камеру. В висках застучало. За что люблю математику – у каждой задачи есть решение. Следуй за теоремой, и обязательно найдешь ответ. А жизнь в последнее время сбивала меня с толку, никаких теорем, люди играют друг с другом в странные игры, на ходу меняя правила. Но если кто-то меняет правила, из этого не следует, что так же должна поступать и я.

– Кто вы? – спросила я обгоревшего на солнце человека в льняном костюме.

– Это Ричард Уиллингем, – ответил за него Креван. – С ним ты можешь обсудить свое дело. Правила Трибунала предписывают назначать Заклейменному законного представителя.

– У меня уже есть адвокат.

Креван выложил ручку на стол.

– Мистер Уиллингем срочно прилетел сегодня из-за рубежа, чтобы помочь нам.

– Извините, что из-за меня вам пришлось прервать отпуск, – обратилась я к адвокату. – Поскольку мой прежний адвокат, мистер Берри, еще не оправился от наркотиков, которыми его накачали, я намерена воспользоваться услугами моего нового консультанта. И нам не придется доставлять его сюда на частном самолете. Он уже здесь. Больше я ни о чем с вами говорить не стану, пока вы не приведете в камеру моего адвоката.

Все обернулись к Рафаэлю. Он помахал рукой.

– Он? – спросил Уиллингем.

– Я убедилась: когда людям приходится бороться за что-то, что им дорого, они становятся сильнее. За что вам доводилось в жизни бороться, мистер Уиллингем? Вам понадобятся серьезные доводы, чтобы я согласилась нанять вас своим адвокатом.

– Не понадобятся, – спокойно возразил Креван. – Мистер Уиллингем уже назначен твоим представителем.

Санчес и Джексон посмотрели на Кревана с недовольством: он нарушил правила. Я должна была выбирать сама.

– Полагаю, у мисс Норт остается право выбрать себе адвоката, – сказал судья Джексон, отменяя решение Кревана.

Пока Джексон, Креван и обгорелый Уиллингем обсуждали между собой новую ситуацию, Санчес непрерывно переписывалась с кем-то по мобильному. Хотелось бы мне знать, что она затевала.

– Мистер Уиллингем, благодарю вас. Я распоряжусь предоставить в ваше распоряжение самолет Трибунала, – произнес наконец Креван.

Мистер Уиллингем сильно расстроился и дал нам это понять, пыхтя и сопя и бросая на меня суровые взгляды, но ничего поделать он не мог. Руки связаны: начальство высказалось. Проходя мимо камеры Рафаэля, он быстро и брезгливо оглядел его с головы до пят.

Рафаэль вошел в мою камеру, сел нога на ногу.

– Итак, на чем мы остановились? – спросил он.

– Мы собрались, чтобы обсудить, как следует наказать Селестину, – приступил к делу Джексон. – Налицо публичное – весьма публичное – проявление неповиновения и неуважения к Трибуналу, к правилам Трибунала, и за это полагается соответствующее наказание. Хотя попытка уклониться от исполнения правил ничего нового сама по себе не представляет и соответствующие меры прописаны в законе, случай

Селестины не имеет прецедентов. Мы сочли за лучшее собраться и обсудить этот вопрос келейно, без суда.

Креван и Санчес молчали. У них были свои планы.

– Действительно, судья Креван, мы бы предпочли решить вопрос именно таким образом, – вступил в разговор Рафаэль. – Так будет лучше для всех. Начнем с того, что Трибунал судит о вопросах морали. Какие аморальные поступки совершила за последнее время Селестина? Произнесла речь на устроенном вами собрании? Весьма вдохновляющая речь, скажу я тебе, Селестина. Думается, свободу слова Трибунал пока еще не отменил. Все нарушения Селестины сводятся к тому, что она скрылась от надзора своего куратора и не соблюдала комендантский час. Если вы намерены наказать ее за это, можно обратиться к прецедентам. Когда Ангелина Тиндер опоздала к комендантскому часу, вы на неделю забрали у нее детей; Викторию Шеннон на неделю лишили зарплаты. Дэниэл Шмидт оставался без зарплаты месяц, Майкл Оберн – полгода, пока не перестал платить по ипотеке и *чуть было* не лишился дома, но тут вмешался здравый смысл – в лице Верховного суда.

Он с легкостью наизусть перечислял пример за примером.

– Но у Селестины нет работы, нет детей, нет дома. Если вы вздумаете наказать кого-то из ее родных, я подам на вас в суд за нарушение прав человека. Родственники Заклейменных не могут отвечать за их проступки.

И не будем забывать: Трибунал неправомочно задержал ее сестру Джунипер, которая ничего не нарушала, и до сих пор удерживает под арестом ее деда, против которого у вас пока что тоже не нашлось никаких улик.

– Он помогал нарушительнице, – сказал Креван.

– А где доказательства? Если бы вы располагали фактами, вы бы уже предъявили обвинения. Вы схватили сестру Селестины и ее деда лишь затем, чтобы вынудить ее сдаться. До сих пор Трибунал делал все, чтобы озлобить мою клиентку и запугать ее, чтобы помешать ее исправлению. Чем обсуждать наказания, я бы рекомендовал проявить милосердие – Селестина Норт этого заслуживает.

– Мистер Ангело, в задачи Трибунала не входит смягчать приговор, – ответил судья Джексон вежливо, но непреклонно.

– Верно. И в его задачи не входит восстанавливать справедливость, когда приговор вынесен по ошибке. Но это входит в задачи правительства, – напомнил Рафаэль. – Власть без милосердия, власть без человеческого достоинства – тиран. Я намерен апеллировать по этому делу к премьер-министру.

– Ошибочный приговор? – переспросил судья Джексон, нахмурившись. – Мы собрались для того, чтобы обсудить допущенные Селестиной нарушения. И при всем уважении, мистер Ангело, завтра выборы. Вы рискуете – кто знает, каков будет состав правительства?

– В самом деле, премьер-министром может стать Эния Слипвелл, и для нашего дела это конечно же будет более благоприятно.

– Вот уж сомневаюсь! – фыркнул Креван.

Судья Джексон, кажется, не был так уж уверен, к тому же его раздражало, что Креван постоянно вмешивается в разговор, хотя его просили держаться на вторых ролях.

Нашу встречу прервал страж:

– Судья Джексон, вас срочно вызывают к телефону в вашем кабинете.

– Неужели нельзя подождать? – растерялся Джексон. – *Это* важный разговор.

– Сказали, срочно, сэр.

Я глянула на Санчес – та прятала глаза, и я поняла, что она каким-то образом подстроила этот срочный вызов своими эсэмэсками. Обидно – только Рафаэль достучался до судьи Джексона. По крайней мере, из этой троицы он был наиболее честным.

Джексон вышел, а Рафаэль продолжал как ни в чем не бывало:

– И каким же образом вы хотите дополнительно наказать мою клиентку? Вы и так приговорили ее к пяти Клеймам.

– Всегда можно найти новое место для Клейма, – подмигнул мне Креван.

Он и правда думает, будто никто ничего не узнал. Я заметила, как изменился взгляд Санчес. Его наглость напугала ее – и рассердила.

– Например, поясница, – подсказал Рафаэль.

Сердце отчаянно забилося. Дошли до сути. Сейчас Рафаэль выложит карты на стол.

Санчес тоже это почуяла, выпрямилась, напряглась.

Креван уставился на Рафаэля не моргая.

Долгое молчание.

– Будем говорить начистоту, – сказал Рафаэль. – У нас есть видеозапись, на которой вы, судья Креван, собственноручно ставите этой юной леди Клеймо на поясницу – без анестезии.

У Кревана дернулся глаз.

– До меня дошли слухи о подобной видеозаписи, однако ее никто не сумел найти. Лично я считаю это пустой угрозой – не существует никакой записи.

– Есть запись, – сказала я.

– Могу вас заверить, судья Санчес, никакой записи не существует, и даже если нам предъявят какую-то съемку, это дешевая подделка, как все, что нам показывают в интернете, – сказал Креван своей коллеге.

Он пытался привлечь ее на свою сторону. Санчес молчала и пока что прятала свои козыри. Я не знала, чью сторону она выберет в итоге.

– Селестина сегодня утром была у вас дома, – недоверчиво сказал ей Креван.

– Да, и я звонила вам лично, чтобы сообщить об этом, но стражи подросли первыми.

– Это я вызвала стражей. – Мне наскучила их игра в кошки-мышки. Хватит с меня игр. Все в открытую. – Судья Санчес хотела выдать меня вам в руки. Хотела что-то получить в обмен на меня. Заключить сделку.

Она удивленно поглядела на меня, однако ей пришлось продолжить то, к чему я подступилась.

– Вы наделали слишком много ошибок, Боско, – сказала она. – Начато внутреннее расследование. Меня вызывают свидетелем – и мне придется отвечать на все вопросы.

– Чего вы хотите? – спросил Креван. Как будто ни меня, ни Рафаэля тут не было.

– Я хочу, чтобы вы ушли в отставку. Хочу возглавить Трибунал.

Он нервно рассмеялся.

– Чтобы я уступил вам свое место?

– Да, я хочу контролировать Трибунал. Полностью контролировать.

Он поднялся. Стоял словно одеревенев.

– Хотите мою работу в обмен на что? На нее? – ткнул в меня пальцем. – Она уже тут.

Он даже по имени меня не удостоивал назвать. Я заметила, что и Рафаэля это возмутило.

– У меня есть *запись*, – сказала Санчес. Кровь отхлынула от лица Кревана. – Я видела, как вы своими руками поставили Клеймо семнадцатилетней девочке. Это было омерзительно. Бесчеловечно. Не для этого был создан Трибунал.

На миг он опешил. И все же:

– Я вам сказал, запись – подделка.

– Думаю, в это мало кто поверит.

У него заходил кадык.

– Вы опозорили весь Трибунал, Боско, и если придется, я покажу эту запись всей стране, потому что это *ваших* рук дело. Недопустимо, чтобы вы

оставались верховным судьей, это погубит Трибунал. У нас уже полно неприятностей. Я сумею выстроить отношения с новым правительством. С чистого листа. Мы снова будем заниматься тем, к чему мы призваны.

Боско ее предложение вовсе не обрадовало. Трибунал для него – что сын родной. Похоже, Эрика Эдельман права: Креван вообразил себя отцом народа. После смерти жены он сорвался, винил всех в своей утрате, заклеил врача, которая поставила неверный диагноз, упустила рак. Почувствовал вкус личной мести, и тут-то все человеческое в нем затрещало по швам, а изнутри вылезло чудовище.

– Ничего у вас не выйдет. – Креван угрожающе перегнулся к ней через стол. – Трибунал основан моим дедом. Во главе Трибунала всегда стоял один из Креванов.

– Я сумею это сделать – и сделаю. – Санчес тоже поднялась на ноги.

Мы с Рафаэлем переглянулись. Мне этот разговор добра не сулил. Они заключат сделку, а в проигрыше останусь я.

– Самое лучшее и правильное, что мы можем сделать, – сказала она, – это чтобы вы ушли по собственному желанию. С новым правительством начинается новая эпоха, обновленный Трибунал. Уйдете без скандала, никаких вопросов, видеозапись никто не увидит.

– А что будет со мной? – спросила я, прерывая их поединок.

– Я верну тебе свободу, – сказала судья Санчес. – Мистер Ангело прав. Трибунал не должен быть превыше милосердия.

– Отмените мой приговор? – рявкнул Креван.

– Это единственный выход.

– Не единственный! – завопил он во всю глотку.

Кэррик и дед прилипли к стеклянным перегородкам, пытаясь понять, что происходит. Но даже Рафаэль и я не очень-то это понимали, хотя и находились с Креваном в одной камере.

Креван ринулся к двери, попытался открыть.

– Камера заперта, – напомнила я.

– Бога ради, откройте! – заорал он, надрываясь.

– Вас не услышат, – спокойно сказала я. – Камера звуконепроницаема.

Он обернулся к нам, весь красный, лицо дергается, внутри кипит гнев, вот-вот лопнет. Стражница подросла вовремя – отперла дверь, и Креван вылетел из камеры, словно камень из катапульты, чуть стражницу с ног не сбил.

Санчес выдохнула. Длинный дрожащий звук.

– Значит, вы вернете мне свободу. Я не буду больше считаться Заклейменной.

– Да.

– И дедушку отпустите? – продолжала я.

– Да.

– И мистера Ангело?

– Да.

– Моим родителям пришлось оплатить судебные издержки.

– Мы возместим из средств Трибунала.

– Марлена Понта свидетельствовала на суде о моем характере. Вы признаете, что она не солгала Трибуналу. Признаете публично.

– Да.

– Клейма, – вступил в разговор Рафаэль. – Трибунал должен оплатить Селестине пластическую операцию.

Санчес подумала и кивнула:

– Да.

– Об отмене приговора будет объявлено публично? – уточнил Рафаэль.

– Будет.

Сердце оглушительно застучало. Все, как я хотела. Мне нужно было, чтобы все узнали, как поступил Крewan, потому что это вынудило бы пересмотреть дела и других Заклейменных. Если сам Крewan порочен, то и приговоры Трибунала не могут быть безупречны. Пожалуй, постепенно удастся отменить и всю систему. Я поверить не могла – я всего добилась? Почти всего.

Санчес собрала бумаги и, словно читая мои мысли, спросила:

– Это все?

Я оглянулась на Кэррика.

– И еще Кэррик Уэйн. Отмените и его приговор.

Тут она посмотрела мне прямо в глаза, и уголок ее рта дернулся в улыбке.

– Нет, – сказала она.

– Но вы должны освободить и Кэррика тоже! – возмутилась я.

– Кэррик Уэйн не имеет отношения к твоему делу, – сказала Санчес. – Как и к нашему разговору.

– Но его накажут за то, что он помог мне бежать.

– Его накажут за то, что он бежал от своего куратора. За помощь тебе никакого дополнительного наказания не будет, если это тебя беспокоит.

– Но вы должны его освободить! – Голос изменил мне.

– Нет, – твердо повторила она. Обернулась к Рафаэлю: – Мы закончили? Я подготовлю бумаги.

– Мне нужно время, чтобы посоветоваться с адвокатом, – сказала я, застигнув их обоих врасплох. – Мне нужно время подумать.

Рафаэль в ужасе закрыл глаза.

– Сколько времени? – спросила Санчес.

Я посмотрела на часы.

– Не знаю. До завтра.

– Даю тебе время до конца рабочего дня.

– Ты получила все, чего хотела, Селестина! – вмешался Рафаэль. – Свободу, свою жизнь. *Соглашайся.*

– Слушайся своего адвоката, Селестина, – сказала Санчес, забирая со стола последний листок. – Мое предложение действительно до шести часов вечера.

Она подошла к двери, и стражница тут же ей открыла.

– Что ты делаешь? – спросил Рафаэль, как только мы остались одни. – Нужно подписать эту сделку. Ты же этого и хотела. Если твой приговор будет отменен *публично*, вся система Трибунала окажется под сомнением – и это в итоге поможет всем Заклейменным.

– И сколько будет длиться этот процесс? Я хочу, чтобы Кэррика освободили прямо сейчас.

– Когда ты вступила в эту борьбу, ты добивалась, чтобы Криван был признан порочным. Мы сделали первый шаг в нужном направлении. Селестина, нужно придерживаться плана. Не глупи. Ты сможешь гораздо больше сделать для Кэррика и для всех Заклейменных, когда вернешь себе свободу. Не меняй планы ради Кэррика.

Тяжелый выбор. Непосильный выбор.

Я смотрела на часы и видела, как проходит минута за минутой.

– Послушай, я понимаю, ты очень молода, – продолжал Рафаэль. – В восемнадцать лет я был по уши влюблен в девушку, ее звали Мари. Господи, да если бы мне велели прыгнуть ради Мари с утеса, я бы прыгнул с радостью. Селестина, нельзя в восемнадцать лет жертвовать своей свободой ради другого человека. Тебе еще многому предстоит научиться. Прими эту сделку, Селестина.

Я наконец посмотрела на Кэррика: он прижался к стеклу и, кажется,

готов его разбить, прорваться к нам, чтобы узнать наконец, что тут у нас происходит.

Со вздохом я взяла бумагу и ручку, забытые судьей Санчес в камере. Впрочем, едва ли забытые – она не допускает ошибок. Написала одну фразу и показала Кэррику:

Они согласились на все, кроме тебя.

Он прочел, понял и кивнул, как бы говоря: «Ну и пусть». Сложил руки и пристально глядел на меня, прося, приказывая подтвердить, что я приняла сделку. Под его взглядом я заерзала. Покачала головой.

Он раскинул руки в гневном жесте и, не слыша слов, я видела, как он кричит на меня. Он хотел, чтобы я была свободна. Хотел, чтобы я приняла эту сделку.

Я написала еще одну фразу и прижала бумагу к стеклу.

Я не смогу быть свободной без тебя.

Это его доконало. Я видела, что он тронут, и все же он сопротивлялся, он боролся и сломался – я знала, что он выкрикивает мое имя, хотя ни звука не доносилось в мою звуконепроницаемую камеру. Я покачала головой и отвернулась. Не хотела больше видеть, как он бьется. Спорить со мной, когда я повернулась спиной, он и вовсе не мог, и я знала, что это сводит его с ума, но я не могла больше продолжать этот разговор, не здесь, не так. Я приняла решение, хотя меня и смущали слова Рафаэля. Неужели и это решение – ошибка?

– Иногда приходится поступить эгоистично ради большего блага, – сказал, качая головой, Рафаэль.

– Какое бы решение я ни приняла, с вами, Рафаэль, и с дедом все будет в порядке. Вас я не подведу.

– Я ценю это, – сказал он с грустью, жалея меня.

Но он не понимал. На самом деле я поступала вполне эгоистично. Я полюбила свой мир, мир Заклейменных. У меня появились друзья. Я полюбила Кэррика. И если у меня это отнимут, мне придется вновь проходить через весь этот ужас. Меня уже один раз оторвали от знакомого мне мира и близких людей. Я примирилась с тем, что стала Заклейменной, мне, пожалуй, так даже лучше. Покрытая шрамами кожа – это моя кожа, и едва ли я соглашусь на пластическую операцию. Я не хочу снова стать той, какой была, вернуться к прежней жизни. Я никогда уже не смогу снова стать идеальной. Идеала не существует, любой идеал – подделка.

Но ничего этого я не сказала Рафаэлю.

Я снова поглядела на часы.

Нужно следить за временем.

Ждать.

– Почему ты все время смотришь на часы? – насторожился вдруг Рафаэль.

– Просто так, – сказала я.

Он прищурился.

– Ты что-то задумываешь, Селестина? – Теперь он не сводил с меня глаз. – Поэтому ты отказалась от сделки?

– Ничего не задумываю.

Это не было враньем. Я ничего не задумывала. Я уже все сделала.

Вот-вот что-то произойдет. То, что я привела в движение еще прежде, чем меня схватили.

Я оглянулась на стражницу, которая так и не вышла из камеры.

– Я ничего не задумываю, – повторила я.

Из-за стекла за мной следил дедушка, тоже прищурился, словно пытаюсь разгадать, что у меня на уме. Он меня хорошо изучил – и он что-то заподозрил. А может быть, даже знал. Кэррик все бушевал. Схватил стул и запустил им в дальнюю перегородку. Стул отлетел рикошетом. Лицо Кэррика покраснелось, на шее пульсировали вены, гнев опьянял.

– О-хо-хо, – пробормотал Рафаэль.

Стражница забеспокоилась.

– Не трогайте его, он сам успокоится, – сказал Рафаэль.

– В камеру! – распорядилась она, открывая перед Рафаэлем дверь.

– Я не закончил работу с клиенткой, – протестовал он.

Но недолго ему удалось протестовать – два стража, вызванные на подмогу, чтобы уговорить Кэррика, первым делом увели из моей камеры Рафаэля.

Как сделать, чтобы Кэррик прекратил бушевать? Он все испортит. Он не поворачивался ко мне лицом – нарочно. Так он выражал мне свое негодование. Плечи его вздымались от бурного дыхания, он пытался овладеть собой. Я поспешно написала еще несколько слов и прижала лист к стеклянной перегородке, разделявшей наши камеры.

Он все испортит, если не сообщит, в чем дело.

Я застучала кулаками по стеклу, но этого он услышать не мог.

Стражи вошли в его камеру. Только бы он не полез в драку. Наконец Кэррик оглянулся – но я уже убрала свой листок. Нельзя, чтобы это прочли стражи. Разорвав листок на миллион клочков, я выбросила их в корзину. Стражи с двух сторон приближались к опасному заключенному, выставив вперед руки, словно бешеного жеребца пытались укротить. Кэррик не удостоил их даже взглядом, он обернулся ко мне, глаза красные, словно от слез. Он думал, что испортил мне жизнь, он понятия не имел, что он-то меня и спас.

Если бы он успел прочесть мою записку, он бы все понял.

Стражи загородили его от меня. Потом они вышли, а Кэррик остался стоять на том же месте. Я снова прижалась к стеклу, надеясь, что теперь он поглядит в мою сторону. Но он не обернулся.

Я покачала головой и улыбнулась. Ничего у него не выйдет. Что бы он ни делал, я не перестану его любить.

И что бы он ни делал, то, что вот-вот должно произойти, произойдет.

Стражи вернулись, принесли нам еду, в каждую камеру по подносу.

И забрали у меня ручку и бумагу.

Рафаэль взял вилку, ткнул в еду, на лице – отвращение.

Дед принялся за еду, проворно подносил ко рту кусок за куском. Кэррик так и стоял ко мне спиной, не обращая внимания на еду, на стражей, на все и на всех. Хотел, чтобы я его возненавидела, но фокус ему не удался.

В животе заурчало. Суп – бежевый, это могло быть что угодно, овощи или бульон. На второе – мясо и овощной гарнир. Я сначала понюхала, как учил меня Кэррик, чтобы лучше распознать еду. Отчетливый запах мяты.

Мяты или антисептика. Возможно, пахло мясо: это, наверное, был барашек, но пересушенный до вида старой говядины. Поднеся тарелку с супом к носу, я закрыла глаза и втянула в себя воздух. Снова слабый запах мяты. Что же это такое?

Я не понимала, отчего еда пахнет мятой, и решила ее не пробовать. Пусть не думают, будто приручили меня. Прав Креван: упрямство сильно во мне.

Мне бы вернуться в ту кухню на заводе, сидеть рядом с Кэрриком перед открытым холодильником, с завязанными глазами пробовать драже и чувствовать прикосновение его пальцев к моим губам, когда он подносит

на пробу очередной образец.

Может быть, это гороховый суп с мятой? Но почему не зеленый, а бежевый?

И подумать, такая вот пересушенная, переваренная еда из никудышного местного буфета – последняя, чей вкус удалось распробовать, прежде чем мне поставили Клеймо на язык. Наверное, мне же лучше, если я не почувствую теперь ее вкус. Хотя смотри-ка, дедушка все умял с аппетитом и даже прилег вздремнуть после обеда. И Рафаэль довольно бойко работал вилок.

Даже Кэррик направился к столу. Голод не тетка. Он присел на стул и сунул ложку в суп, затем сразу в рот, ему нет нужды принохиваться, как мне, чтобы распознать вкус.

Снова заурчал желудок. Я вздохнула, сдаваясь. Ладно, съем побыстрому.

Но в тот самый момент, когда я поднесла суп ко рту, уже коснулась ложкой нижней губы, я замерла – в памяти всплыла та встреча с Креваном на горе и тот мятный запах, который я приняла за запах жевательной резинки. А потом я очнулась в больнице – после того как судья вонзил иглу мне в ногу. И еще я вспомнила, как ползла по полу, влача парализованные ноги.

Они подсыпали наркотик нам в еду!

Дед уже лежал на койке, глаза плотно закрыты.

Рафаэль обмяк на стуле, уронил голову на грудь.

Кэррик спиной ко мне крошил в тарелку с супом хлебную корку.

Я подскочила к перегородке, забарабанила в нее, закричала.

Он, конечно, не мог меня слышать, но больше я ничего сделать не могла и потому продолжала кричать – а он ел ложку за ложкой, – и у меня уже голос сел, горло саднило, я отбила себе и ладони, и костяшки, бессмысленно стуча ему в стекло.

Оглянулась в поисках ручки и бумаги – их уже не было, стражи забрали, когда принесли обед.

Я схватила стул и швырнула в перегородку. Сбросила на пол с кровати одеяло. Перевернула стол с едой. Швыряла все, что под руку попадало. Разнесла камеру вдребезги. Кэррик, видимо, ощутил вибрацию или тень движения в стекле – он вдруг повернулся и вытаращил глаза, увидев, что я натворила. Стражи распахнули дверь в наш отсек и уже нащупывали ключ от камеры.

Подбежав к перегородке, я стала повторять, надеясь, что он прочтет по губам:

– Еда! Еда! – замотала головой. – Не ешь! – обхватила себя руками за горло, изобразила, будто давлюсь, задыхаюсь.

У Кэррика расширились зрачки, он глянул на стол со своей едой, потом на меня: понял. Поднялся и хотел подойти к перегородке, но его повело вбок. Ноги у него подгибались. Он посмотрел на деда, на Рафаэля, сделал еще одно усилие. Я видела, как пленка затягивает его глаза, но он все еще неотрывно смотрел на меня, потом он заметил что-то за моей спиной – и я увидела его горестный и беспомощный взгляд: в мою камеру ворвались стражи. Последнее, что он увидел, прежде чем попытался ухватиться за стул, чтобы устоять, промахнулся и рухнул.

– Кэррик! – завопила я.

Стражи уже в камере.

Я принялась швырять в них всем, что валялось вокруг меня на полу.

– Хватай ее! – приказал старший из них второму, и оба двинулись ко мне с дубинками наперевес.

– Стойте! – закричал кто-то.

Арт.

Арт в униформе стража.

– Не трогайте ее! – приказал он.

– Ты мне противен! – Я швырнула в него стул.

– Да успокойся же, Селестина! – Смотри-ка, он умеет командовать.

– Их отравили! – крикнула я.

Он оглядел камеры и увидел, что там творится.

Я швырнула к его ногам миску с супом.

– Я не ела!

Все разом бросились ко мне, но Арт поспел первым. Он обхватил меня обеими руками, и, хотя ему далеко до Кэррика, все же и он крупнее и сильнее меня. Он сдавил меня изо всех сил, не позволяя размахивать руками, но удержали меня не столько его руки, сколько его запах, знакомое ощущение прижавшегося ко мне тела. Казалось неправильным вырываться из его объятий. Противоестественным. Это же Арт. Мой Арт.

И все же я рванулась прочь.

– Селестина, – шепнул он мне в ухо. – Прекрати, и они уйдут.

Я замерла. «Они». То есть мы с ним – против них. Или он старается мне это внушить, хочет, чтобы я доверилась ему? А может быть, я сама

этого хочу?

– Все в порядке, – уверенно произнес Арт. – Спасибо, дальше я сам.

Они закрыли за собой дверь – нехотя.

– Господи! Они мне не верят, ты не веришь – куда мне податься? – Он все еще крепко прижимал меня к себе.

Они ему не верят? Неудивительно.

– Все, я больше вещами бросаться не собираюсь! – фыркнула я. – Отпусти.

Он посмотрел мне прямо в глаза. Мне пришлось отвести взгляд – слишком уж все это меня сбивало с толку. Арт разжал руки, и я отодвинулась от него. Забилась в угол, как можно дальше.

– Что вы с ними сделали? – Я указала рукой на Кэррика, Рафаэля, дедушку.

– Я ни при чем, – ответил он, заглядывая в соседние камеры. Кэррик лежал на полу, без сознания.

– Скажи мне правду.

– Я правду и говорю. Он швырялся мебелью. Наверное, его надо было остановить.

– Он уже не швырял мебель, когда принесли еду, – возразила я. – А дедушка и Рафаэль и вовсе не шумели. И я тоже. Но только я не стала есть.

Арт снова поглядел на Кэррика – с ненавистью, – но, когда перевел взгляд на дедушку, явно смутился. Ему нравилось, что дед не стеснялся в его присутствии, наоборот, захлеб излагал свои теории заговора. Арту было легко с моим дедом, он тянулся к нему. Дед называл его «отродьем сатаны», и Арт хохотал: дедушка был единственный, кто не заискивал перед ним, опасаясь его отца.

– Откуда ты знаешь, что Кэррик бросил стул? Подглядывал за нами?

– Селестина, здесь все на шпиговано камерами слежения.

А видел ли он мой разговор с судьями? Сомневаюсь.

– Шпионишь на службе у папочки, Арт?

– Заткнись! – Он встал передо мной. – Я пытаюсь разобраться, что тут у вас.

– Ты прекрасно знаешь, что у нас.

– С ним, – крикнул он, указывая на Кэррика. – Ты с ним тут? Пока я с ума сходил из-за тебя, вы тут с ним мило устроились?

– Мило? – переспросила я и расхохоталась. – Ну да, мило, интимно, сам видишь, как тут можно устроиться без помех, – саркастически продолжала я. – И что, по-твоему, должно было произойти между мной и соседом по камере, после того как твой отец запер меня тут, запугав до

полусмерти?

Он принялся расхаживать по камере.

Я сделала глубокий вдох. Нужно успокоиться.

– Все произошло потом, – сказала я мягко. – Когда меня выпустили. Тебя не было рядом. Мне пришлось прятаться, бежать. Он – единственный, кто пришел на помощь, единственный, кто понимал.

– Я бы тоже понял! Мы же любили друг друга ...

– Ты прятался неизвестно где, Арт. Рядом со мной не было никого.

– Мне нужно было разобраться.

– И как, разобрался? Теперь на тебе эта форма. Теперь ты знаешь, где хорошие, где плохие.

– Когда я вернулся, ты исчезла. – Он хотел, чтобы я посмотрела на все его глазами.

– Мне пришлось бежать.

– К нему?

– Прекрати, Арт. Дело ведь не в Кэррике. Я бежала от твоего отца. Он преследовал меня.

– Никто бы тебя не преследовал, если бы ты не бежала. Ты все время делаешь только хуже. А эта речь сегодня! Почему ты не можешь наконец остановиться? Просто вести себя так, как велят. Всякий раз ты делаешь так, что становится еще сложнее ...

– Что сложнее?

– Ничего.

– Договаривай.

– Все сложнее нам снова быть вместе.

Я была поражена. Не сразу нашла, что ответить. Я видела, в каком он смущении, того гляди, заплачет.

– Ты все еще хочешь, чтобы мы были вместе?

Он не ответил.

– Ты страж. Я Заклейменная. И ты хочешь?

Он молчал.

– Арт, а ты понимаешь, что и Заклейменная – я все тот же человек? Что бы я ни делала, что бы ни говорила – это я.

– Нет, это не ты, – покачал он головой.

– То есть, надев эту форму, ты полностью изменился?

Он резко вскинул голову:

– Я не изменился!

Я выдержала паузу. *Я тоже.*

– Мне бы на воздух, – сказала я, уронив голову на руку. Слабость

одолела меня, не совладать со всем этим безумием. *Арт все еще хочет, чтобы мы были вместе?*

– Правильно, – подхватил он. – Нам удобнее будет поговорить где-нибудь во дворе.

Он открыл камеру своей карточкой стража и вывел меня в коридор. Тот самый коридор, по которому в прошлый раз один из стражей, Фунар, повел Кэррика и меня якобы на прогулку, а на самом деле привел к камере Клеймения и вынудил слушать крики человека, над которым совершался приговор.

Потом уже меня вели по этому коридору в камеру Клеймения. А Кэррик присутствовал при этом, чтобы меня поддержать. «Я тебя отыщу». Его слова стали для меня единственной поддержкой, когда меня отпустили и я вернулась домой.

А сейчас на этой скамье, где он тогда сидел, никого нет. Голова идет кругом от всего, что случилось с нами, и от тех слов, которые я только что услышала от Арта.

И вдруг я рванула прочь – Арт не успел меня остановить. Я вбежала в камеру Клеймения и заперлась. Он остановился на пороге того помещения, что отводилось присутствующим при Клеймении. Злой как черт. Там, в помещении для зрителей, слышен каждый звук из камеры Клеймения, а в камеру оттуда не доносится ни звука. Теперь ему придется выслушать меня, никуда не денется.

– Ты знаешь, что твой отец сделал со мной в этой камере?

Он закрыл лицо руками.

– Меня усадили на этот стул. Привязали. Пять Клейм, Арт. Меня прижгли пять раз за то, что я попыталась помочь старику. А в конечном счете и не за это – за то, что попыталась солгать суду, за то, что не смогла, подвела твоего отца, выставила его дураком. Хотя ты и надел эту форму, Арт, вряд ли ты сам считаешь, что это справедливо.

Я выдвинула ящики, наполненные инструментами для Клеймения. Множество «П» разного размера, для разных частей тела, еще и с учетом роста и веса приговоренного. Надо же, а я думала, один размер на всех.

– И все это время у меня на щиколотке был твой браслет. Ты только что его мне подарил, и я хотела верить, что ты со мной, что я для тебя по-прежнему идеал. Барк разрешил мне оставить браслет. Ведь он и сделал этот браслет по твоему заказу.

Арт говорил, что заказал браслет в замке, и я заметила в глазах Барка узнавание и растерянность, когда он обнаружил этот символ идеала на ноге у приговоренной, которую ему предстояло заклеить. Когда он постиг

горькую иронию – ложь – хрупкость человеческой жизни.

– Тогда я была рада, что тебя не было среди зрителей. Но теперь думаю – лучше бы ты был.

Я провела пальцем по ряду металлических форм. Раскалив докрасна, ими клеймили приговоренных.

Оглянулась на Арта.

– Стражи волновались за меня. Пять Клейм – слишком много за один раз. Они хотели остановиться на четвертом, но для этого требовалось разрешение. Вызвали твоего отца. Он пришел сюда. И не остановил расправу, а схватил прут и поставил мне шестое Клеймо. На спине. Без обезболивающего.

Арт замотал головой. *Нет, нет, нет.* Не хотел поверить.

– Он скажет тебе, что я все выдумала. Что я клевету на него. Но это не клевета, Арт. Он пришел сюда и требовал от меня покаяния – я отказалась – и вот.

Я повернулась спиной и задрала футболку, выставляя напоказ поясницу.

– Врачу он сказал, что я сделала это сама. Как бы я ухитрилась?

Голос доктора Грин: «Как девочка могла сделать это сама?»

Арт все еще мотал головой, по щекам его бежали слезы.

Я снова провела рукой по ряду прутьев в поисках того самого. Смогу ли я дотянуться им до поясницы? Возможно ли нанести себе такую рану? Неужели они попытаются доказать эту версию? Заставят меня встать в суде и продемонстрировать, как бы я это сделала?

И тут моя рука замерла. Я наткнулась на Клеймо, которое отличалось от прочих, с тремя пересекающимися кругами, как тот символ идеала, который сделал для меня Барк. Почему-то и оно оказалось в ряду с «П», предназначенными для Клеймения пороков. Я достала эту металлическую пластинку и закрепила на пруте.

– Кто же способен сам причинить себе такую боль? – повторила я вопрос доктора.

Включила горелку.

Арт заколотил кулаками в дверь.

Положила Клеймо на огонь.

– Если все считают тебя кем-то, почему бы и в самом деле им не стать? Не так ли и ты поступил, Арт? Надел форму стража, потому что все считали тебя похожим на твоего отца. Ты перестал сопротивляться, решил посмотреть, как это будет. Терять-то уже было нечего.

Рыдая, он бился о перегородку, пытаясь меня остановить.

– Судья Санчес предложила мне сделку – ты знаешь об этом?

Он озадаченно потряс головой.

– Твой отец уйдет, Санчес займет его место. Трибунал присмотрелся и обнаружил, что допустил ошибку. Пообещали освободить меня – и даже Клейма убрать.

Очевидно, Арт ничего об этом не знал.

– Но я не хочу, чтобы мне делали пластическую операцию. Эти Клейма придают мне такую силу, какой у меня никогда не было. Да и невозможно сделать вид, будто ничего не произошло. Однако Клейма нужно уравновесить. Я все еще ношу твой браслет для равновесия, – сказала я, и сама только в этот момент до конца поняла. – Это был лучший твой подарок, Арт. Ты сказал мне, что я идеальна, и я носила браслет с того дня, словно талисман, способный перевесить все Клейма. Но не в браслете было дело, а в твоих словах – в твоей вере в меня.

Арт грустно улыбнулся мне.

– Твой подарок никто никогда у меня не отнимет – ты понимаешь?

Он кивнул.

Я закатала спереди футболку, обнажив живот.

– Transversus abdominis^[4], – сказала я. – Помнишь, мы учили в школе?

Он прижался руками и лбом к перегородке, сдаваясь: меня не остановить.

– Расположена под косыми мышцами, самая глубокая из мышц живота, охватывает позвоночник для защиты и равновесия. Здесь у нас центр тяжести.

Я вынула кочергу из огня. Сердце стучало. Я больше не ищу идеала – не ищу справедливости – мне нужно равновесие.

Воткнула раскаленное железо себе в живот. Заклеймена Идеалом – навеки.

В одном теле заклеены Пороки и Идеал.

Равновесие достигнуто.

Боль невыносимая. Я уронила прут, схватилась за спинку стула, голова кружилась, перед глазами поплыли черные пятна. Постаралась дышать глубже, побороть тошноту. В дверь снова застучали, и я ее открыла. Арт – я упала ему на руки, и мы оба, не устояв на ногах, оказались на полу.

– Что ты наделала? – в ужасе всхлипывал он. – Что за ужас ты с собой

сделала? Надо скорее в больницу.

– Не надо, – запротестовала я, цепляясь за него.

– Селестина! – крикнул он, но уже не гневно, со слезами и зарылся лицом в мои волосы, я чувствовала его теплое дыхание.

– Теперь со мной всегда будет частица тебя, что бы ты обо мне ни думал.

Он приподнял пальцем мой подбородок, и мы поглядели друг другу в глаза, очень близко, в упор.

– Я думаю, ты самая сильная, храбрая, отважная, глупая, кого я только знаю.

Я улыбнулась:

– Ты так думаешь?

– Я ревновал, – признался он, и его объятия ослабли, словно он вспомнил, что мы уже больше не вместе. – Ревновал тебя к нему. Конечно, это я должен был поступить, как он. Не бежать в одиночку – забрать тебя, бежать с тобой.

Он смотрел на меня. Такой знакомый взгляд, раньше у меня от него подгибались колени. А теперь – ничего не шевельнулось в душе. Осталась, пожалуй, дружба, привязанность, но больше – ничего. Я думала только о Кэррике. О том, как он обнимал меня, как смотрел на меня. О его запахе и вкусе его губ. О том, что он остался лежать на полу камеры.

– Так что, хотя я с ума сходил оттого, что вы сбежали вместе, – тебе не понять, как я вас за это ненавижу, – все же я рад, что он был с тобой. Раз этого не сделал я.

– Спасибо, – шепнула я. – И я понимаю. Я то же самое почувствовала, когда увидела тебя с Джунипер.

– Мы хотели защитить тебя.

– Теперь я это знаю.

Арт отвел глаза. Он знал, что потерял меня.

– Я думал, это поможет мне сблизиться с отцом. – Взглядом он указал на свою форму. – Не сработало. Раньше я не видел в нем того, кого видят все остальные, – судью. Мы с тобой смеялись над этим, нам казалось, это маска, можно отделить ее от человека. Но теперь... он изменился.

Я закусила губу.

– Он правда сделал с тобой то, что ты говорила? – прошептал он.

Я кивнула.

Арт снова прижал меня к себе.

– Кто же такой этот человек? Мой отец!

– Тебя он любит. – Другого утешения мне не удалось подыскать.

Арт осторожно подвинул меня, чтобы встать. Я поморщилась от боли. Пошарив в одном из стенных шкафов, Арт нашел бинт.

Он приподнял мою футболку – такое знакомое движение – и вздрогнул при виде свежего ожога. Все линии четкие, не то что месиво у меня на спине. Этот шрам будет символом не кары, а несломленной гордости. Но мне пришлось крепче сжать зубы, чтобы сдержать стон, когда Арт принялся промывать рану, а затем прижал к ней прокладку и замотал бинт.

– Что ж, если он меня любит, значит, простит, – сказал он. – Я выведу тебя отсюда.

– Нет. Ты не должен.

– Должен.

– И потом... – Невольно я глянула в ту сторону, где находились камеры с задержанными. – Дедушка. Рафаэль. – Сглотнула и закончила: – Кэррик.

Арт оправил на мне футболку.

– Я вас всех выведу отсюда, – тихо пообещал он. – Дай только сообразить как.

– Спасибо.

Я схватилась за его руку, и он помог мне встать.

– Самое малое, что я могу сделать, – продолжал он. – Я не хочу, чтобы люди думали, будто я такой же, как он. Самый ужасный для меня страх, вообразить только ... стать похожим на моего отца.

– Никто не подумает, что ты такой же, когда узнают, что ты хотел нам помочь.

– Я боюсь не того, что подумают. Я боюсь на самом деле *стать* таким, как он.

– Ты совсем другой, – сказала я. И я действительно в это верила. – Арт, я хотела тебе сказать... – Я собиралась предупредить его о том, что вот-вот должно было произойти, но в этот миг, подняв глаза, я увидела Кревана.

Он сидел в соседнем помещении. Я не знала, давно ли он пришел и много ли слышал. Хорошо бы он слышал, что сказал о нем Арт.

Мы встретились взглядами сквозь стекло, и по его отчаявшемуся лицу я поняла – он слышал каждое слово. Красный плащ казался ему велик, обвис на поникших плечах. Судья встал и вышел.

Арт двинулся было за ним, но я его удержала.

Вбежали стражи – увидели нас – подскочили.

Мы не сопротивлялись.

– Полегче! – сказал Арт.

Меня схватили так резко, что я дернулась от боли.

– Что происходит? – спросил страж.

– Потом поговорим. В другом месте, – напустил на себя важность Арт.

– Бери девчонку, я возьму его, – сориентировался второй страж.

– Я выполнял указания моего отца, – сказал Арт, и страж, бросив на него презрительный взгляд, пробормотал: «Папенькин сыночек» – и поволок меня прочь.

Не в камеру – меня повели по винтовой лестнице прочь от камер первого этажа, наверх, в помещения, занимаемые членами Трибунала.

В этой части замка я не бывала никогда, туда так просто не попадешь – закрытая территория, только для служащих.

Каждый шаг причинял боль, но выбора не было, пришлось подчиниться. Мы добрались до самого верха, меня завели в комнату в башне. Посреди стоял круглый стол, вдоль стен книжные стеллажи, прерываемые лишь окнами – по одну сторону с видом на внутренний двор замка, а по другим сторонам – на разные городские районы. Санчес, как я поняла, любила созерцать мир с высоты. В этой комнате принимались решения. Сейчас тут сидели бок о бок Санчес и Джексон, вид у обоих довольно мрачный. Позиции Кревана пошатнулись, Санчес изобличила его, но теперь судьям придется иметь дело с последствиями объявленной Креваном программы Окончательного решения. Ситуация критическая, и, казалось бы, меньше всего им следовало бы волноваться из-за меня, но я стала для них последней каплей.

– Ты не проголодалась? – раздосадованно спросила меня Санчес.

Я уставилась на нее в ужасе. Так это она подсыпала нам снотворного в еду? Зачем? Постепенно до меня дошло. Она вовсе не хотела, чтобы я согласилась на ее предложение. Она меня снова обманула. Устроила так, чтобы я проспала назначенный ею крайний срок. Разумеется, она бы не допустила публичного пересмотра приговора по той же самой причине, по которой не желала обнародовать запись: это означало конец Трибунала, а она только-только стала верховным судьей. Заполучила то, к чему рвалась, – с какой же стати помогать мне?

Чувствуя себя уже не так уверенно, ведь все мои – и дед, и Кэррик, и мой адвокат – остались внизу, в ступоре, – я осторожно села за стол, стараясь не задеть ожог. Я одна – против Трибунала в слегка сокращенном составе. Они держат в руках мою судьбу.

Санчес выложила на стол передо мной какую-то бумагу и ручку. Сувенирную ручку, такие покупают туристы на память о замке Хайленд.

– Как я и сказала, согласиться на наше предложение ты должна сегодня до конца рабочего дня.

– Мне же нужен адвокат.

– Мне сообщили, что его не могут добудиться, – сказал Джексон. – А мистера Уиллингема ты сама отослала.

Как видно, и у судьи Джексона иссякло терпение.

– Все условия мы уже обсудили с твоим адвокатом. И потом у тебя еще было время, чтобы с ним посоветоваться. Ничего не изменилось. Либо ты подписываешь, либо отказываешься, – зашепила Санчес, торопясь покончить со всем этим.

Я молчала. Я поняла наконец, как омерзительна мне эта женщина.

– Итак, основные условия, – продолжала Санчес. – Мы считаем, что тебя следовало не заклеить, а приговорить к шести месяцам тюремного заключения за помощь Заклейменному. Мы отменяем приговор Трибунала, твой дед и мистер Ангело не понесут никакой ответственности за помощь тебе, поскольку ты не Заклейменная. С понедельника ты начнешь отбывать срок в исправительном заведении для женщин. Всего три месяца – мы сократили срок, учитывая то время, которое ты провела как Заклейменная. Скорее всего, ты пробудешь в тюрьме не больше месяца.

Все-таки даже от нее я подобного не ожидала.

– И это ваше милосердие? – Я повернулась к судье Джексону: – Вы не присутствовали при разговоре, но, поверьте мне, совсем не это она мне обещала.

– Я ничего не *обещала*. Это наше *предложение*, Селестина. – Санчес подтолкнула ко мне бумаги.

Джексон попробовал увещевать меня более мягким тоном:

– Конечно, в твоём возрасте тюрьма внушает ужас, но у тебя будут самые мягкие условия и всего на тридцать дней, а после этого ты будешь свободна и сможешь жить как обычная гражданка страны.

Я оглянулась на большие часы, прислоненные к стене.

– А что будет с Кэрриком?

– Я тебе все объяснила, Селестина, – сказала Санчес. – Он не будет наказан за ваши общие проступки, но Клеймо не будет отменено. Его дело никак не связано с твоим, и для него мы ничего сделать не можем.

– А что будет с судьей Криваном? – спросила я. – Он не попадет в тюрьму за то, что сделал со мной? Не будет заклеен за неэтичные, аморальные поступки? – Я не стала дожидаться, пока они ответят. – Вы просто хотели заполучить его место. Вы говорили, будто собираетесь очистить Трибунал, но вас интересовала только власть. Вы стремитесь к

власти. Сегодня вы потеряли сына и обрели власть – все в один день, – стоило оно того?

Санчес закрыла глаза и сделала глубокий вдох, словно пытаясь сохранить терпение вопреки моим взбрыкам.

Судья Джексон все так же спокойно продолжал:

– Подумай, какой тебе представился шанс. Можно сказать, ты получила от Трибунала подарок. Увидела другую сторону жизни. Редчайшая возможность. Ни у кого такой не было. Воспользуйся этим уроком и двигайся дальше.

– Вы совершенно правы. – Я наконец поглядела судье Джексону прямо в лицо. – И я бы хотела поделиться этим опытом с вами. Вы позволите?

Я снова глянула на часы.

– Я узнала за это время очень многое, и один из главных полученных от вас уроков касается доверия. Кому следует доверять, а кому нельзя. До этого суда, насколько помню, я и не знала, что такое боль. А вот *после* этого многое оказалось для меня неожиданным. Ведь я сама не изменилась. Вы надели повязку мне на руку и оставили шрамы на моем теле – и внезапно изменился весь мир. Мне пришлось как-то к нему приспособливаться. Я вынуждена была разобраться, кто же я такая. Судья Крewan верно сказал в том интервью: наказание открывает человеку глаза на него самого. Я стала больше думать о себе – я стала думать о себе лучше, главное, я научилась полагаться на инстинкты. Полагаться на интуицию. Примерно три недели назад, после суда, судья Санчес навестила меня. Готова была мне помочь. Уже тогда ее беспокоила мысль, что Трибунал вынес неверный приговор.

Судья Джексон резко обернулся к своей коллеге.

Судья Санчес поспешно перебила меня:

– Мне кажется, с нас уже достаточно ее выдумок.

– Я намерен ее выслушать, – решительно заявил Джексон. – Многие ее «выдумки» оказались в итоге правдой.

И, сердито глянув на Санчес, он вновь сосредоточил все внимание на моих словах.

Я продолжала:

– Я выполнила все просьбы судьи Санчес. Сегодня утром я принесла ей доказательство, которого вполне хватило бы для отстранения Крewan от должности. К сожалению, доказательство оказалось чересчур сильным – оно могло бы ниспровергнуть весь Трибунал, – и потому судья Санчес предпочла шантажировать им Крewan и отнять у него должность, но не стала помогать мне, и ее не беспокоит, свершится ли правосудие.

Джексон обеспокоенно поглядел на Санчес.

Я тоже поглядела на нее и улыбнулась:

– Спасибо, что преподали мне урок – доверия и недоверия.

Санчес заерзала. Она хотела одного – скорее дослушать меня и вернуться к сделке. Ничто ее не трогало, ничто не смущало, виноватой она себя не чувствовала. Тем лучше – и я не стану из-за нее переживать, когда случится то, что вот-вот должно случиться.

– Так что Трибунал меня отлично подготовил. – Я поглядела с вызовом на Санчес. – Неужели вы думаете, что я не понимала, как все обернется?

Она сморгнула.

– Неужели вы думаете, что я не догадывалась: вы *не станете* использовать эту запись против Кревана? Думали, я приеду к вам напрямую от Мэри Мэй и отдам вам и запись, и все копии? И вы мне поверили? Думали, мне и в голову не придет, что вы постараетесь меня обойти?

Я улыбалась.

А у нее дергался глаз.

– Я все время на шаг опережала вас, судья Санчес. Все время. Я же *Заклейменная*. Как вы могли мне поверить?

Снова глянула на часы. Ровно шесть.

– Включите телевизор, – сказала я им.

За 16 часов до того

Когда я была маленькой, помню, мама была прямо солнцепоклонником. Ее не волновал закат, обозначавший конец дня, но притягивал восход, чудо начала. Не знаю, в том ли причина, что она оптимист, жизнерадостный человек, которого радует каждый новый день, или же, наоборот, она пессимист и боится, что любой день может оказаться последним.

Так или иначе, мама поднималась спозаранку, будила нас и везла к озеру, чтобы вместе встречать зарю. Став постарше, мы не захотели вскакивать в ночь на будний день, и наши вылазки ограничились выходными. Потом только воскресными утрами, а когда мы с сестрой стали подростками и вообще отказались в этом участвовать, мама продолжала ездить на озеро одна.

Иногда она упрашивала нас поехать вместе и планировала семейные вылазки заранее. Но мы всякий раз ворчали. Засыпали в машине, потом отказывались выползть на берег, и это либо огорчало маму, либо сердило,

смотря какой выпадет день. Помню, однажды я смотрела на нее из окна машины, увернувшись в одеяло и думая: ну что же она за человек, с какой стати приволокла нас сюда, вытащив из теплой кровати? Но теперь, когда я вспоминаю об этом, мне жаль, что я не хотела разделить с ней такие минуты.

А еще эти воспоминания вызывали улыбку. Стоило представить себе, как она подставляет лицо восходящему солнцу, и меня охватывало необычайное спокойствие. Куда бы она ни поехала работать моделью, отовсюду, со всех концов света, она присылала нам фотографии солнечного восхода. Неделя высокой моды в Милане – солнце восходит над Миланским собором; парижское дефиле – солнце над крышами Монмартра. И над линией небоскребов Манхэттена, и над Кэмден-маркетом в Лондоне. Папа иной раз ворчал: лучше бы домой скорее возвращалась.

Она заполняла альбомы этими фотографиями, сплошные восходы, и потом рассматривала их по вечерам у камина, сидя в пижаме, пока все мы смотрели телевизор. Это как-то укрепляло ее душу. А почему – я так ее и не спросила. Теперь-то мне казалось очевидным, что об этом следовало спросить: стоило мне расстаться с родными, и я по тысяче раз на день думала, что вот об этом я упустила спросить и о том надо было. Даже Эван, хотя ему всего восемь лет. Даже о его коротенькой жизни я многого не знала.

После того как я с помощью Кэррика забрала из дома Мэри Мэй стеклянный шар, мы поспешно ускользнули, опасаясь, как бы она нас не схватила. Но мы не сразу позвонили Рафаэлю Ангело, как обещали ему, – сначала мы отправили эсэмэску моей маме и договорились встретиться на берегу озера.

Почему я вызвала маму? По множеству причин. Во-первых, я хотела ее увидеть перед тем, как она отправится на штурм тренировочной базы стражей выручать Джунипер. Во-вторых, я рассчитывала, что мама поможет мне осуществить вторую половину моего плана. И главное – я по ней соскучилась. Я должна была увидеть маму. Потрогать ее. Вдохнуть ее запах. Мне казалось, она все уладит, как в детстве, или хотя бы поможет мне увериться, что все *будет* хорошо. Вручит мне броню против всего враждебного мира. Да, я уже большая, но без мамы никак. Вон и Мэри Мэй не могла обойтись без своей мамочки. И Арт каждую ночь засыпал в слезах, когда его мама умерла. И Креван сошел с катушек оттого, что его сын остался полусиротой. И Кэррик пожертвовал свободой, чтобы найти своих родителей.

А еще я хотела познакомить Кэррика с мамой. Очень хотела.

Мы ждали ее на берегу. Два часа ночи, но я была уверена, что она не спит, готовится рано поутру поспешить на выручку Джунипер. Всего через несколько часов. Конечно же она продумывала свой план, оттачивала его, вновь и вновь репетировала с отцом, который наверняка предпочел бы взять все на себя, но ему нельзя – нужно, чтобы это сделала именно мама.

Через полчаса вдали вспыхнули фары. Мы спрятались. Машина припарковалась. Никто ее не преследовал. Мама вышла на пляж, сама в огромном, не по размеру, кардигане, а еще несла одеяло и сумку. Мы выбрались из укрытия, и мама увидела меня. Ее лицо сморщилось от слез, она бросилась ко мне, широко раскинув руки, и я запуталась в этом просторном кардигане, ощутила тепло ее тела. Я словно в кокон увернулась и в этом безопасном коконе могла снова дышать, выплакаться, прийти в себя.

– Мама, это Кэррик! – еле выговорила я.

– О Кэррик! – Она вновь взметнула крылья кардигана и втянула в кокон Кэррика целиком, все шесть футов. Обе стороны моей жизни наконец-то совпали.

– Я привезла поесть, – сказала она. – Вы проголодались?

– Помираем! – дружно ответили мы.

Пока мы заглатывали сэндвичи, она все присматривалась к нам.

– Вкус еще не вернулся?

Я покачала головой. Это не мешало мне пихать в рот кусок за куском.

– Ты только посмотри. – Она отвела волосы с моего лица. – Так повзрослела.

– Прошло всего – сколько? Три недели? – Я засмеялась, потом виновато оглянулась на Кэррика.

Тогда и мама оглянулась на него и, видимо, поняв, что происходит между нами, стала молча его изучать.

Кэррик под ее взглядом постарался жевать медленнее. Глянул было на нее – и тут же отвернулся.

– Ты волосы подстригла. – Я только сейчас заметила ее ежик.

– Мне прежде казалось, это так банально, когда женщина делает короткую стрижку и все хвалят ее отвагу, словно волосы очень важны. Но я была неправа. Мне приходилось отращивать волосы для участия в рекламе шампуней. Отращивать, краситься под блондинку, делать с волосами то, делать с волосами это. Нарращивать чаще всего, потому что мы же создаем образ здоровых волос. А здоровые, красивые, *идеальные* волосы – это много, много волос. Как мне это надоело. Я взяла и побрила полголовы,

когда меня пригласили на новоселье к Кэнди Креван.

– Это я помню.

– После твоего побега я покрасилась в розовый, но вышел кошмар – бабушка Барби. И тогда я разделалась с ними. Нам внушают, что длинные волосы женственны, это идеально для пляжа, волосы на курортный сезон. Я их всех послала куда подальше.

Мы с Кэрриком расхохотались.

– Ты научилась выражаться не хуже Джунипер.

– Твой папа уж и не знает, что думать, – улыбнулась она. – Но ему, пожалуй, нравится.

У меня зачастило сердце, сжалось горло, когда она упомянула отца.

Я чувствовала на себе взгляд Кэррика, но пока не готова была вернуться к нему. Он понял, что мне нужно поговорить с мамой, и сказал, что пока прогуляется.

– Почему ты всегда приезжаешь сюда встречать рассвет, мам?

– У Джунипер в младенчестве были колики, она почти не спала, ей все время было больно, она кричала дни напролет, а особенно плохо ей было ночью. Твой папа работал в ночную смену, а я носила ее на руках по всему дому. Самые страшные, самые одинокие часы в моей жизни. Все спали, все соседи, казалось, весь мир уснул. Секунды тянулись словно минуты, минуты – как часы, и ее крики... – Ее затрясло при одном воспоминании. – Однажды ночью, так и не сумев ее убаюкать, я села с ней в машину и поехала куда глаза глядят. Лишь бы дома больше не сидеть. Иногда мне удавалось успокоить ее, покатав на машине. Чаще не удавалось. Но в тот раз я поехала к озеру. Сидела на берегу и держала на руках Джунипер, а она плакала, но вроде бы ветерок и плеск воды немного ее успокоили, и тут вдруг ночь начала рассеиваться, показалось солнце, и мне почудилось, будто с меня сняли огромную тяжесть, и усталость, и страх – все растаяло при первых лучах. И Джунипер наконец-то уснула – то ли на свежем воздухе ее сморило, то ли она почувствовала, как успокоилась я.

С тех пор я встречала здесь каждый рассвет, не важно, хотя Джунипер не всегда засыпала. Это было нужнее мне. Потом я пыталась так же приезжать с Эваном, но с вами двумя уже не получалось.

Мне хотелось прощаться с прошедшим днем и здороваться с наступающим, каждый раз как будто новое начало. С чистого листа. Вчерашние проблемы рассеялись, здравствуй, новый день, новая жизнь.

Мы сидели рядом на песке, мама обхватила меня за плечи, я прижалась к ней. Смотрела, как стоит Кэррик у кромки воды – руки в карманах, голову повесил, весь в своих мыслях.

– Он очень красив.

– Точно, – улыбнулась я.

– И? Скажи матери.

– Не думаю, что матери нужно что-то говорить. Ты сама всегда догадываешься, что со мной.

Она улыбнулась, но взгляд был тревожен.

– Знаю, мама, знаю. Посоветуешь мне быть осторожнее, быть разумнее и так далее.

– Все хорошо. Вижу, он надежный человек. И он старается тебя защитить, это я знаю. Он многим рискует ради тебя.

– И ты тоже. – Мне вдруг стало страшно за нее. – И Джунипер. – Глаза наполнились слезами при мысли о том, где сейчас моя сестра. И дедушка – в замке.

– Я не боюсь, и Джунипер ничего не боялась, – сказала мама. – Жду не дожусь минуты, когда я смогу войти в это заведение и потребовать, чтобы мне вернули мою дочь. Именно это я хотела сделать, когда тебя держали в замке, но не могла. Теперь я свой шанс не упущу.

– Спасибо, мама. И прости, что тебе приходится все это пережить – из-за меня.

Она обеими руками обхватила мое лицо.

– Никогда не жалей о том, что ты сделала. Ты пыталась спасти человека. Ты – лучшая из всех нас.

Да, конечно, это мне было приятно слышать.

Мы немного помолчали. Пора.

– Папа как?

– Справляется.

– Все еще работает на радиостанции?

– Да. Эта работа убивает его, но приходится работать на Креванов, потому что...

– Вам нужны деньги.

– Нет, – к моему удивлению, возразила мама. – То есть деньги, конечно, нужны, но он бы нашел и другую работу. Твой папа хочет знать, что с тобой, а, работая на новостной программе, он всегда будет в курсе всего, что известно им. Наш разведчик во вражеском стане.

Мама рассмеялась, и я вместе с ней, радуясь, что и папа оберегает меня.

– Мне нужна его помощь, – сказала я.

Мама поглядела на меня, ожидая объяснений.

– Кэррик думает, цель нашей встречи – обсудить план, как вытащить

Джунипер.

Мы оба оглянулись на Кэррика. Стоит у кромки воды, руки в карманах, взгляд бдительный, вся тяжесть мира на его плечах.

– И то, что я сейчас скажу, он не должен знать. Потому что, если он будет знать, это не сработает.

Я отдала ей флешку.

– На этой видеозаписи видно, как Креван ставит мне шестое Клеймо.

Она с ужасом уставилась на флешку:

– Это сделал Креван? Он сам?

Я кивнула. Даже ей я прежде ничего не говорила.

– Мистер Берри успел сделать запись, – пояснила я. – А теперь он пропал вместе со всеми стражами, которые там были. Потому что Креван хотел уничтожить доказательства.

Мама крепко сжала флешку в руке, пытаясь освоиться с услышанным. С гневом при мысли о том, что сделали с ее дочерью. Ей уже не терпелось ворваться в больницу.

– Ради этого они обыскали дом?

– Да, и ради этого он преследовал меня. Сама я ему ни к чему. Ему нужно это. Передай это папе, пожалуйста. Пусть папа снимет копии. А потом пусть разыщет Эния Слипвелл. Я договорилась с ней. Она знает, что нужно делать.

– Эния Слипвелл, политик?

– Ей можно доверять.

– Ладно. Но я все-таки не понимаю, почему об этом нельзя знать Кэррику?

– Потому что это запасной план. И чем меньше людей будет о нем знать, тем больше у нас шансов, что это сработает. И я все-таки надеюсь, что обойдется без этого. Ноутбук тоже возьми, спрячь где-нибудь. Кэррик и на нем сделал копию. Мне нужна сама флешка. Я еду к судье Санчес.

У мамы челюсть отвисла:

– К кому?

– Основной план, – усмехнулась я.

На горизонте взошло солнце, и начался новый день.

В башенной комнате, наедине с Джексоном и Санчес, я снова оглянулась на часы. На стене мерцал плазменный экран. Джексон нажал

кнопку на пульте управления.

Меня пробила дрожь – от волнения, адреналина, разболевшегося ожога.

Глаза Санчес расширились, она неотрывно смотрела на экран. Как будто и дышать перестала. Политические дебаты передавали по всем каналам.

– Добрый день, я Эниа Слипвелл, лидер партии Жизни. Пять лет назад мы начинали с небольшой группы единомышленников, а сейчас это самая быстрорастущая партия в стране. Два месяца назад я возглавила партию, мы пересмотрели свою политику и заново определили свой путь. Мы представляем подлинные надежды, желания, мечты реальных людей. Наша партия верна своим убеждениям, мы готовы задавать трудные вопросы и искать решения. Мы хотим, чтобы наша страна вернула себе свою силу. Чтобы она вновь была цельной и гармоничной и продвигалась в будущее, ведомая состраданием и логикой.

И мы готовы сорвать покров лицемерия и разоблачить истину о лидерах нашей страны. Вам предстоит увидеть тягостное и страшное зрелище. Шокирующее зрелище. Наше нынешнее правительство подвергает нас всех огромной опасности – наше правительство допустило *вот это*.

Включилась запись из камеры Клеймения. Вот я, привязанная к креслу. Передо мной судья Креван в кровавом плаще, кричит, требует покаяния. Я отказываюсь, высываю язык, первый мой акт неповиновения. Барк зажимает язык щипцами и ставит Клеймо. Мой глухой крик, словно вопли раненого животного.

Да, малоприятное зрелище. Джексон схватился руками за голову. Должно быть, он никогда не видел, как осуществляется вынесенный им приговор.

На экране судья Креван снова кричит на меня: я, мол, порочна до мозга костей. Он распоряжается поставить шестое Клеймо. Тут Джексон выпрямился и в ужасе обернулся к Санчес, потом снова к экрану. Он не верил своим глазам.

Снаружи доносились крики. Толпа. Мятеж.

Я встала и прошла к окну, выходившему на двор. Судьи не пытались меня остановить, поглощенные тем, что происходило на экране.

А снаружи я не увидела уже тысячи Заклейменных, которых недавно сгоняли сюда, зато двор вновь открыли перед публикой, перед теми, кого всегда приглашали полюбоваться, как обвиняемых ведут из камер в Трибунал.

Там, снаружи, многие одеты в красное, но это не Заклейменные. Это обычные граждане, они выступили против Трибунала. Повсюду мелькают красные футболки с надписью «РАСПУСТИТЬ ТРИБУНАЛ», как у мамы, Джунипер, Эвана и одноклассников Тобиаса. Все больше протестующих во дворе, все громче возмущенные крики.

И тут я сообразила, что произошло.

Они тоже смотрели запись моих мучений на большом экране, на котором обычно передавали репортажи из суда. Кто-то переключился на нее с канала о Заклейменных. Все больше и больше людей прорывалось сквозь ворота замка, двор уже затоплен ими, все спешат разобраться, многие подносят ладонь ко рту, словно их мутит при виде расправы, которую учинил надо мной Креван.

На экране Барк отказывается клеймить меня в шестой раз. Говорит, что кончилось обезболивающее. Дружный вздох толпы. Люди хватают друг друга за руки. Они поняли, что сейчас произойдет. И это не только участники протеста, это самые обычные граждане, которые по привычке пришли на суд. Я вижу, как они переходят на нашу сторону. Вот Креван хватается раскаленный прут. Стражи вне себя, они со слезами бормочут мне на ухо какие-то слова поддержки, не дают мне вырываться. Креван прижимает Клеймо к моей спине, и мой вопль разносится над стенами замка – над городом, над всей страной.

Толпа возмущенно взвыла. Меня пробила дрожь.

– Нет, – сказала Санчес, поднимаясь. Ее трясло, красная мантия ходила ходуном.

– Что это? – спросил Джексон. – Так все и было? – Он посмотрел на Санчес, на меня. – Господи Боже!

Запись закончилась, на экран вернулась Эния Слипвелл.

– Простите, мне пришлось показать вам тяжелую сцену. И я хочу попросить прощения у Селестины Норт за ту боль, которую ей причинили. Мы не можем допустить, чтобы так поступали с нашими невинными согражданами. Вот почему партия Жизни решительно требует роспуска Трибунала. Если Трибунал принимает порочные решения, как можем мы разрешить ему действовать и дальше? Довольно с нас постепенных шажков, нам нужен прыжок, чтобы страна снова двинулась вперед. Голосуйте за партию Жизни, за честность и справедливость, за надежную власть, которая поведет страну в будущее. За логику и сострадание!

В башенной комнате повисла тишина.

В башню ворвались стражи.

– Во дворе мятеж. Мы отведем вас в безопасное место.

Джексон поднялся так быстро, что уронил стул – и не стал поднимать. Посмотрел на меня – на лице и шок, и страх, и возмущение.

– Бедная девочка, – прошептал он, и я поняла, что он бы хотел попросить прощения. Потом он перевел взгляд на судью Санчес – с отвращением.

– Судья Джексон, идите сейчас же со мной, – поторопил его страж, и судья поспешно вышел, спасая свою жизнь, только красный плащ мелькнул в дверях.

– Полагаю, сделка отменяется, – сказала я Санчес.

Она повернулась ко мне, и в ее глазах мелькнуло что-то вроде уважения: как я обвела ее вокруг пальца! Но тут же она хладнокровно отвернулась и, не сказав ни слова, ушла вместе с другим стражем.

Я осталась одна в круглой башенной комнате, не зная, что будет дальше со мной. И как там Кэррик, дедушка и Рафаэль – очнулись или еще нет. Я расхаживала по комнате, прислушиваясь к биению сердца. Огромная толпа все втекала и втекала в ворота замка и уж никак не затем, чтобы приветствовать стражей. Люди размахивали кулаками, они требовали ответов, требовали перемен. Я хотела быть там, с ними, а не в этой ловушке.

Дверь распахнулась.

Арт.

– Я так и знал, что на вершине башни меня ждет принцесса, – произнес он. – Я пришел спасти вас, госпожа моя! – и смущенно рассмеялся.

Я поморщилась. Его шуточки не ко времени.

Но прежде чем я успела ответить, он добавил:

– Я вас всех спасу!

– Они спят беспробудно, – сказала я, поспешно продвигаясь к двери, стараясь не обращать внимания на боль в обожженном животе. – Как мы их отсюда вытащим?

– Я подогнал машину к задней двери, главное, до машины их дотащить, – сказал он и пустился вприпрыжку по винтовой лестнице.

На каждой площадке мы видели служителей Трибунала, поспешно удирающих через запасные выходы.

– Адвокат ничего не весит, я понесу его, ты бери дедушку, – продолжал Арт, и я покачала головой: неисправим, так и будет зубоскалить, единственный для него способ преодолеть стресс.

Все бежали прочь из замка, а мы – наоборот, все ниже и ниже, в подвал.

На миг я приостановилось.

– В самом деле, Арт, ну подумай же! Как мы с этим справимся? Вдвоем нам их не унести.

Он тоже прервал бег и оглянулся на меня:

– Может быть, они уже очухались.

– Арт, послушай! Когда мне ввели этот наркотик, я отключилась почти на сутки, а когда проснулась, ноги были парализованы.

– Когда тебе – что ты сказала?

– Правда, это был укол, на этот раз что-то другое. Может быть, просто снотворное. Но все-таки нужно что-то придумать. Нам нужна помощь. Позовем кого-нибудь помочь.

Он обдумал это.

– Заклейменные взбунтовались. Граждане тоже протестуют, штурмуют ворота. Какой-то идиот случайно нажал кнопку, и передача партии Жизни попала на экран во дворе. Теперь все хотят получить голову моего отца – на блюде.

– Мне очень жаль, – тихо сказала я.

– Это я включил, – признался он.

Я потрясенно уставилась на него.

– Ладно, наверное, они и правда помогут. Выйдем, позовем их. Только вот... – Он оглядел свою форму.

– Тебе опасно сейчас выходить, Арт. Оставайся здесь, убедись, что с ними все в порядке. Отопри их камеры. А я побегу за помощью.

Как внезапно мы обменялись ролями.

– Дверь я и отсюда могу открыть. – Арт вошел в служебное помещение, заполненное мониторами, на которых отражалось все, происходившее в нижних камерах. Я вошла вместе с ним и с тревогой уставилась на экран, высматривая, как там дедушка, Рафаэль и Кэррик. Они лежали точно в тех же позах, даже не пошевелинулись.

– Мэри Мэй! – воскликнул вдруг Арт, и я резко обернулась.

Мэри Мэй стояла у двери, глядя на нас. Снова в той форме куратора, делавшей ее похожей на Мэри Поппинс, но лицо от гнева напряглось так, что казалось, распусти она сейчас мышцы – и лицо оторвется, полетит в меня, как снаряд из катапульты.

Я поспешила выйти из комнаты. Страшно было бы оказаться взаперти в этой комнате без окон. Арт вышел следом.

– Я увожу ее отсюда, Мэри Мэй. Она невиновна, – сказал он, заслоняя меня от стражницы. – Ты же видела передачу? Все кончено.

– Передачи меня не интересуют, – отмахнулась она. Похоже, даже не знала, о чем речь. – Ты была в моем доме, – медленно и внятно сказала она мне. – Ты говорила с моей мамой. Ты была у нее в комнате.

Арт обернулся ко мне, и выражение его лица могло бы показаться смешным при других обстоятельствах, но не в этот раз, потому что в руках у Мэри Мэй вдруг появился пистолет.

– Стой! Мэри Мэй! Брось эту штуку! – закричал Арт, бессильно выставляя руки перед собой. – Откуда ... откуда ты, черт побери, ее взяла?

Она и ухом не повела, она его не слышала, не замечала, словно в комнате не было никого, кроме меня. Она шагнула вперед, еще и еще шаг, пока я не попятилась. Подумала – там, в камерах, двери мы оставили открытыми. Лишь бы они сообразили, когда очнутся, – и они, мне очень хотелось в это верить, успеют бежать.

– Ты была в моем доме, – повторила она. – Ты была в комнате моей мамы.

– И вы тоже побывали в моем доме, – парировала я, борясь с дрожью в голосе. – Вы забрали мои вещи, помните? Я пришла за своим.

– Что ты сделала с моей мамой? – продолжала она, как будто ни слова не слышала из всего, что я сказала, как будто ей был внятен только голос у нее в голове.

Она шагнула ко мне снова, проворнее, и я продолжала пятиться, чувствуя, как Арт придерживает меня за локоть. Не хотелось поворачиваться к ней спиной, не хотелось проверять, готова ли она выстрелить. Ноги ослабли, голова кружилась от бредовости, нелепости происходящего. Это не может быть правдой, не может все закончиться вот так, из-за приступа безумия, обуявшего эту одинокую несчастную женщину.

– Я ничего вашей маме не сделала, – нервно ответила я.

– Двигайся, – шепнул Арт, выводя меня в коридор.

Мы продолжали пятиться, не спуская глаз с Мэри Мэй, с нацеленного на нас пистолета. Завернув за угол, мы развернулись и помчались изо всех

сил. Подбежав к выходу, Арт помахал своей карточкой над считывающим устройством, но ничего не произошло. Все двери заперли, чтобы помешать протестующим ворваться в здание.

– Нужен ключ, – напомнила я, и он растерянно выругался.

Вытащил связку ключей, дрожащими пальцами вставил в скважину наугад первый.

Из-за угла появилась Мэри Мэй, она даже не прибавила скорости: медленные, грозные шаги.

– Она сказала, ты сидела у ее постели, – словно в трансе продолжала она. – Назвала тебя ангелом. – Склонив голову набок, она подозрительно меня оглядела: – С чего бы ей такое говорить, Селестина?

– Я не знаю, я не могу ... – Как тут толком ответить, когда в тебя тычут пистолетом?

Арт продолжал возиться с ключами, искал подходящий к замку. Двери старые, ключи невероятных размеров. До сих пор он входил и выходил с помощью электронной карточки, в ключах он явно не разбирался. Я плотно прижалась к Арту, больше мне отступить некуда, а Мэри Мэй неуклонно надвигалась.

– Она сказала, что хочет видеть ИХ. Я ответила – нет. Элис не заслуживает встречи с мамочкой, никогда, после того как она поступила. Никто из НИХ не заслуживает. Они все знали про него и про нее. Перед тем как уйти, мамочка сказала, что прощает меня. *За что меня прощать?* – с нажимом спросила она. – Каждый получает по заслугам. Мне ее прощение не нужно. Они все получили по заслугам. Элис украла его у меня, и они все об этом знали. Все до одного. Я *пощадила* мамочку, – продолжала она. – Я ей *добро* сделала. Ты была в моем доме. Что ты сделала с моей мамой?

– Я же вам говорю – ничего! Я искала свое, то, что вы украли из моего дома. Нашла и забрала. Нашла ту запись, за которой вы охотились. Мы показали ее по телевидению. Все видели. Все теперь знают. Все кончено.

Я надеялась, что мои слова отрезвят ее.

– Она проснулась сегодня утром. В восемь десять. Отказалась от яиц. Два вареных яйца и два стебля спаржи, каждое утро. Сегодня не стала есть. Странно.

Тут я невольно фыркнула – с перепугу, должно быть.

– Я ничего не сделала – такого, чтобы ей из-за этого яйца не есть, – сказала я.

Арт, тихонько ругаясь, пытался повернуть в замке очередной ключ.

– Ты с ней что-то сделала. Она умерла.

– Что? – прошептала я.

Арт перестал возиться с дверью и оглянулся на меня.

– Я ничего не сделала, – в сто первый раз повторила я. – Честное слово. Открывай дверь! – поторопила я Арта, в ужасе сообразив наконец, что тут происходит: ее мать умерла, Мэри Мэй винит в этом меня, в руках у нее заряженный пистолет ... добром это не кончится.

– Она не стала есть яйца, – продолжала она. – Каждое утро она ест яйца, а тут не стала, и я сразу поняла: что-то не так. Она сказала, к ней ночью явился ангел, ей пора к Господу. Я просила ее не глупить, сказала, это у нее снова галлюцинации, у нее такое иногда бывало. То лучше ей, то хуже. Потом, ближе к обеду, она захотела помыться, и я ее искупала.

Арт наконец-то подобрал ключ и распахнул дверь. Сразу пахнуло свежим воздухом, донеслись крики. Я сделала глубокий вдох и шагнула за порог, подальше от этой сумасшедшей, и чем скорее, тем лучше. Но передо мной был двор – широкий, просторный, абсолютно пустой, замощенный камнем идеальный квадрат. Негде спрятаться. Я – удобная мишень. Это был закрытый двор для персонала, а не общедоступный. Сквозь запертую решетку я видела, как безумствует толпа на главной площади. А рядом оказалось несколько человек из персонала замка, но они, увидев в руках у Мэри Мэй пистолет, с криком убежали. Да уж, велика помощь. А полиция где? Тут я поняла, что спасать меня никто не будет. Хотя в руках у Мэри Мэй пистолет, который вовсе не входит в экипировку стража, я – Заклейменная, а она – страж, и никто не вмешается, ведь Заклейменным помогать нельзя. Лишь полицейские вправе прийти мне на помощь, вот только последний мой опыт общения с полицией – тогда, в супермаркете, – не очень-то обнадеживал.

– После ванны мамочка сказала, что устала, – продолжала Мэри Мэй, словно мы не распугали стайку гражданских чиновников и рядом с нами, по ту сторону ограды, не бушевал протест, в котором объединились Заклейменные и обычные граждане. Мэри Мэй пребывала в ином мире. – Иногда она спит днем. Поэтому я уложила ее в постель. И тогда она рассказала мне про тебя. Она приняла тебя за ангела, но я сразу сообразила, что это была ты. Она сказала, что ты побывала у нее ночью, помогла ей зачерпнуть воду из пруда. Сначала я подумала, это выдумки. Потом она сказала, что прощает меня. Что заступится за меня там, когда ее время ... – Она не договорила, одинокая слеза поползла по щеке, руки затряслись. –

Ты ее убила! – закончила она.

– Эй, хватит! – сказал Арт и шагнул вперед, заслоняя меня. – Брось пистолет, Мэри Мэй! Что за глупости!

– Ты убила мою мамочку, – повторила она, не обращая внимания на Арта.

Ворота во двор распахнулись, я быстро оглянулась, увидела, как внутрь хлынул народ. Сюда, к нам, из главного двора бежали и Заклейменные, и незаклейменные. Мне показалось, я увидела впереди Рогана, брата Кэррика, он вел их, но я не была вполне уверена в этом, боялась надолго отводить глаза от Мэри Мэй и ее пистолета.

– Вот она! – завопил кто-то, я решила, это страж спешит схватить меня, и на миг почувствовала облегчение: плевать, кто угодно, лишь бы меня спасли от пули. Правда, понять, кто есть кто, теперь трудно, всех одели в красное – и мы как будто стали все одинаковыми.

– Не учи меня делать мою работу! – Мэри Мэй наконец обратилась к Арту. – Твой отец велел мне присматривать за девчонкой, и я выполняю его инструкции. Работа – вся моя жизнь. Я всем ради нее пожертвовала, служа твоему отцу. Все ему отдала. И такого не бывало, чтобы я не довела дело до конца! – последние слова она уже проорала, ее явно напрягала растущая толпа. Но своим криком она лишь привлекла внимание. Люди подходили все ближе. Послышались голоса, требующие, чтобы она убрала пистолет.

– Вот она! Я же говорил, она здесь! – Знакомый голос. Я глянула влево и увидела Рогана. Так это действительно был он. С ним несколько человек, он указывал им на Мэри Мэй.

– Зря ты меня не схватила, пока могла, – крикнул он ей. – Смотри, кого я привел! Они хотят видеть тебя!

Она услышала наконец и обернулась. Посмотрела на этих людей, и ее лицо переменялось вмиг – отвисла челюсть, кожа побледнела, как у человека, настигнутого сильным шоком.

– Пора признать своих! – крикнул ей мужчина.

– Узнаешь нас, сестренка? – насмешливо спросила женщина. И тут я поняла. Элис и трое братьев Мэри Мэй.

– Мы хотим увидеть маму, – сказала Элис.

– Что ты с ней сделала? – спросил один из братьев.

– Ничего! Ничего! Это все она, – еле слышно отвечала она, силы разом покинули ее при виде родных, которых Мэри Мэй обрекла на Клеймо. Вся ее семья. Отец давно умер – сегодня ушла и мать.

Только сейчас Мэри Мэй поняла, что ее власть подошла к концу. Вокруг бушевал хаос, Заклейменные, стражи, обычные граждане – все

носились как угорелые, но теперь жертвой оказались стражи, а Заклейменные и граждане – преследователями.

Мэри Мэй опустила пистолет, глаза ее наполнились страхом. Она отступила на шаг, потом попыталась бежать, но далеко не ушла: из-за той двери, в которую только что проскочили мы с Артом, высунулась рука. Рука, старавшаяся подтянуть за собой тело по холодному полу камеры – вверх по винтовой лестнице.

Показался Кэррик – весь в поту, тяжело дыша, выбившийся из сил, – он как раз успел ухватить Мэри Мэй за щиколотку, не дать ей уйти.

Мэри Мэй споткнулась и упала. Падая, она инстинктивно выставила перед собой руки и – нажала на спуск.

Пистолет выстрелил. Грохот разнесся по двору.

Упали все. Все упали.

76

Все упали, и я поначалу не могла понять, был ли кто ранен. Миг растерянности, молчания, все лежит – а потом вопль. Истерический, на высокой ноте, без удержу. Крик смертельно испуганного человека. Пуля все-таки в кого-то попала.

Я попыталась сосредоточиться, понять, откуда доносится крик. И наконец поняла: это кричу я сама.

77

Арт лежал на мне, укрыв меня, точно щитом. Он не двигался.

78

– Арт! – завопила я.

– Селестина! – вскрикнул Кэррик.

– Кэррик! – Роган бросился к брату.

– Арт! – Я пыталась подняться, но он был слишком тяжел, а я боялась сделать ему еще хуже.

– Это несчастный случай, – сказала Мэри Мэй, она так и осталась лежать на земле. – Ошибка ... Я не хотела ...

Ее братья поднялись и обступили ее. Один из братьев отобрал у нее пистолет.

Сестра Мэри Мэй подбежала к нам:

– Я ветеринар. То есть была.

Она попыталась нащупать пульс.

– Он жив? – спросила я.

– Селестина! – снова позвал меня Кэррик. – Ты не ранена?

Я не могла ответить ему. Думала только об Арте.

Элис кивнула и осторожно подвинула Арта. Он застонал. Какое счастье – я услышала его голос.

– Руки прочь! – прогремел судья Крewan. Я подняла голову и увидела, как он несется к нам через двор. – Это мой сын.

Элис поглядела на Крewan, потом на Арта, соображая. На один ужасный миг мне почудилось, что она не станет ему помогать, раз у него такой отец. Но Элис быстро приняла решение.

– Насколько мне известно, правилами не запрещается, чтобы Заклейменный помогал стражу, – сказала она.

– Он не страж, – заторопилась я. – Он помог мне бежать.

Я хотела, чтобы как можно больше людей это услышали. Ради Арта. Он не хотел, чтобы в нем видели повторение его отца. Вот чего он больше всего боялся.

– Селестина! – снова позвал меня Кэррик, и я оглянулась. Он изо всех сил пытался встать, подойти ко мне. Роган помогал ему подняться. Я не знала, что делать. Не хотела бросать Кэррика, но с ним брат, а мне нужно спасти Арта.

Арт! Арт, Арт ...

Элис сбросила кардиган, приложила к ране на животе Арта, надавила, пытаюсь остановить кровь.

Он послужил мне щитом, принял пулю вместо меня. Спас мне жизнь.

– «Скорая» уже едет! – крикнул страж.

Крewan рухнул на четвереньки. Я держала голову Арта на коленях, баюкая его, глядя дрожащими пальцами его кудри. На пальцах кровь.

Крewan подполз с другой стороны, наклонился над сыном, осыпал его лицо поцелуями. Так мы оба и скорчились над Артом, плакали оба.

– Он будет жить? – рыдал судья. – Скажите мне, что он поправится. Я

не могу его потерять. Он один у меня остался.

Веки Арта дрогнули и вновь сомкнулись.

– Кто это сделал? – гневно спросил меня Креван.

– Она! – Я не удержалась от соблазна.

Креван обернулся. Мэри Мэй стояла на коленях, словно моля о прощении, ее окружили трое Заклейменных братьев, судя по их виду – готовые в любой момент зарыть сестрицу с головой в землю. От бывлой Мэри осталась только оболочка, дух покинул ее, привычная жизнь распадалась.

– Судья Креван, судья! – простонала она. – Это был ... Я не хотела ... Я пыталась ... Нужно было ... Это Селестина! – выпалила она, ненависть ко мне придала ей сил. – Эта девчонка. Я должна была поймать эту девчонку – для вас.

– Я приказал следить за ней, а не стрелять в нее! – заорал судья. – Направить ее на путь истинный, а не превращаться в убийцу!

– Простите меня, умоляю! Эта работа для меня все. Это моя жизнь. Я всегда во всем слушалась вас и всегда буду.

– Нет, он тебя не простит, – заметил один из братьев. – Ты подвела его. Все кончено.

– Трибунала больше нет! – крикнул ей Креван. – Оглянитесь по сторонам.

И она словно сделалась меньше ростом, осела.

Я крепко держала Арта, он балансировал на грани сознания, веки вздрагивали, он кашлял и стонал.

– Селестина! – снова позвал меня Кэррик. Его голос охрип от крика.

Я подняла глаза и увидела его у двери замка, замка, из которого мы вырвались вместе. Рядом с ним на земле – Роган. Мы встретились взглядами. В глазах Кэррика – печаль, растерянность, надежда. Эти зеленые глаза вопрошали.

А потом захлопнулась дверца «скорой», прервала наш безмолвный разговор, помешав мне ответить – и тем лучше, ведь в ту минуту я не была готова.

Я сидела подле больничной койки Арта, окруженная непроницаемой тишиной. Какой контраст с бурными часами до того и поездкой на «скорой».

Арт стабилен. К счастью, пуля не задела внутренности – ни кишечник, ни печень, – не повредила крупные сосуды. Он поправится. Во всяком случае, физически. А как пуля в живот подействует на его и без того раненую душу – это нам еще предстоит узнать.

Веки отяжелели, у меня как будто наконец наступила в жизни пауза. Три недели подряд я вела себя так, словно стоит остановиться – и я уже ничего не смогу, и вот жизнь осадила меня: *стой, Селестина, довольно*. Мне и самой не хочется никуда больше спешить. Здесь я на своем месте.

У меня на коже шрамы, у Арта – рана от пули. Наши шрамы и другие изъязны рассказывают свою историю. Мои шрамы придают мне сил, напоминают, как я справляюсь с самой трудной порой своей жизни. Арту его шрам будет напоминать о том, как он защитил меня, как поступил правильно, помог Заклейменной. Он искупил свои ошибки и этим помог мне больше, чем сам понимает: он вернул смысл и моим поступкам тоже. Каждый день мы видим свои тела, мы навсегда останемся в этой коже – мы никогда не забудем.

Заглянула сиделка Джуди, она добрая. Забрала мою чашку зеленого чая – остывшую, нетронутую – поставила другую, судя по запаху – ягодный отвар.

– Стараюсь как могу, – пошутила она. – Это тебе из замка передали.

Она протянула мне рюкзак, тот, который был при мне утром, когда нас погнали на рыбразделочный завод. Это удачно, мне так хотелось избавиться от арестантской одежды, в которую меня переодели в замке, – и не только потому я хотела поскорее ее снять, что она пропиталась кровью Арта.

– Мистер Креван, к вам пришли, – добавила сиделка уже вовсе не так любезно.

Креван поднял голову – он так и сидел, зарывшись лицом в простыню, с тех пор как Арта уложили на эту койку. Глаза его налились кровью, покраснела и кожа вокруг, из носа тоже течет. Мы уже много часов просидели рядом, в полном молчании и вполне миролюбиво.

– Полиция? – Он втянул в себя сопли. – Пусть войдут.

Он утер лицо рукавом, готовясь к встрече.

Вошли двое в костюмах.

– Мистер Креван, нам нужно поговорить наедине.

– Все в порядке. Он встал, подтянул джинсы. – Селестина была там, когда это произошло. Она тоже свидетель. Мы уже говорили с полицией на месте, но я рад – я очень ценю ваше серьезное отношение к делу. Вы детективы?

Оба кивнули.

Он шагнул вперед, протягивая руку.

– Мистер Креван, мы по другому делу. Не о ранении вашего сына. Мэри Мэй уже арестована.

– Вот как. Тогда что?

Детективы оглянулись на меня. Я почувствовала холод в кишках. Все из-за меня. Из-за видеозаписи, которую увидела вся страна.

– Как я уже сказал, нам следует побеседовать приватно, – строго повторил детектив, но Креван не из тех, кто сдается без боя.

– Если речь идет о промахах, допущенных Трибуналом, с этим также начали уже разбираться. Лично я больше не служу в Трибунале, меня уволили. Завтра утром об этом сообщат на пресс-конференции. Также начато расследование приговоров Трибунала, так что, господа, все под контролем, Трибунал сам во всем разберется. Вы можете поговорить с новым верховным судьей, Дженнифер Санчес.

Он снова вел себя как судья, пытался все контролировать, будто его ничего не может затронуть, но власти у него уже не было, ни ярко-красной мантии, ни герба «ревнителей идеала», – только мягкая клетчатая рубашка да джинсы, замаранные кровью. Этот неофициальный Креван пытался удержать в руках контроль, Креван-чистящий-гараж, Креван-моющий-машину, возящий Селестину и Арта на фермерские ярмарки. В ту пору я никогда не замечала в нем – чудовище.

– Что касается Селестины, она свободна. Это опять-таки было улажено Трибуналом. Ей полагается небольшой срок в тюрьме, но, я думаю, она будет освобождена и от него, я в этом уверен.

– Нас интересуют не действия Трибунала, а лично ваши действия в отношении Селестины Норт. Это уголовное расследование, – пояснил детектив, а второй, еще менее деликатный, добавил: – Мы также расследуем жалобы Пиа Ванг, Натана Берри, пяти стражей, присутствовавших в камере Клеймения и ставших свидетелями вашего преступления, а также четырех учеников средней школы имени Грейс О’Мэлли^[5].

Преступление.

И вот наконец на его лице проступило то выражение, которое я так давно хотела увидеть – потрясение от того, что ему предъявляют счет люди, облеченные властью, сам закон уличает его, и теперь он знает, что поступил неправильно, что он не господствует над всеми, что пытка, которой он подверг меня и многих других, – зло. Я видела, как в его глазах промелькнули растерянность, сомнение, ненависть к себе, готовность

задавать вопросы, просить прощения. Самоуверенность как рукой сняло.

– Нам сообщили, что состояние вашего сына стабильно. Мы ждали этого известия, прежде чем прийти сюда. Будьте любезны проследовать с нами в участок.

Креван не может оторваться от постели Арта. Я вспоминаю, как меня тащили из автобуса, от Джунипер и Арта, как пронзали слух свистки стражей. Провели через двор под улюлюканье толпы, затем камера Клеймения, шесть ожогов, неделя в постели, пока они заживали, потом меня предали, заперли в сарае мнимые друзья, потом эта стычка в супермаркете, а еще меня хоронили заживо и провели полуголой по улице. Но самое ужасное – расставание с семьей. И все это – его рук дело.

Я смотрела, как уводили Кревана. Наши взгляды встретились, и в его глазах я прочла всю муку, что выпала мне на долю в последние пять недель. Я видела, что теперь он будет так же страдать.

Но вот в чем вопрос: станет ли мне от этого легче?

81

Нет.

Чтобы кто-то выиграл – другой должен проиграть. И если ты что-то выиграл, значит, раньше ты что-то потерял.

Несправедливость справедливости заключается в том, что чувства, предшествующие приговору – и порожденные им, – никогда не уравниются.

Справедливость тоже далека от идеала.

82

Я оставалась с Артом, когда его отца увели. Он выглядел точно ангел – лицо совершенно беззащитное, кожа как у младенца, легкий пушок на верхней губе. Я провела пальцем по его ладони – кожа гладкая, красивые длинные пальцы. Я видела, как эти пальцы перебирали гитарные струны, когда Арт пел о жирафе, которому ни одна водолазка не подходит, о мартышке, страдающей головокружением, о льве, не умеющем пользоваться мышкой, о зебре в крапинку. Мы сидели вокруг и рыдали от смеха, когда Арт потешал нас, и, кажется, никто не понимал по-настоящему смысла его песенок. Арт всегда пел о вещах, которые не укладываются в

общую схему, о существах, оставшихся не у дел, о тех, кто проигрывает, кому чего-то недостает.

Он боролся с собственными демонами с тех пор, как умерла его мама – неудивительно, что он пошел в стражи. Только теперь я начала его понимать, я могла его простить, настолько глубоко я его понимала. Только и нужно всего – сострадание и логика. Смогу ли я простить Арта? Да, смогу даже это.

Я задернула занавески вокруг его постели, чтобы спокойно переодеться в джинсы и футболку – в этой одежде я бежала с помощью Кэррика из секретной больницы Кревана, в этой одежде караулила вместе с ним у дома Мэри Мэй, чтобы завладеть стеклянным шаром, в них меня увели из квартиры Санчес в доки и там раздели и облачили в красную тряпку, чтобы провести по улицам на потеху толпе. Наверное, к джинсам и футболке пристал запах Кэррика. Готова ли я снова их надеть? Не означает ли это, что я развернулась и иду обратно?

Я порылась в рюкзаке, не найдет ли там другой одежды, и наткнулась на дневник Кэррика. Я вспомнила, как рассталась с ним перед тем, как снова встретиться в замке. Я попрощалась с мамой, Кэррик должен был везти ее на вырубку Джунипер, которой – принимая ее за меня – собирались сделать пластическую операцию. Кэррик поехал с моей мамой. Я оставалась на берегу озера ждать Рафаэля Ангело, мы с ним собирались к судье Санчес в надежде заключить с ней сделку.

Когда они отъехали, я хотела крикнуть им вслед, что Кэррик забыл тетради, которые он поручил мне, но не крикнула – мне захотелось оставить их у себя. Не потому, что мне не терпелось в них заглянуть, хотя и это, разумеется, тоже, но я бы не заглянула, я бы не обманула его доверие, – главным для меня было сохранить у себя что-то нужное Кэррику, гарантию, что мы непременно увидимся снова. Гарантию, что с ним все будет хорошо. Дурацкий самообман, но так у меня в тот момент работала голова. Ему придется найти меня, чтобы забрать тетради, или мне придется найти его, чтобы их вернуть.

Теперь впервые с той минуты я задумалась, каким образом Кэррик вообще оказался в замке. Как он туда попал? Если он вместе с мамой отправился на вырубку Джунипер, и Джунипер и мама в полном порядке, и все наши друзья – Мона, Леннокс, Фергюс и Лоркан – подтвердили, что после той операции Кэррик оставался на свободе и в безопасности, – как же он угодил в Хайленд-касл?

Я торопливо пролиستала новости в моем смартфоне и среди сотен сюжетов о переменах, стремительно происходивших в нашей стране,

увидела, черным по белому: Кэррик Уэйн, обвиняемый в нарушении правил Трибунала, уклонении от надзора и помощи Селестине Норт, сдался добровольно.

Вот как он оказался в соседней камере – потому что он сам так решил. А я его бросила.

Я сидела в больнице, потрясенная, словно в ловушке остановившегося времени. Даже слезы на глазах замерли.

Я вынула дневник, чувствуя себя неловко, но все же непременно желая выяснить, что внутри. И зарыдала в голос при виде первой страницы.

Детский, еще неустойчивый почерк. Этот дневник он вел в интернате – он же говорил, что все эти годы вел дневники и прятал от своих наставников.

Сегодня мы проводили опыты с запахом и вкусом. Они хотели выяснить, о чем напоминают нам запахи. Пол Котт, понюхав лимон, заплакал. Ему велели объяснить, в чем дело, и, когда он сказал, учителя ответили, что это воспоминание следует выбросить из головы, потому что его родители плохие.

Мне детская присыпка напомнила о ванне. Наверное, мама купала меня в ванне – больше некому, здесь только душ. Я вспомнил пену, под которой я прятался, как пузырьки щекотали кожу. Вспомнил, как наклеил пузыри на подбородок, будто у меня борода, как у дедушки. И мама смеялась. Я вспомнил, как она заворачивала меня в огромное полотенце, словно младенца, и относила к себе в постель. Вспомнил, как я лягался, и вопил, и прикидывался, будто мне это не нравится, а на самом деле я был счастлив. И мне наливали какао, пока мама сушила мне волосы.

Мне было пять лет. Три года прошло. Но я все помню. Они говорят, что она была плохой матерью. Не годилась. И папа тоже. Они говорят, меня забрали у них для моего же блага, что мама и папа рады были меня отдать, но в это я не верю. Я помню, как они плакали, когда меня забирали. Мама плакала, кричала. Если она плохая, как они говорят, почему же я обрадовался, когда миссис Хэррис надушилась теми же духами? Я никогда ей не скажу, что у нее духи, как у мамы. Почему у меня живот сводит, стоит подумать о них?

В одном учителя правы: запахи подсказывают, они помогают вспоминать, и теперь я не могу остановиться. Они сами сделали так, что я начал, это не моя вина. Я не такой

дурак, как другие, я не расскажу им, что я вспомнил. Настоящее не стану говорить. Потому что я не хочу, чтобы это у меня отняли.

Почти ничего не видя сквозь слезы, я добралась до конца последнего дневника. Целиком читать было некогда, надо было поскорее найти Кэррика и вернуть ему тетради.

Нас предупреждали, что в шестнадцать лет надо выбрать себе фамилию. Нам выдадут паспорта, мы сможем ездить. Фамилии родителей сохранить нельзя, у нас их давно отняли, а так я бы остался Кэрриком Брайтменом. Мысленно я так и называю себя. Но вслух нельзя – здесь у нас вместо фамилии номер.

Я наконец выбрал себе фамилию, и ее одобрили. Я должен был объяснить совету свой выбор. Я не сказал им правду, я давно скрываю от них правду, с тех пор как начал вести этот дневник. Мне кажется, дневник помогает лгать им, потому что я знаю, что есть место, где я говорю правду. Если дневники попадутся им в руки, меня заклеят – ну и пусть.

Я помню, как однажды ночью папа нес меня на плечах. Мы бежали в кромешной тьме, и я думал, что это игра, а теперь догадываюсь, что мы убегали от стражей, но для меня родители делали вид, будто это игра.

Кажется, мы заблудились или мне почудилось, что мы заблудились, и тогда отец научил меня ориентироваться по звездам. Он показал мне Полярную звезду и объяснил, как строить по ней маршрут.

Он сказал мне: если я когда-нибудь сойду с дороги, нужно отыскать эту звезду. Через 1095 дней я выйду отсюда и постараюсь найти родителей. Искать родителей нам строжайше запрещено, об этом нам твердят каждый день. Но я хочу найти женщину, которая заворачивала меня в полотенце, пахнущее детской присыпкой, хочу найти мужчину, который показал мне звезды. Благодаря этим воспоминаниям, обрывкам воспоминаний, я чувствовал себя здесь таким счастливым, защищенным, как никто никогда в этом заведении.

Я не знаю, где они теперь, но знаю одно: ориентироваться надо на север. Все ответы там, и пусть ветер несет меня на

север.

Поэтому я выбрал себе фамилию Уэйн. Флюгер.

Кэррик Уэйн

Я закрыла дневник, слезы катились по щекам, я чувствовала, что нужно спешить. Быстро переоделась в первое, что попало под руку, мне было уже все равно. Можно надеть вчерашнюю одежду и все равно двинуться в завтрашний день.

Носок зацепился за ножной браслет. Я села и сняла его.

Оставила браслет на тумбочке у койки Арта.

– Ты всегда будешь со мной, – шепнула я, поцеловав его в губы. – Прощай, Арт.

Я вышла из палаты, ожидая, что меня вот-вот остановят, но врачи и медсестры уступали мне дорогу. В конце коридора стояли стражи – сердце замерло. Опять схватят. Но добрая медсестра легонько подтолкнула меня, а один из стражей, заведя меня, распахнул дверь.

Я двинулась к двери, а весь больничный персонал вдруг зааплодировал – со слезами, с улыбками на лицах. Я делала шаг за шагом, каждую минуту ожидая, что меня остановят, но никто не преградил мне дорогу. Я вышла в распахнутые двери – в неизвестность.

Два месяца спустя

У дедушки на ферме. Июль. Солнце пригревает. Я в летнем платье, тонкие завязки на плечах, цветочный узор так ярок, что порой привлекает сбитых с толку пчел.

Я устроилась одна среди клубничных грядок, закрыла глаза, подставила лицо солнечным лучам. Я на свободе – и, главное, чувствую себя свободной. Свободной я была и прежде, но не понимала, а теперь – знаю.

Вдали смех, разговоры, пахнет горящим деревом: из земляной ямы достают готовую еду для всех – для работников, для моих родных, для Пиа Ванг и ее семьи, для Рафаэля Ангело, его жены и семерых детей, для семьи Кэррика. Мои новые друзья – Мона, Леннокс, Фергюс, Лоркан, Лиззи и Леонард тоже здесь, а Корделия с Ивлин путешествует, показывает дочке весь огромный мир, все то, чего она была лишена, вынужденная с

рождения прятаться. Леннокс не отходит от Джунипер с тех пор, как впервые ее увидел, и, мне кажется, это взаимно: с лица Джунипер не сходит улыбка. Мистер Берри и Тина предпочли остаться дома. Им все это нелегко дается. Да и никому это легко не дается.

Прошел месяц после той пресс-конференции, когда Трибунал собирался объявить, что верховным судьей вместо Кревана назначается Санчес, но все пошло не по плану, и в итоге на пресс-конференции было объявлено о роспуске Трибунала. Государство назначило Комитет правды, чтобы подготовить отчет о деятельности Трибунала. Началось внутреннее расследование поведения Кревана, а также уголовное дело о тех его преступлениях, которые подпадают под действие закона. Все наперебой старались что-то делать, но решение найти нелегко и пока еще никого не наказали. После драматического выступления Эниа Слипвелл накануне выборов она набрала большинство голосов и стала премьер-министром. Эниа готовит собственное заключение помимо работы Комитета правды – отчет Слипвелл, где будет учтена вся деятельность Трибунала. Роль каждого политика, бизнесмена, светила юриспруденции, который когда-либо имел к этому отношение. Но удастся ли призвать их к ответу – это пока неясно. Все с напряжением ждут публикации отчета.

Эниа прежде говорила, что за один день ничего не изменится, и все же – свершилось. Несколько недель длились споры, но в итоге парламент проголосовал, распустил Трибунал, отменил законы против Заклейменных, вся система была отменена в полночь того самого дня, когда состоялось голосование. За считанные часы Заклейменные получили равные права со всеми жителями страны, больше не считались гражданами второго сорта. Все, Заклейменные и незаклейменные, собрались во дворе замка Хайленд праздновать. И я была там.

Последствия этого декрета были просто невероятными. Рафаэль Ангело только успевал нанимать помощников, чтобы подавать все новые иски с требованием компенсации за ущерб, нанесенный каждому Заклейменному. Правительство выделило сто миллионов на компенсации, фонд Клейтона Берна – он так назван в память о старике, умершем в автобусе, том, которому я пыталась помочь, но так и не спасла. Его жизнь и смерть тоже не будут забыты.

Но главная компенсация – публичные извинения всем жертвам Трибунала, которые от имени правительства принесла Эниа Слипвелл. За то, что это длилось так долго и государство не пресекло деятельность «ревнителей идеала». Вероятно, многие ничего, кроме извинений, и не получают, но Рафаэль не успокоится, пока личные извинения не будут

принесены каждому Заклейменному, пока не будет восстановлена репутация каждого, пока не будут признаны и увековечены страдания каждого.

Правительство сделало официальное заявление: никогда впредь в нашей стране не допустят подобного «забвения человечности, отравляющего души и лишаящего граждан их неотъемлемых прав и достоинства». Теперь все оглядывались на недавнее прошлое и недоумевали, как мы вообще допустили такое. Теперь все казалось очевидным и простым.

Что касается детей, Порочных с рождения, всех этих детей, которых забирали из семьи, а то и отнимали у матерей прямо после рождения, им предоставили право вернуться домой – если пожелают. Но многие так и выросли в интернатах, давно уже стали взрослыми, их родители состарились или умерли, и теперь этим выросшим детям, которым вдалбливали – и они всю жизнь прожили с этим убеждением, – что их родители отщепенцы, что их не любят и бросили, пришлось узнать правду – и при этом узнать, что их родители так и сошли в могилу неоправданными, не получив никаких компенсаций или извинений за свои муки. Эниа Слипвелл организовала Ассоциацию детей Заклейменных во главе с Альфой – нужно было как-то справляться с этим огромным горем, путаницей и ложью.

Так что же в итоге случилось с каждым из нас?

Креван все еще на свободе, ждет суда за шестое Клеймо, которое по своему произволу мне поставил, – отделается наверняка небольшим тюремным сроком. Но его репутация погибла, впредь не будет у него власти и авторитета. Его узнают на улицах, смотрят в упор, выкрикивают проклятия. Судью судят. Я знаю, с чем он сталкивается каждый день. Я прошла через это. Тысячи и тысячи людей прошли через это.

Арт уехал из страны. Он будет учиться и начнет строить свою жизнь заново, не в тени грозного отца. В сентябре у него начинаются занятия в университете. Обещал писать, и, хотя наш союз распался, какая-то связь осталась, она не исчезла и, наверное, сохранится на всю жизнь, просто она не будет столь очевидной, такой, как прежде, когда мы были влюбленной парой.

Я насчет своего будущего пока не решила. Меня звали обратно в школу, доучиться и сдать экзамены, от которых меня всего пару месяцев назад отстранили. В школу я не вернусь, но учиться буду, подготовлюсь к экзаменам заочно. Эниа Слипвелл постоянно звонит и вовлекает меня в различные дела партии Жизни, журналисты тоже хотят знать мое мнение

по любому поводу. У профессора Ламберта, как он говорит, есть для меня работа.

Но пока что я ничего не планирую, обойдусь без глобальных замыслов. Лучше делать шаг за шагом – конечно, пока не приходится по необходимости прыгнуть. Наслаждаться солнечным теплом, ветром в лицо, объятиями Кэррика, голосами родных, их любовью, верностью новых друзей. Простые, естественные блага – но все зависит от того, в какой стране ты живешь и при каких законах, ведь нам все это далось не даром.

Я сорвала клубничину, бросила ее в корзинку, снова почувствовав себя ребенком. Потом увидела на грядке сорняк и потянулась выполоть его – но остановилась. Заговорщически улыбнулась сорняку. Пусть растет. Наш маленький секрет.

Напоследок, прежде чем вернуться к компании, я, не удержавшись – ягоды такие соблазнительные на вид, и хотя бы ради былых времен, в память о том, как мы с Джунипер в детстве собирали их то в корзинку, то в рот, – я достала из корзины одну спелую ягоду и положила ее в рот. Вдохнула сладкий аромат, а на большее и не рассчитывала, к этому я уже привыкла. Но когда я впилась в ягоду зубами, то замерла от неожиданности. Губы и язык ошеломило забытое ощущение.

Я завопила – громко, пронзительно. Разговоры и смех мгновенно стихли. Я опрометью кинулась к друзьям, к родным.

Когда я добежала, они все стояли напряженно, глаз с меня не сводили – взбудораженные, готовые к бою, готовые отразить любых хищников и назойливых чужаков, мы научились иметь с такими дело.

Кэррик, уронив заступ, спешил ко мне от земляной ямы, где он возился вместе с дедом, моим отцом и своим отцом. Глаза его почернели от тревоги.

– Что случилось?

Я уронила свою корзину с ягодами и подбежала к нему. Подпрыгнула – он едва успел меня подхватить, – обвила ногами его талию, прижалась всем телом, ладонями обхватила его удивленное лицо.

И пусть все смотрят – Келли смотрит на нас умиленно, Джунипер ликует, отец застеснялся, и мама смеется над ним, Эван притворяется, будто его сейчас стошнит, и все семеро детей Рафаэля Ангело, как обезьянки, цепляются друг за друга, изображая преувеличенно смачный поцелуй, а Мона, Леннокс, Фергюс и Лоркан подбадривают нас криками – дед присоединился к ним, отчего папа уж вовсе впал в прострацию, – и Пиа Ванг тихо засмеялась, обнимая мужа и двоих детишек.

Я делаю вид, будто ничего этого не замечаю, но я чувствую – они все

рядом со мной, мне передается каждая частица их энергии, их радости.

Я заглянула Кэррику в глаза. самого зеленого цвета. Я прижала губы к его губам и наконец-то ощутила вкус его поцелуя.

84

Есть та, кем, ты думала, тебе надо стать, и есть настоящая ты. Я не знаю теперь, кем должна была стать, но знаю, кто я.

И это, я полагаю, идеальное начало. Идеальное.

notes

СНОСКИ

«Кумбайя» – духовная песня, особенно популярная в 1960-х годах. Традиционно исполнялась у костра скаутами.

Целиакия – хроническое заболевание тонкого кишечника, связанное с врожденной непереносимостью глютена, который содержится в злаковых культурах.

Слова Нельсона Манделы.

4

Transversus abdominis – поперечная мышца живота (*лат.*).

Грейс О'Мэлли – прославленная ирландская «королева пиратов», жившая в XVI веке, участвовала в разгроме испанской Непобедимой армады.